

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 ноября 2019 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2019)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Если предусмотренное санкцией статьи дополнительное наказание в виде штрафа не является обязательным, суд в описательно-мотивировочной части приговора должен указать основания его назначения с приведением соответствующих мотивов.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) П. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к 8 годам 6 месяцам лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил приговор и кассационное определение и исключил назначенное по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. руб., указав следующее.

В соответствии с п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия.

Однако суд, несмотря на то, что санкция ч. 3 ст. 228¹ УК РФ предусматривает возможность применения или неприменения дополнительного наказания в виде штрафа, не обсудил вопрос о его назначении осужденному и в описательно-мотивировочной части приговора принятое решение не мотивировал.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 29-П19С*

2. В силу ч. 6 ст. 53 УК РФ наказание в виде ограничения свободы не может быть назначено осужденному, являющемуся иностранным гражданином.

По приговору суда, оставленному без изменения в кассационном порядке, осужденному по п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, а также по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы, в отношении него установлены ограничения и возложена обязанность в соответствии со ст. 53 УК РФ.

Из материалов уголовного дела следует, что осужденный является гражданином Республики Таджикистан и в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ему не может быть назначено наказание в виде ограничения свободы.

Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил приговор и кассационное определение, исключив назначение осужденному дополнительного наказания в виде ограничения свободы по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, а также указание об установлении ограничений и возложении обязанности в соответствии со ст. 53 УК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 24-П19*

3. Явка с повинной, признанная судом первой инстанции в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, при отсутствии отягчающих обстоятельств является основанием для назначения наказания с применением положений ч. 1 ст. 62 УК РФ.

По приговору суда, постановленному с участием коллегии присяжных заседателей, Ц. осужден к лишению свободы: по пп. «д», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ) на 18 лет, по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) на 3 года без штрафа. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 19 лет лишения свободы.

Кассационным определением приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел уголовное дело по надзорной жалобе осужденного и изменил судебные решения в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Как указано в приговоре, при назначении наказания осужденному в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, судом признаны явка с повинной, совершение преступлений впервые, наличие на иждивении малолетних детей, положительные характеристики в быту и в период

нахождения в следственном изоляторе. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Санкцией ч. 1 ст. 222 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), по которой были квалифицированы действия осужденного, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев либо без такового.

С учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ осужденному по ч. 1 ст. 222 УК РФ не могло быть назначено наказание, превышающее 2 года 8 месяцев лишения свободы. Однако за указанное преступление судом назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы, то есть превышающее установленные законом пределы.

Не была исправлена допущенная ошибка и при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

При таких обстоятельствах Президиум с учетом требований ч. 1 ст. 62 УК РФ изменил приговор и смягчил осужденному наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) до 2 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «д», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ) и ч. 1 ст. 222 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), путем частичного сложения наказаний окончательно назначил Ц. наказание в виде лишения свободы на срок 18 лет 9 месяцев.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 16-П19*

4. В соответствии с положениями ч. 3² ст. 72 УК РФ время содержания под стражей лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ст. 228¹ УК РФ, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день независимо от вида исправительного учреждения.

По приговору суда от 8 июня 2018 г. К. осуждена по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ и ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

Срок наказания постановлено исчислять с 8 июня 2018 г. В срок наказания зачтено время содержания под стражей с 25 июля 2017 г. по 7 июня 2018 г.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2018 г. приговор в отношении К. изменен, на основании п. «б» ч. 3¹ ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. №186-ФЗ) время содержания осужденной под стражей с 25 июля 2017 г. по день вступления приговора в законную силу 5 декабря 2018 г. (включительно) зачтено в срок лишения свободы из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил отменить апелляционное определение и уголовное дело передать на новое апелляционное рассмотрение.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2019 г. отменил апелляционное определение и уголовное дело передал на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ч. 3² ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. №186-ФЗ) время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день в отношении осужденных при особо опасном рецидиве преступлений; осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет; осужденных за преступления, предусмотренные ст. 205–205⁵, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, чч. 2 и 3 ст. 228, ст. 228¹, 229, 275, 276, 361 УК РФ, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277–279 и 360 УК РФ.

По приговору суда К. осуждена за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении К. изменен, со ссылкой на ч. 3¹ ст. 72 УК РФ в срок лишения свободы зачтено время содержания ее под стражей из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Однако при этом не учтено положение ч. 3² ст. 72 УК РФ о том, что в отношении осужденных за преступления, предусмотренные ст. 228¹ УК РФ, время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день. Указанное нарушение уголовного закона, допущенное судом апелляционной инстанции, является существенным, повлиявшим на исход дела, искажающим суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 21-П19ПР*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с реализацией гражданских прав и свобод

5. Обращение гражданина в органы государственной власти, в правоохранительные органы по поводу предполагаемых нарушений закона в целях проведения проверки и устранения нарушений само по себе не является основанием для удовлетворения иска о защите деловой репутации лица, в отношении которого такое обращение состоялось, и в том случае, если убеждения автора оказались ошибочными.

Управляющая компания обратилась в суд с иском к Ч. о защите деловой репутации, сославшись на то, что ответчик обратился к губернатору края и в прокуратуру края с заявлением, в котором содержались не соответствующие действительности сведения, порочащие деловую репутацию истца.

В уточнении к исковому заявлению истец указал, что данные сведения стали известны жителям ряда многоквартирных домов, которые в поддержку истца написали заявления о недостоверности такой информации.

Истец просил суд признать указанную информацию не соответствующей действительности и порочащей деловую репутацию истца, обязать ответчика разместить на информационных стендах названных им многоквартирных домов письмо с опровержением этой информации и направить истцу письменные извинения.

Решением районного суда в иске отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении иска.

Суд апелляционной инстанции признал не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца распространенные ответчиком сведения о деятельности данной управляющей компании по обслуживанию многоквартирных жилых домов, а также обязал Ч. разместить информацию об опровержении данных сведений на информационных стендах указанных в резолютивной части апелляционного определения многоквартирных домов и направить истцу письменные извинения за распространение информации, порочащей деловую репутацию управляющей компании.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и дело направила на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с чч. 1 и 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

Статья 33 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

В соответствии со ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом (п. 1).

Правила данной статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица (п. 11).

Согласно разъяснениям, данным в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 23, 29 и 33 Конституции Российской Федерации), с другой.

Как разъяснено в п. 10 этого же постановления Пленума, в случае, когда гражданин обращается в государственные органы и органы местного самоуправления с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ст. 152 ГК РФ, поскольку в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений.

Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а

исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (пп. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ).

В п. 18 названного постановления также разъяснено, что согласно ч. 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации ст. 152 ГК РФ и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел приносить истцам извинения в той или иной форме.

Из приведенных выше положений Конституции Российской Федерации, норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что обращение гражданина в органы государственной власти, в правоохранительные органы по поводу предполагаемых нарушений закона в целях проведения проверки и устранения нарушений само по себе не является основанием для удовлетворения иска о защите деловой репутации и в том случае, если убеждения автора оказались ошибочными.

Факта злоупотребления ответчиком правом на свободу слова и свободу обращения в государственные органы суд апелляционной инстанции не установил, равно как не установил и того, что целью обращения ответчика к губернатору края и в прокуратуру являлось не устранение нарушений и недостатков, а причинение вреда истцу.

Суд апелляционной инстанции, приведя в апелляционном определении положения ст. 55, 56, 67 и 195 ГПК РФ о доказывании в гражданском процессе, об оценке доказательств судом и о том, что решение может быть основано только на доказательствах, непосредственно исследованных судом, в нарушение этих же норм процессуального права не указал в апелляционном определении ни одного доказательства в обоснование выводов о фактических обстоятельствах дела, в частности о том, что Ч. распространял порочащие деловую репутацию истца сведения среди жителей многоквартирных домов.

В нарушение разъяснений, содержащихся в приведенном выше п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд апелляционной инстанции возложил на ответчика обязанность направить истцу письменные извинения, что, по существу, является принуждением к отказу от собственного мнения.

Определение № 18-КГ19-27

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

6. Завышение цены договора купли-продажи само по себе не свидетельствует о недобросовестности продавца, об обмане или о злоупотреблении с его стороны.

Ф. обратилась в суд с иском к Ч. о признании договора недействительным и применении последствий недействительности сделки, просила взыскать с ответчика уплаченную по договору денежную сумму в размере 2 000 000 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, а также расходы по оплате услуг представителя и государственной пошлины.

Судом установлено, что 2 декабря 2016 г. между Ф. (покупатель) с одной стороны и Ч. (продавец) с другой стороны заключен договор купли-продажи оборудования.

По условиям договора продавец обязуется передать в собственность покупателю следующее оборудование: 4 швейных машинки, парогенератор, портновский манекен, вешало напольное и настенное, 2 стеллажа, раскройный стол и гладильный стол. Указанное выше оборудование должно быть передано покупателю в технически исправном состоянии и по акту оценки технического состояния оборудования. Ответчик обязуется передать истцу в собственность ателье с находящимся в нем оборудованием на согласованных условиях, а истец обязуется принять это имущество и уплатить покупную цену на согласованных условиях. Цена ателье и оборудования в договоре установлена в размере 2 000 000 руб.

Согласно расписке Ч. 2 декабря 2016 г. получила от истца за проданное ателье, расположенное в торговом центре, 2 000 000 руб., а Ф. подтвердила, что купила у Ч. ателье и отдала ей 2 000 000 руб.

По представленному истцом отчету об оценке на 2 декабря 2016 г. стоимость движимого имущества, переданного ответчиком истцу, в количестве 12 единиц составляет 73 600 руб.

Установлено также, что 1 декабря 2016 г. между Ф. (субарендатор) и ИП Ч. (арендатор) заключен договор субаренды нежилого помещения, расположенного в подвале торгового центра, арендуемого Ч. на основании договора, заключенного 20 мая 2016 г. между ИП Ч. и арендодателем (обществом).

В договоре субаренды указано, что помещение можно использовать субарендатору исключительно под ателье.

31 января 2017 г. между арендодателем (обществом) и арендатором ИП Ч. заключено соглашение о прекращении договора аренды от 20 мая 2016 г., после чего истцу поступило требование об освобождении помещения.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что из буквального толкования условий договора с учетом буквального значения слов и выражений «переходит от продавца к покупателю», «передача прав на ателье», «право собственности на ателье», «ответчик обязуется передать истцу ателье» следует, что предметом договора является передача права собственности от продавца Ч. к покупателю Ф. не только на оборудование, но и на помещение, расположенное в торговом центре.

Вместе с тем судом установлено, что Ч. правом собственности на этот объект недвижимости не обладала, а согласно договору аренды от 20 мая 2016 г. являлась его арендатором.

Как указал суд, ответчик является стороной договора, подписала его лично, соответственно, не могла не знать, что гарантированно не сможет исполнить его условия о передаче в собственность покупателя помещения (ателье). Указанные действия Ч. подтверждают наличие в них умысла сообщить истцу недостоверную информацию об условиях сделки с целью ее заключения, что соответствует определению обмана применительно к положениям ст. 179 ГК РФ.

Принимая решение по данному спору, суд также указал, что со стороны ответчика имело место недобросовестное поведение при заключении договора купли-продажи от 2 декабря 2016 г., а потому с учетом установленных судом фактических обстоятельств имелись основания для признания указанного договора недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 10 и п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Данную позицию поддержал суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ, на который сослались суды нижестоящих инстанций, не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В п. 5 той же статьи установлено, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

По смыслу указанной нормы действия участников гражданского оборота предполагаются разумными и добросовестными, пока не доказано обратное.

В соответствии со ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего.

Обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота.

Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане. Считается, в частности, что сторона знала об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником либо содействовало ей в совершении сделки.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая

воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Таким образом, содержание договора определяется в соответствии с его общепринятой трактовкой и пониманием его условий сторонами. Если положения договора могут иметь несколько значений либо не позволяют достоверно установить значение отдельных положений, суды обязаны выявить действительную и реальную волю сторон. Основным способом ее установления являются показания сторон или их представителей по условиям договора и обстоятельствам дела. Суд обязан учитывать в совокупности все собранные по делу доказательства с целью выявления действительной воли сторон и исключения каких-либо сомнений в ее достоверности.

Исходя из буквального содержания договора его предметом является набор оборудования, именуемого также «ателье», на что в своих объяснениях в суде указывала сама истец. В самом тексте договора отсутствует указание о переходе права собственности на нежилое помещение площадью 6 кв. м, расположенное в торговом центре.

Напротив, из содержания договора явно следует, что помещение продавцом арендуется до 1 февраля 2017 г., помещение будет находиться у покупателя в субаренде, после чего покупатель самостоятельно заключит договор аренды с собственником помещения.

Договор аренды помещения с его собственником (обществом) Ч. расторгнут в соответствии с условиями договора с Ф. 31 января 2017 г. – не ранее даты, указанной в договоре.

Обо всех обстоятельствах, связанных с правами на помещение и с необходимостью заключить договор аренды, Ф. могла и должна была знать, поскольку это прямо указано в заключенном сторонами договоре.

Доводы о завышенной цене сами по себе не являются основанием для вывода о недобросовестности продавца, об обмане или злоупотреблении, поскольку покупатель была надлежаще осведомлена о том, что именно покупает и за какую цену. Кроме того, предметом договора являлись не отдельные предметы оборудования, а их комплект.

Выводов о том, что в последующем незаключении договора аренды между Ф. и собственником помещения (обществом) виновна Ч. судебные постановления не содержат.

Общество в своих объяснениях указало на то, что договор не был заключен ввиду отсутствия инициативы со стороны Ф.

В соответствии с абзацем вторым п. 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку.

Ценность объекта купли-продажи, как указывала ответчик, заключается именно в продаже уже готового бизнеса – ателье с функциональным оборудованием, накопленной клиентской базой, которая позволяет осуществлять предпринимательскую деятельность по пошиву, ремонту одежды под заказ. При этом оборудование передается в арендованном помещении, деятельность ателье разрекламирована предыдущим собственником оборудования и имела спрос. На таких условиях истец согласилась заключить договор купли-продажи оборудования по указанной в нем цене, а не по цене отдельно взятых предметов.

Определение № 4-КГ19-3

7. Для признания прикрывающей сделки недействительной в связи с ее притворностью необходимо установить действительную волю всех сторон сделки на заключение иной (прикрываемой) сделки.

По действующему законодательству возможность признания заключенной сделки одновременно как притворной, так и совершенной под влиянием обмана, отсутствует.

П. обратилась в суд с иском к О., Р., А., К. о признании сделок недействительными, применении последствий их недействительности, признании права собственности на квартиру, мотивируя свои требования тем, что 15 июля 2015 г. с целью займа денежных средств в сумме 100 000 руб. под залог принадлежащей ей квартиры она обратилась к А., с которой 16 июля 2015 г. поехала в Росреестр, где А. познакомила ее с Р., представляющей интересы О. В Росреестре П. подписала все документы, переданные ей Р. и А. Несмотря на то, что одним из переданных истцу на подпись документов был договор купли-продажи квартиры, Р. и А. разъяснили ей, что это формальная сделка, поскольку свидетельство о праве собственности на квартиру остается у нее. Кроме того, А. обещала передать истцу в качестве гарантии принадлежащий ей автомобиль стоимостью 2 000 000 руб. Намерения продавать квартиру П. не имела, денег в счет стоимости квартиры не получала. Подписывая документы истец была уверена, что оформляет договор займа под залог квартиры. В тот же день А. передала истцу 50 000 руб. и оформила договор залога принадлежащего ей автомобиля. Спустя две недели с П. стали требовать в счет уплаты процентов по займу 240 000 руб., в противном случае квартира будет продана, поскольку собственником квартиры после подписания 16 июля 2015 г. договора купли-продажи П. уже не является. В дальнейшем с целью погашения займа П. передала Р. 240 000 руб. Поскольку намерения продавать квартиру истец не имела, денег за ее продажу не получала, продолжала проживать в квартире, оплачивая все коммунальные платежи за нее, П. просила суд признать заключенный договор купли-продажи притворным, прикрывающим сделку по займу денежных средств с залогом

недвижимости и восстановить ее право собственности на спорную квартиру, истребовав ее из владения К., которому квартира была продана О.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования П., суд, сославшись на положения ст. 166, 167, 168, 170, 179 и 302 ГК РФ, исходил из того, что П. не имела намерения отчуждать принадлежащую ей квартиру, ее воля была направлена на получение займа в размере 100 000 руб. под залог квартиры; истец утратила титул собственника спорного объекта недвижимости при пороке воли, вследствие обмана со стороны третьего лица А. После заключения договора купли-продажи квартиры П. продолжает проживать в ней, оплачивая жилое помещение и коммунальные платежи.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся судебные акты вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, руководствовалась ст. 170 ГК РФ, а также разъяснениями, содержащимися в пп. 87 и 88 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», и исходила из того, что для признания прикрывающей сделки недействительной в связи с ее притворностью суду необходимо установить, что действительная воля всех сторон сделки была направлена на заключение иной (прикрываемой) сделки.

Обращаясь в суд с иском, П. просила признать заключенный ею договор купли-продажи притворным, прикрывающим сделку по займу денежных средств с залогом недвижимости и восстановить ее право собственности на спорную квартиру, истребовав ее из владения К., которому квартира была передана в собственность О. по договору купли-продажи.

Таким образом, по данному делу юридически значимым обстоятельством являлось выяснение судом вопроса о том, была ли воля всех участников сделок (П., О. и его представителя Р., а также А.) направлена на достижение одних правовых последствий.

Однако данное обстоятельство оставлено судом без исследования и правовой оценки суда не получило. Каких-либо сведений о том, что воля всех сторон заключенных сделок была направлена на достижение одних правовых последствий (заключение договора займа с залогом квартиры), материалы дела не содержат.

Приходя к выводу о притворности договора купли-продажи квартиры от 16 июля 2015 г., заключенного между П. и О., суд исходил из того, что действительная воля П. была направлена на заключение договора займа с А. с залогом принадлежащего ей недвижимого имущества.

При этом суд сослался на утверждения П., а также пояснения представителя ответчика А., данные в судебном заседании суда первой инстанции, тогда как мнение других сторон сделок (О. и его представителя Р.)

судом первой инстанции не выяснялось. Между тем в суде апелляционной инстанции Р. ссылаясь на то, что ее воля была направлена исключительно на заключение договора купли-продажи квартиры.

Более того, ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции не учтено, что признание договора притворной сделкой не влечет таких последствий, как реституция, поскольку законом в отношении притворных сделок предусмотрены иные последствия – применение к сделке, которую стороны действительно имели в виду (прикрываемой сделке), относящихся к ней правил с учетом существа и содержания такой прикрываемой сделки.

Таким образом, вывод суда о притворности оспариваемой сделки является неправомерным.

Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане (абзац третий данного пункта).

В п. 99 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что сделка под влиянием обмана, совершенного как стороной такой сделки, так и третьим лицом, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего (п. 2 ст. 179 ГК РФ). Обманом считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота (п. 2 ст. 179 ГК РФ). Сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана недействительной, только если обстоятельства, относительно которых потерпевший был обманут, находятся в причинной связи с его решением о заключении сделки. При этом подлежит установлению умысел лица, совершившего обман. Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане. Считается, в частности, что сторона знала об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником либо содействовало ей в совершении сделки.

При разрешении спора суд в обоснование своего вывода об удовлетворении исковых требований П. о признании сделок купли-продажи недействительными сослался на положения как п. 2 ст. 179 ГК РФ (сделка,

совершенная под влиянием обмана), так и п. 2 ст. 170 ГК РФ (притворная сделка).

Между тем суд не учел, что по действующему законодательству возможность признания заключенной сделки одновременно как притворной, так и совершенной под влиянием обмана отсутствует, поскольку при заключении притворной сделки все стороны сделки осознают, на достижение каких правовых последствий она направлена, тогда как при заключении сделки под влиянием обмана одна из сторон сделки (потерпевший) была обманута другой стороной либо третьим лицом.

Рассматривая спор, суд указал, что при совершении сделки купли-продажи принадлежащей истцу квартиры П. была обманута третьим лицом А. (вместо договора займа с залогом спорной квартиры был заключен договор купли-продажи с О. в лице Р.).

Однако сведений о том, что другая сторона сделки (О. или его доверенное лицо Р.) знала или должна была знать об обмане, в материалах дела не имеется, суждения суда по данному вопросу отсутствуют.

При таких обстоятельствах вывод суда о признании недействительным договора купли-продажи между П. и О., как совершенного под влиянием обмана, и последующее прекращение судом права собственности К. на спорную квартиру с признанием права собственности на нее за истцом нельзя признать правильными.

Определение № 53-КГ18-38

***Разрешение споров, возникающих из
обязательственных отношений***

8. Лицо, которому судебным приставом-исполнителем на основании акта о наложении ареста (описи имущества) передано на хранение арестованное имущество должника, несет обязанности хранителя, предусмотренные положениями ст. 891 и 900 ГК РФ, и отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, по основаниям, предусмотренным ст. 401 ГК РФ.

Федеральная служба судебных приставов (далее – ФССП России) обратилась в суд с иском к В. о взыскании материального ущерба.

Судом установлено, что на исполнении в отделе судебных приставов находилось исполнительное производство, возбужденное на основании исполнительного листа о возложении на общество обязанности безвозмездно устранить недостатки выполненной работы по договору с К., о взыскании в пользу К. неустойки, компенсации морального вреда, а также штрафа за несоблюдение в добровольном порядке требования потребителя.

В рамках данного исполнительного производства судебным приставом-исполнителем отдела на товар, принадлежащий обществу и предназначенный

для реализации, наложен арест, имущество изъято и передано на хранение представителю взыскателя В.

Задолженность по исполнительному производству о взыскании с общества денежных средств в пользу К. погашена должником в полном размере, в связи с чем арестованное имущество подлежало возврату должнику.

Согласно актам приема-передачи ранее арестованное имущество возвращено обществу, однако часть имущества в результате ненадлежащего хранения передана должнику в испорченном состоянии, чем обществу причинен ущерб.

Решением арбитражного суда, вступившим в законную силу, удовлетворены исковые требования общества к Российской Федерации: с ФССП России за счет казны Российской Федерации в пользу общества взысканы убытки.

Ссылаясь на вину В. в причинении вреда имуществу указанного общества, переданному ей на хранение, ФССП России обратилась в суд с иском к В. о взыскании материального ущерба, возмещенного ФССП России обществу, в свою пользу в порядке регресса.

В. исковые требования не признала, ссылаясь на отсутствие своей вины в причинении вреда имуществу общества, а также на отсутствие у нее договорных отношений с истцом по обеспечению сохранности переданного ей на хранение имущества.

Разрешая данный спор и отказывая в удовлетворении исковых требований ФССП России, суды первой и апелляционной инстанций, ссылаясь на положения ст. 61 ГПК РФ, исходили из установленной вступившим в законную силу решением арбитражного суда вины судебных приставов в необеспечении сохранности имущества общества и наличия причинно-следственной связи между допущенным ФССП России нарушением и возникшими у общества убытками, а также из отсутствия между ФССП России и В. договорных отношений по хранению переданного ей имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствуясь положениями подп. 1 п. 1 ст. 161, п. 1 ст. 886 и п. 1 ст. 887, ст. 906 ГК РФ, а также ст. 86 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», сделала вывод о том, что правила гл. 47 ГК РФ применяются к обязательствам лица, которому судебными приставами-исполнителями передано на хранение арестованное имущество должника. Подтверждением возникновения такого обязательства является акт о наложении ареста на имущество с подписью лица, получившего это имущество на хранение.

Суд при рассмотрении дела не учел приведенные выше правовые нормы, а также тот факт, что В. при передаче ей на хранение имущества расписалась в акте о наложении ареста (описи имущества), в связи с чем на нее распространялись обязанности хранителя, предусмотренные положениями

ст. 891 и 900 ГК РФ, и она как хранитель отвечала за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, по основаниям, предусмотренным ст. 401 ГК РФ (п. 1 ст. 901 указанного кодекса).

Согласно пп. 1 и 2 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Размер ответственности хранителя определяется в соответствии с положениями ст. 902 ГК РФ.

Разрешая данный спор, суд с учетом подлежащих применению норм материального права и ст. 56 ГПК РФ должен был возложить бремя доказывания отсутствия вины в порче части хранящегося у В. имущества на последнюю, однако не сделал этого.

Делая вывод о невиновности В. в ненадлежащем хранении переданного ей имущества со ссылкой на ч. 3 ст. 61 ГПК РФ, суд второй инстанции оставил без внимания то обстоятельство, что предметом рассмотрения арбитражного суда был спор между обществом и Российской Федерацией в лице управления службы судебных приставов и ФССП России о взыскании убытков в силу положений ст. 403 ГК РФ (ответственность должника за действия третьих лиц). Вопрос о виновности В. в ненадлежащем хранении переданного ей имущества предметом рассмотрения арбитражного суда не являлся.

При этом арбитражным судом сделан вывод о том, что на момент изъятия у должника имущество находилось в удовлетворительном состоянии, тогда как на момент его возврата обществу обнаружено его существенное повреждение. Также решение арбитражного суда содержит выводы одновременно как о том, что повреждения имущества общества возникли при изъятии арестованного имущества судебным приставом-исполнителем и передаче его на хранение, так и о том, что повреждение имущества произошло вследствие его ненадлежащего хранения в период нахождения у ответчика.

Суд апелляционной инстанции при разрешении требований ФССП России о взыскании материального ущерба в порядке регресса вопрос о надлежащем исполнении В. обязанности по обеспечению сохранности переданного ей имущества в круг юридически значимых обстоятельств не включил, на обсуждение не ставил.

В соответствии со ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 87 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых

вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», по смыслу ст. 1081 ГК РФ Российская Федерация в порядке регресса вправе взыскать сумму возмещенного вреда с лица, виновного в его причинении, например, при утрате имущества, – с лица, которому имущество передано на хранение (хранителя или должника).

Поскольку в качестве представителя ответчика по основному обязательству о возмещении вреда с Российской Федерации за счет казны Российской Федерации выступает ФССП России, то последняя вправе предъявить иск от имени Российской Федерации в порядке регресса к лицу, виновному в причинении вреда.

С учетом изложенного ФССП России в порядке регресса имела право требовать от В. как от хранителя возмещение убытков, причиненных в результате повреждения имущества общества в период его нахождения у ответчика и уплаченных службой обществу на основании решения арбитражного суда, в случае если В. не будут доказаны основания, освобождающие ее от ответственности.

Определение № 32-КГ18-38

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

9. Действующее законодательство исходит из презумпции виновности образовательного или иного учреждения в причинении вреда несовершеннолетним во время нахождения его под надзором данного учреждения.

По требованиям о возмещении вреда, заявленным в соответствии со ст. 1073 ГК РФ родителям несовершеннолетнего, суд обязан привлечь к участию в деле в качестве соответчика образовательное учреждение, в стенах или на территории которого несовершеннолетний находился в момент причинения им вреда.

Е., действующая в интересах несовершеннолетнего сына И., обратилась в суд с иском к М. и А. о компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Л. указала, что ее несовершеннолетний сын обучается в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении (далее также – школа), в котором также учится сын ответчиков – К.

1 ноября 2016 г. у здания школы несовершеннолетний К. в ходе борьбы с несовершеннолетним сыном истца И. упал на него, причинив вред его здоровью.

По данному факту на основании заявления Е. сотрудниками органа внутренних дел проведена проверка, по результатам которой вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего К. в связи с отсутствием в деянии состава преступления,

поскольку причинитель вреда на момент совершения деяния не достиг возраста, с которого допускается привлечение к уголовной ответственности.

Из акта судебно-медицинского исследования следует, что при обследовании И. в стационарных условиях у него выявлено повреждение, которое исходя из характера, вида, расположения причинено в результате травматического воздействия (удара, сдавливания) тупого твердого предмета, вероятно, 1 ноября 2016 г., повлекло значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на $\frac{1}{3}$ и по этому признаку расценивается как тяжкий вред здоровью.

После полученной травмы несовершеннолетний И. находился на лечении, перенес тяжелую операцию и длительное восстановительное лечение, у него возникли проблемы психологического характера, в связи с чем понадобилась помощь психолога.

Е. ссылаясь на то, что действиями несовершеннолетнего К. ее сыну причинен моральный вред (физические и нравственные страдания), просила на основании положений ст. 1073 ГК РФ взыскать с родителей несовершеннолетнего К. компенсацию морального вреда в размере 300 000 руб.

М. и А., являющиеся родителями К., обратились в суд с требованиями к Е. и общеобразовательному учреждению о признании недействительной расписки от 12 июля 2017 г. и о взыскании денежных средств.

В обоснование заявленных требований М. и А. указали, что Е., оказывая на них психологическое давление и сопровождая требования угрозами об обращении в суд и различные органы, требовала выплаты ей денежных средств в счет возмещения вреда здоровью сына в размере 300 000 руб.

12 июля 2017 г. М. и А. написали расписку, согласно которой взяли на себя обязательство выплатить Е. 100 000 руб. в счет компенсации морального вреда и материального ущерба за вред здоровью, причиненный их сыном ее ребенку И.

Согласно расписке от 15 июля 2017 г. Е. получила от М. и А. денежную сумму в размере 30 000 руб. в счет обеспечения исполнения обязательств по расписке.

Оставшуюся часть суммы в размере 70 000 руб. М. и А. должны были выплатить Е. в срок до 31 декабря 2017 г., но не произвели расчет, посчитав, что поскольку несчастный случай с несовершеннолетним сыном Е. произошел на территории образовательного учреждения (школы) в учебное время, то ответственность за причиненный ему вред должно нести образовательное учреждение из-за отсутствия надлежащего контроля за детьми со стороны администрации школы.

По мнению М. и А., денежные средства, выплаченные ими по расписке от 12 июля 2017 г., являются для них убытками, которые подлежат взысканию с надлежащего ответчика – общеобразовательного учреждения, а сама расписка от 12 июля 2017 г. является недействительной, поскольку была написана под влиянием заблуждения, обязательства, взятые ими по расписке, не подлежат исполнению, а исполненное подлежит возврату надлежащим ответчиком, в

связи с чем просили признать недействительной расписку от 12 июля 2017 г., а также взыскать в свою пользу с общеобразовательного учреждения выплаченные Е. денежные средства в размере 30 000 руб., солидарно с общеобразовательного учреждения и Е. судебные расходы по оплате государственной пошлины, а также расходы на оплату услуг адвоката.

Решением районного суда взысканы в солидарном порядке с М. и А. в пользу И. денежные средства в счет компенсации морального вреда в размере 70 000 руб. и судебные расходы, с М. и А. взыскана государственная пошлина в доход бюджета муниципального района.

Исковые требования М. и А. к Е. и школе о признании недействительной расписки и о взыскании денежных средств оставлены без удовлетворения.

Апелляционным определением решение районного суда изменено в части, в пользу И. взысканы денежные средства в счет компенсации морального вреда с М. в размере 35 000 руб., с А. в размере 35 000 руб.; в пользу Е. взыскано в возмещение судебных расходов с М. и А. (с каждого) в равных частях. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Семейная жизнь в понимании ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми.

Статьей 38 Конституции Российской Федерации и в корреспондирующей ей ст. 1 СК РФ предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (п. 1 ст. 1 СК РФ).

В п. 1 ст. 150 ГК РФ определено, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными гл. 59 (ст. 1064–1101 ГК РФ) и ст. 151 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ, определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Как разъяснено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 6) (далее также – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10), суду следует выяснять характер взаимоотношений сторон и какими правовыми нормами они регулируются, а также устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора. Одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключения составляют случаи, прямо предусмотренные законом.

Судом установлено, что учащийся школы К. на момент причинения вреда 1 ноября 2016 г. являлся несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним).

В соответствии с п. 1 ст. 1073 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине.

Если малолетний гражданин причинил вред во время, когда он временно находился под надзором образовательной организации, медицинской

организации или иной организации, обязанных осуществлять за ним надзор, либо лица, осуществлявшего надзор над ним на основании договора, эта организация либо это лицо отвечает за причиненный вред, если не докажет, что вред возник не по их вине при осуществлении надзора (п. 3 ст. 1073 ГК РФ).

Указанной правовой нормой устанавливается презумпция виновности образовательного или иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за малолетним, причинившим вред во время нахождения под надзором данного учреждения.

В силу положений Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательная организация обязана осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании, в том числе создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации (п. 2 ч. 6 ст. 28).

Образовательная организация несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, а также за жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации (ч. 7 ст. 28 названного выше федерального закона).

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 11 мая 2016 г. № 536 утверждены Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

В соответствии с п. 2.3 Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, при составлении графика дежурств в организации работников, ведущих преподавательскую работу, в период проведения занятий, до их начала и после окончания занятий, учитываются сменность работы организации, режим рабочего времени каждого работника, ведущего преподавательскую работу, в соответствии с расписанием занятий, общим планом мероприятий, а также другие особенности работы, с тем чтобы не допускать случаев длительного дежурства работников, ведущих преподавательскую работу, и дежурства в дни, когда учебная (тренировочная) нагрузка отсутствует или незначительна. В дни работы работники, ведущие преподавательскую работу, привлекаются к дежурству в организации не ранее чем за 20 минут до начала занятий и не позднее 20 минут после окончания их последнего занятия.

В абзаце третьем п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что в случае причинения вреда малолетним (в том числе и самому себе) в

период его временного нахождения в образовательной организации (например, в детском саду, общеобразовательной школе, гимназии, лицее), медицинской организации (например, в больнице, санатории) или иной организации, осуществлявших за ним в этот период надзор, либо у лица, осуществлявшего надзор за ним на основании договора, эти организации или лицо обязаны возместить причиненный малолетним вред, если не докажут, что он возник не по их вине при осуществлении надзора.

В п. 16 названного постановления указано, что родители (усыновители), опекуны, попечители, а также организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор (ст. 155¹ СК РФ), отвечают в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 1073, п. 2 ст. 1074 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетним, если с их стороны имело место безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т.п.). Образовательные, медицинские и иные организации, где малолетний временно находился, а также лица, осуществляющие над ним надзор на основании договора (п. 3 ст. 1073 ГК РФ), отвечают только за неосуществление должного надзора за малолетним в момент причинения им вреда. При предъявлении требований о возмещении вреда, причиненного малолетним в период его временного нахождения под надзором образовательной, медицинской или иной организации либо лица, осуществляющего над ним надзор на основании договора, суды должны учитывать, что пределы ответственности родителей (усыновителей), опекунов, попечителей, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также образовательных, медицинских и иных организаций либо лица, осуществляющего над малолетним надзор на основании договора, на которых в силу ст. 1073 ГК РФ может быть возложена обязанность по возмещению вреда, различны.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что образовательная организация (образовательное учреждение), где несовершеннолетний (малолетний) временно находился, отвечает за вред, причиненный несовершеннолетним, если она не осуществляла должный надзор за ним в момент причинения вреда. Обязанность по надлежащему надзору за несовершеннолетними должна осуществляться образовательной организацией не только во время пребывания малолетнего в стенах образовательного учреждения, но и на его территории, закрепленной за этим учреждением в установленном порядке. Если малолетний причинил вред, находясь под надзором образовательного учреждения, то это образовательное учреждение предполагается виновным в причинении вреда и обязано возместить вред, если не докажет, что вред возник не по его вине.

Согласно справке, выданной отделом опеки и попечительства администрации муниципального района, М. и А. не являются опекунами,

попечителями, приемными родителями, данная семья, имеющая на иждивении троих несовершеннолетних детей, на профилактическом учете в отделе опеки и попечительства как неблагополучная не состоит.

Применительно к спорным отношениям в соответствии с действующим правовым регулированием школа должно доказать отсутствие своей вины в причинении морального вреда малолетнему учащемуся И., находившемуся на территории школы непосредственно после окончания занятий (не позднее 20 минут).

Однако в данном деле суды первой и апелляционной инстанций неправильно истолковали и применили к спорным отношениям нормы материального права, вследствие чего пришли к ошибочному выводу о том, что малолетние дети выбыли из-под контроля образовательного учреждения, в связи с чем школа не может нести гражданско-правовую ответственность за совершенные К. действия.

Рассматривая требования Е. о компенсации морального вреда, суды исходили из того, что причинение вреда несовершеннолетнему И. произошло после окончания уроков и завершения учебного процесса, каких-либо школьных мероприятий на территории участка, находящегося в пользовании школы, не проводилось, а администрацией учебного заведения не принимались обязательства в отношении учащихся по их сопровождению до дома после окончания учебного времени и контроля за их поведением либо иные обязательства по передаче учащихся их родителям.

Между тем образовательные и иные организации, где малолетний временно находился в силу п. 3 ст. 1073 ГК РФ отвечают за неосуществление должного надзора за малолетним в момент причинения им вреда. Такой надзор должен осуществляться в течение всего периода нахождения малолетних в образовательном учреждении, в том числе и на закрепленной за образовательным учреждением территории.

Судебные инстанции не учли, что несовершеннолетним К. вред несовершеннолетнему И. был причинен на территории школы непосредственно после окончания учебных занятий, то есть в период, когда несовершеннолетние должны находиться под надзором образовательного учреждения, и, соответственно, к спорным отношениям подлежат применению положения п. 3 ст. 1073 ГК РФ.

Таким образом, судами первой и апелляционной инстанций допущена ошибка в применении и толковании норм материального права, определяющих ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 14 лет, во время нахождения его под временным надзором образовательной организации, в результате чего юридически значимые обстоятельства по делу определены и установлены не были, предметом исследования и оценки судов не являлись.

Судебными инстанциями при рассмотрении дела допущено и существенное нарушение норм процессуального права.

Истцом Е. в интересах несовершеннолетнего сына И. заявлено требование о компенсации морального вреда в соответствии со ст. 1073 ГК РФ.

В силу абзаца четвертого ст. 148 и п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ судья при подготовке дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса и о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора, а также разрешает вопросы о замене ненадлежащего ответчика.

Согласно абзацу второму ч. 3 ст. 40 ГПК РФ в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе.

Исходя из подлежащих применению норм материального права, регулирующих спорные отношения, суду первой инстанции надлежало поставить на обсуждение сторон вопрос о привлечении к участию в деле в качестве соответчика образовательного учреждения, которое в соответствии с п. 3 ст. 1073 ГК РФ отвечает за причиненный вред малолетнему гражданину во время, когда он временно находился под надзором образовательного учреждения.

Однако суд в нарушение приведенных выше норм процессуального законодательства рассмотрел данное дело по иску Е. в интересах несовершеннолетнего сына И. к М. и А. о компенсации морального вреда без привлечения к участию в деле в качестве соответчика школы.

Определение № 77-КГ19-10

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

10. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из их числа признаются нуждающимися в жилом помещении, предоставляемом по договору найма специализированного жилого помещения, в случаях, если они не являются нанимателями или членами семей нанимателей жилых помещений по договорам социального найма либо собственниками жилых помещений. Возможность проживания указанных лиц в жилом помещении, собственником которого они не являются, правового значения не имеет.

Г. обратилась в суд с иском к Комиссии по решению жилищных вопросов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Департаменту городского имущества г. Москвы о признании решения об отказе в предоставлении жилого помещения незаконным, о признании права на жилое помещение, возложении обязанности предоставить жилое помещение, указав, что относится к категории

лиц из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, – родители умерли, распоряжением главы управы района от 2 ноября 2001 г. опекуном истца назначена ее бабушка Б. Этим же распоряжением за Г. сохранено жилое помещение, в котором она зарегистрирована с рождения и которое принадлежит на праве собственности Б. Однако фактически Г. в указанную квартиру не вселялась, проживая у своей прабабушки К. в квартире по другому адресу. Распоряжением Департамента социальной защиты населения г. Москвы от 7 сентября 2015 г. Г. включена в список детей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями из специализированного жилищного фонда г. Москвы для детей-сирот по договорам найма специализированных жилых помещений, однако 10 ноября 2016 г. решением Комиссии по решению жилищных вопросов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Г. в предоставлении жилого помещения отказано в связи с отсутствием обстоятельств, при которых проживание Г. в занимаемом жилом помещении противоречит ее интересам. Полагала, что данное решение Комиссии является незаконным.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец имеет право пользования квартирой, в которой она зарегистрирована, а доказательств, свидетельствующих о том, что ее проживание в жилом помещении по указанному адресу невозможно по каким-либо основаниям, представлено не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Частью 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность государства обеспечить дополнительные гарантии жилищных прав путем предоставления жилища бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами не любым, а малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище.

Согласно ч. 1 ст. 109 ЖК РФ предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по договорам найма специализированных жилых помещений осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Базовым нормативным правовым актом, регулирующим право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилыми помещениями, является Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Федеральный закон от

21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ), который определяет общие принципы, содержание и меры государственной поддержки лиц данной категории.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, признаются лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей и имеют в соответствии с этим федеральным законом право на дополнительные гарантии по социальной поддержке.

Согласно п. 1 ст. 8 Закона детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений.

Жилые помещения предоставляются лицам, указанным в абзаце первом названного выше пункта, по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия. В случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, жилые помещения могут быть предоставлены лицам, указанным в абзаце первом поименованного пункта, ранее чем по достижении ими возраста 18 лет (абзац второй п. 1).

Пунктом 8 ст. 8 Закона установлено, что дополнительные гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на имущество и жилое помещение относятся к расходным обязательствам субъекта Российской Федерации.

Отношения, связанные с установлением дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа в г. Москве регулируются Законом г. Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Москве», в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 13 которого детям-сиротам и детям,

оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, местом жительства которых является г. Москва, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, местом жительства которых является г. Москва, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, в соответствии с федеральным законодательством и в порядке, установленном Правительством Москвы, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения из специализированного жилищного фонда г. Москвы по договорам найма специализированных жилых помещений, если местом выявления и первичного устройства ребенка на воспитание в семью или в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или местом регистрации их рождения является г. Москва.

Из приведенных выше норм следует, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из их числа признаются нуждающимися в жилом помещении, предоставляемом по договору найма специализированного жилого помещения, в случаях, если они не являются нанимателями или членами семей нанимателей жилых помещений по договорам социального найма либо собственниками жилых помещений.

Между тем положения указанных норм права судом учтены не были.

Как видно из дела, истец ни собственником жилого помещения, ни нанимателем жилого помещения по договору социального найма или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, не является, зарегистрирована в квартире своей бабушки Б., принадлежащей ей на праве единоличной собственности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Г., суд сослался на отсутствие доказательств, свидетельствующих о невозможности проживания истца в жилом помещении опекуна.

Однако применительно к указанным выше нормам права возможность проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа в жилом помещении, собственником которого они не являются, правового значения не имеет.

Суд также не учел, что длительность проживания в квартире опекуна зависит от усмотрения последнего, который вправе по своему усмотрению распорядиться принадлежащим ему на праве собственности имуществом.

Кроме того, приходя к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, суд сослался на положения ч. 2 ст. 57 ЖК РФ и ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, действующей, как указал суд, на момент достижения истцом совершеннолетия).

Однако в связи с принятием Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который согласно ст. 4 вступил в силу 1 января 2013 г., редакция ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ, которой руководствовался суд при принятии решения, утратила силу.

При таких обстоятельствах вывод суда об отказе в иске Г. признан неправильным.

Определение № 5-КГ18-318

11. При рассмотрении споров о предоставлении вне очереди жилого помещения по договору социального найма гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, судам следует устанавливать надлежащего ответчика по делу, на котором лежит обязанность по обеспечению нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями.

С., действующая в интересах несовершеннолетнего Б., обратилась в суд с иском к администрации муниципального района и администрации сельского поселения муниципального района о предоставлении благоустроенного жилого помещения в черте сельского поселения во внеочередном порядке по договору социального найма на семью из одного человека.

В обоснование иска С. указала, что она совместно со своим несовершеннолетним сыном проживает в жилом доме общей площадью 69,2 кв. м, принадлежащем на праве собственности ее матери Г. Всего в доме проживает и зарегистрировано 5 человек.

Б. относится к категории «ребенок-инвалид», страдает заболеванием, входящим в перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378 «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире», действовавшим на момент возникновения спорных правоотношений, что является основанием для предоставления жилого помещения во внеочередном порядке.

В 2015 г. постановлением главы муниципального района истец в составе семьи из двух человек принята на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении, однако до настоящего времени жильем не обеспечена.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что Б. страдает заболеванием, включенным в перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, в связи с чем на основании

п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ он подлежит обеспечению жилым помещением во внеочередном порядке. При этом, руководствуясь положениями Закона Самарской области от 11 июля 2006 г. № 87-ГД «Об обеспечении жилыми помещениями отдельных категорий граждан, проживающих на территории Самарской области», Закона Самарской области от 24 октября 2006 г. № 115-ГД «О наделении органов местного самоуправления на территории Самарской области отдельными государственными полномочиями по обеспечению жилыми помещениями отдельных категорий граждан, а также по постановке на учет и учету граждан, выехавших из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», суд пришел к выводу о том, что обязанность по предоставлению жилого помещения должна быть возложена на администрацию муниципального района.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводом суда первой инстанции о наличии у Б. права на обеспечение жилым помещением по договору социального найма во внеочередном порядке, отменил решение суда в части возложения обязанности поставить Б. на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, поскольку такое требование истцом заявлено не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В ст. 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определено, что инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет.

Между тем для отдельных категорий граждан законодатель предусмотрел возможность предоставления жилого помещения по договорам социального найма во внеочередном порядке.

Пунктом 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ предусмотрено, что вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам,

страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно и которые указаны в перечне, утверждаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации органом.

Данная норма устанавливает особый (льготный) порядок реализации жилищных прав указанных в ней категорий граждан при условии соблюдения общих требований жилищного законодательства применительно к предоставлению жилых помещений по договорам социального найма и подтверждения объективной нуждаемости в жилом помещении (ч. 2 ст. 49, ч. 1 ст. 52 ЖК РФ).

Порядок предоставления жилых помещений из муниципального жилищного фонда предусмотрен чч. 3, 4 ст. 57 ЖК РФ, согласно которым жилые помещения по договорам социального найма предоставляются по решению органа местного самоуправления. Решение о предоставлении жилья по договору социального найма является основанием заключения соответствующего договора социального найма.

В силу п. 5 ч. 1 ст. 14 ЖК РФ предоставление малоимущим гражданам по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда относится к полномочиям органов местного самоуправления.

Как следует из ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ), органы местного самоуправления – это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Муниципальное образование состоит из городского или сельского поселения, муниципального района, городского округа, городского округа с внутригородским делением, внутригородского района либо внутригородской территории города федерального значения.

Полномочия каждого из органов местного самоуправления определены в ст. 14–16² Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ обеспечение проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством относятся к вопросам местного значения городского поселения.

В ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ закреплён минимальный гарантированный перечень вопросов местного значения сельского поселения. В указанный перечень включены вопросы, предусмотренные пп. 1–3, 9, 10, 12, 14, 17, 19 (за исключением использования, охраны, защиты, воспроизводства городских лесов, лесов особо охраняемых

природных территорий, расположенных в границах населенных пунктов поселения), 21, 28, 30, 33 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Законами субъекта Российской Федерации и принятыми в соответствии с ними уставом муниципального района и уставами сельских поселений за сельскими поселениями могут закрепляться также другие вопросы из числа предусмотренных ч. 1 названной статьи вопросов местного значения городских поселений (за исключением вопроса местного значения, предусмотренного п. 23 ч. 1 указанной статьи).

В силу ч. 4 ст. 14 этого же закона только в случае отсутствия указания об отнесении иных вопросов местного значения, предусмотренных ч. 1 данной статьи для городских поселений, к вопросам местного значения сельских поселений в соответствии с ч. 3 поименованной статьи они решаются на территориях сельских поселений органами местного самоуправления соответствующих муниципальных районов. В этих случаях данные вопросы являются вопросами местного значения муниципальных районов.

Согласно ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и ст. 1 Закона Самарской области от 3 октября 2014 г. № 86-ГД «О закреплении вопросов местного значения за сельскими поселениями Самарской области» обеспечение проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством являются вопросами местного значения сельского поселения.

Закон Самарской области от 3 октября 2014 г. № 86-ГД «О закреплении вопросов местного значения за сельскими поселениями Самарской области» закрепил за сельскими поселениями Самарской области вопросы местного значения, предусмотренные пп. 4–8, 11, 13, 13¹, 15, 18, 19 (частично), 20 (частично), 22, 24–27, 31, 32, 33¹–39 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Во исполнение ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и Закона Самарской области от 3 октября 2014 г. № 86-ГД «О закреплении вопросов местного значения за сельскими поселениями Самарской области» в уставе сельского поселения муниципального района предусмотрены обязанность поселения по обеспечению проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством.

Таким образом, областное законодательство относит решение вопросов жилищного законодательства к компетенции сельских поселений.

С учетом этого суду следовало установить, кто является надлежащим ответчиком по делу, на котором лежит обязанность по обеспечению проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями.

Однако судами первой и апелляционной инстанций этого сделано не было.

Определение № 46-КГ19-2

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

12. Отсутствие на момент смерти наследодателя регистрации принадлежащего ему транспортного средства в органах ГИБДД не является препятствием к его наследованию.

К.Е. обратился в суд с иском к управлению Росимущества о включении автомобиля в наследственную массу и признании права собственности в порядке наследования на автомобиль, ссылаясь на то, что он является наследником К.Л., умершей 6 августа 2017 г., которой при жизни на праве собственности принадлежал автомобиль 1967 г. выпуска. 30 января 2010 г. указанный автомобиль был снят собственником с регистрационного учета для продажи, однако продан не был. В выдаче свидетельства о праве собственности в порядке наследования на автомобиль нотариус отказал, указав на то, что право собственности наследодателя на автомобиль не зарегистрировано в установленном действующим законодательством порядке. На основании изложенного истец считает, что спорный автомобиль подлежит включению в состав наследственного имущества, оставшегося после смерти К.Л.

Разрешая спор и отказывая К.Е. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал на то, что доказательств фактического содержания истцом наследственного имущества (пользование им транспортным средством, уплаты транспортного налога) не представлено, в связи с чем пришел к выводу о необоснованности довода истца о принятии в качестве наследства транспортного средства. Кроме того, не представлено доказательств принадлежности автомобиля наследодателю на момент смерти ввиду того, что автомобиль не находится на регистрационном учете транспортных средств.

Апелляционным определением решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества. В случае смерти гражданина право

собственности на принадлежавшее ему имущество переходит по наследству к другим лицам в соответствии с завещанием или законом.

Согласно ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Для приобретения наследства наследник должен его принять (п. 1 ст. 1152 ГК РФ).

В силу п. 2 ст. 1152 ГК РФ принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось.

Способы принятия наследства определены ст. 1153 ГК РФ, п. 1 данной статьи установлено, что принятие наследства осуществляется подачей по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника о принятии наследства либо заявления наследника о выдаче свидетельства о праве на наследство.

Из письменного ответа на запрос нотариуса усматривается, что наследство, открытое к имуществу К.Л., принято ее сыном К.Е. путем подачи нотариусу по месту открытия наследства заявления о принятии наследства в установленный законом срок.

Вывод судов о том, что препятствием к наследованию автомобиля является отсутствие его регистрации на учете транспортных средств на момент смерти наследодателя, является ошибочным.

Согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением транспортных средств, участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов.

В соответствии с п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» собственники транспортных средств либо лица, от имени собственников владеющие, пользующиеся или распоряжающиеся на законных основаниях транспортными средствами, обязаны в установленном порядке зарегистрировать их или изменить регистрационные данные в Государственной инспекции, или военных автомобильных инспекциях (автомобильных службах), или органах гостехнадзора в течение срока действия регистрационного знака «Транзит» или в течение 10 суток после приобретения, выпуска в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, снятия с учета транспортных средств, замены

номерных агрегатов или возникновения иных обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных.

Аналогичные положения также содержатся в п. 4 приказа МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 «О порядке регистрации транспортных средств».

Приведенными выше законоположениями предусмотрена регистрация самих автотранспортных средств, обуславливающая их допуск к участию в дорожном движении.

При этом регистрация указанных транспортных средств носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на них права собственности.

Таким образом, снятие спорного автомобиля с регистрационного учета не свидетельствует о прекращении права собственности на него.

В подтверждение факта нахождения автомобиля в собственности К.Л. на момент смерти представлен паспорт транспортного средства, выданный органом ГИБДД 9 апреля 2012 г., в котором она указана в качестве собственника автомобиля.

Каких-либо данных, свидетельствующих о переходе права собственности на автомобиль от К.Л. к иному лицу, материалы дела не содержат.

Отчет об оценке рыночной стоимости автомобиля, составленный 8 ноября 2017 г. по заказу К.Е., свидетельствует о фактическом нахождении автомобиля во владении наследника. Указанное обстоятельство в суде не оспаривалось. К.Е. в суде пояснил, что машина постоянно находится в гараже.

При указанных обстоятельствах Судебная коллегия с выводами судов об отсутствии правовых оснований для включения в наследство спорного транспортного средства не согласилась.

Определение № 18-КГ19-9

13. Срок исковой давности по требованию о признании недействительным завещания, совершенного гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими, начинает течь со дня, когда заинтересованное лицо узнало или должно было узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания завещания недействительным.

До признания последующего завещания недействительным предыдущее завещание не влечет наступления правовых последствий в связи с открытием наследства.

М.Р. обратился в суд с иском к М.Г., Р. и Г. о признании завещания недействительным, компенсации морального вреда. В обоснование иска указал, что является внуком Г.М., умершей 4 декабря 2013 г., и ее наследником по праву представления. По завещанию от 10 июня 2011 г. Г.М. все имущество завещала сыну Р.М., приходящемуся истцу дядей. 18 июля 2014 г. Р.М. умер, его наследниками являются супруга М.Г. и дети – Р. и Г. Решением районного

суда от 12 мая 2016 г. указанное завещание признано недействительным. 22 ноября 2016 г. нотариус сообщил истцу о наличии составленного 17 июля 2010 г. завещания, по которому Г.М. все имущество завещала Р.М.

Истец полагал, что вследствие заболевания (с 2009 г. Г.М. состояла на учете в психоневрологическом диспансере) Г.М. на момент составления и подписания завещания от 17 июля 2010 г. не могла понимать значение своих действий и руководить ими, а само завещание было составлено под давлением ее сына Р.М.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 4 декабря 2013 г. умерла бабушка истца – Г.М.

Г.М. оформила два нотариально удостоверенных завещания: от 17 июля 2010 г. и 10 июня 2011 г., которыми все имущество завещала своему сыну Р.М.

После смерти Г.М. в установленный законом срок Р.М. обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства по завещанию.

18 июля 2014 г. Р.М. умер. После смерти Р.М. наследниками первой очереди по закону являются дети и супруга Р.М. – ответчики по делу.

Решением районного суда от 19 февраля 2015 г., вступившим в законную силу 25 марта 2015 г., М.Р. восстановлен срок для принятия наследства, открывшегося после смерти Г.М. Указанным решением суда установлено, что М.Р., как внук наследодателя, является наследником по праву представления.

Вступившим в законную силу решением суда от 12 мая 2016 г. завещание Г.М., составленное 10 июня 2011 г., признано недействительным.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований М.Р. о признании завещания недействительным в связи с истечением срока исковой давности, о применении которого заявлено одним из ответчиков, суд первой инстанции исходил из того, что указанный срок следует исчислять с даты вступления в законную силу решения суда о восстановлении М.Р. срока для принятия наследства, то есть с 25 марта 2015 г., поскольку именно с этого момента истец должен был узнать о наличии завещания от 17 июля 2010 г.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты в части по следующим основаниям.

В силу п. 5 ст. 1118 ГК РФ завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства.

Согласно п. 1 ст. 1131 ГК РФ при нарушении положений названного кодекса, влекущих недействительность завещания, в зависимости от основания недействительности завещание является недействительным в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) или независимо от такого признания (ничтожное завещание).

Завещание может быть признано судом недействительным по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием.

Оспаривание завещания до открытия наследства не допускается (п. 1 ст. 1131 ГК РФ).

Поскольку завещание является сделкой, к нему применимы общие нормы права о действительности либо недействительности сделок.

В соответствии с п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

Пунктом 2 ст. 181 ГК РФ определено, что годичный срок исковой давности по искам о признании недействительной оспоримой сделки следует исчислять со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Таким образом, срок исковой давности по иску о признании недействительным завещания, совершенного гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими, начинается течь со дня, когда заинтересованное лицо узнало или должно было узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания завещания недействительным.

Исчисляя срок исковой давности со дня вступления в законную силу решения суда от 19 февраля 2015 г., которым М.Р. восстановлен срок для принятия наследства, суд первой инстанции исходил из того, что именно с этого момента истец мог реализовать свои наследственные права и своевременно узнать о наличии завещания от 17 июля 2010 г.

Между тем, исчисляя срок исковой давности с момента, когда у истца возникло право на обращение к нотариусу с заявлением о принятии наследства, суды не учли, что первоначально наследование осуществлялось по завещанию от 10 июня 2011 г., поскольку в силу п. 2 ст. 1130 ГК РФ последующее завещание отменяет прежнее завещание. По состоянию на 25 марта 2015 г. и до признания завещания от 10 июня 2011 г. недействительным завещание от 17 июля 2010 г. являлось отмененным, не влекло наступления юридических последствий в связи с открытием наследства и не могло нарушать права истца.

В то время как в силу положений ч. 1 ст. 3 ГПК РФ именно нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов лица является обязательным условием реализации права на его судебную защиту.

Специальным последствием недействительности завещания является то, что в случае недействительности последующего завещания наследование осуществляется по закону, а в случае наличия ранее составленного завещания – в соответствии с прежним завещанием (п. 3 ст. 1130 и п. 5 ст. 1131 ГК РФ). При этом не имеют значения основания признания последующего завещания недействительным.

Таким образом, до момента признания недействительным последующего завещания М.Р. не имел права оспаривать отмененное завещание от 17 июля 2010 г.

В силу изложенного суд мог исчислять срок исковой давности по требованию о признании завещания от 17 июля 2010 г. недействительным только после вступления в законную силу решения суда о признании недействительным завещания от 10 июня 2011 г.

Таким образом, неправильное исчисление срока исковой давности привело к принятию неправильного по существу решения в части требования о признании завещания недействительным.

Определение № 11-КГ19-1

***Разрешение споров, возникающих из
семейных отношений***

14. Наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для отступления от начала равенства долей при разделе имущества бывших супругов.

В случае отступления от начала равенства долей бывших супругов в решении суда должны быть приведены мотивы того, каким образом соблюдаются интересы детей, ради которых и должно произойти данное отступление.

Щ.Ю. обратилась в суд с иском к Щ.Д. о разделе совместно нажитого имущества и взыскании алиментов.

В обоснование своих требований истец указала на то, что в период с 2007 г. состояла с ответчиком в браке. Решением суда от 16 января 2018 г. брак был расторгнут. Стороны имеют несовершеннолетнего сына Щ.И., который после развода родителей проживает с матерью. С Щ.Ю. также проживает ее несовершеннолетняя дочь от предыдущего брака.

В период брака супругами приобретено следующее имущество: автомобиль «Тойота», автомобиль «Мазда», а также земельный участок площадью 1500 кв. м.

Ссылаясь на то, что после расторжения брака оба несовершеннолетних ребенка проживают с матерью, при этом обязанности по содержанию Щ.И. ответчик не исполняет, истец полагала, что при разделе совместно нажитого имущества супругов имеются основания для отступления от начала равенства долей супругов, в связи с чем просила признать за ней право на $\frac{2}{3}$ доли в общем имуществе супругов, а за Щ.Д. – $\frac{1}{3}$ доли; произвести раздел совместно нажитого имущества следующим образом: передать в ее собственность автомобиль «Тойота» и земельный участок площадью 1500 кв. м, а в собственность ответчика передать автомобиль «Мазда» и взыскать с него в пользу истца денежную компенсацию за превышение стоимости $\frac{1}{3}$ доли в

общем имуществе, а также взыскать алименты на несовершеннолетнего Ш.И. в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка ответчика.

Разрешая спор и принимая решение о разделе спорных земельного участка и транспортных средств в равных долях, суд первой инстанции не нашел оснований для отступления от начала равенства долей при разделе имущества бывших супругов, сославшись на отсутствие оснований для удовлетворения данного требования.

При этом, как указал суд, наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для увеличения супружеской доли, поскольку содержание детей обеспечивается алиментными обязательствами, равно как не является таким основанием и бездействие ответчика в части неисполнения нотариально удостоверенного обязательства по переоформлению доли в квартире, поскольку данная квартира предметом спора по настоящему делу не является, а права истца и детей можно защитить в ином порядке.

Изменяя решение суда в этой части, суд апелляционной инстанции сослался на возможность в отдельных случаях отступить от начала равенства долей супругов, учитывая интересы несовершеннолетних детей и заслуживающие в связи с этим внимания интересы одного из супругов, в связи с чем произвел раздел имущества сторон по предложенному Ш.Ю. варианту.

Суд апелляционной инстанции исходил из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», согласно которым юридически значимыми обстоятельствами при разрешении вопросов подобного рода является выяснение вопросов о наличии либо об отсутствии оснований для отступления от начала равенства долей супругов в общем имуществе, а также о наличии или об отсутствии оснований для передачи спорного имущества одному из супругов с присуждением другому супругу соответствующей денежной компенсации.

В качестве таких обстоятельств судебная коллегия указала на факт неисполнения ответчиком условия о соблюдении имущественных интересов несовершеннолетних детей, а именно – о передаче им в будущем доли в праве собственности на объект недвижимости – квартиру, а также на наличие личных неприязненных отношений между бывшими супругами как факт, безусловно свидетельствующий о необходимости отступления от начала равенства их долей в совместно нажитом имуществе, сославшись при этом на бытовой конфликт, который завершился примирением сторон при рассмотрении уголовного дела в отношении ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что апелляционное определение в части разрешения спора о разделе общего имущества сторон принято с нарушением норм материального и процессуального права и согласиться с ним нельзя по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью.

Правила определения долей супругов в общем имуществе при его разделе и порядок такого раздела, как указано в п. 4 ст. 256 ГК РФ, устанавливаются семейным законодательством.

В п. 3 ст. 38 СК РФ установлено, что при разделе общего имущества супругов суд по требованию супругов определяет, какое имущество подлежит передаче каждому из супругов. В случае, если одному из супругов передается имущество, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю, другому супругу может быть присуждена соответствующая денежная или иная компенсация.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

При этом суд определяет юридически значимые обстоятельства с учетом подлежащих применению норм материального права.

По общему правилу, установленному в ст. 39 СК РФ, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи (п. 2 ст. 39 СК РФ).

Одним из юридически значимых обстоятельств по данному делу являлось выяснение вопроса о наличии либо об отсутствии оснований для отступления от начала равенства долей супругов в общем имуществе, а также о наличии или об отсутствии оснований для передачи спорного имущества одному из супругов с присуждением другому супругу соответствующей денежной компенсации.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, суд в силу п. 2 ст. 39 СК РФ может в отдельных случаях отступить от начала равенства долей супругов, учитывая интересы несовершеннолетних детей и (или) заслуживающие внимания интересы одного из супругов.

Постановление содержит перечень возможных случаев и оснований, которые законодатель понимает как заслуживающие внимания. При этом закон не требует наличия совокупности этих оснований. В частности, таким

самостоятельным основанием являются, прежде всего интересы несовершеннолетних детей.

Отступление от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей согласуется также с конституционным принципом, закрепленным в ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации.

Закон не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе.

Указанные причины (обстоятельства) устанавливаются в каждом конкретном случае с учетом представленных сторонами доказательств. При этом данные причины и представленные в их подтверждение доказательства должны оцениваться судом в совокупности (ч. 4 ст. 67 ГПК РФ), с приведением мотивов, по которым данные доказательства приняты в обоснование выводов суда или отклонены судом.

Между тем, определив наличие обстоятельств, позволяющих, по его мнению, отступить от начала равенства долей супругов в отношении их совместно нажитого имущества, суд апелляционной инстанции не указал, каким образом в данном случае соблюдаются интересы детей, ради которых и должно произойти данное отступление.

В определении суда апелляционной инстанции не указано, какие конкретно права и интересы несовершеннолетнего сына сторон нарушены действиями ответчика Щ.Д., не приведено обоснований вывода о том, что именно такое распределение долей (за Щ.Ю. – $\frac{2}{3}$ доли, за Щ.Д. – $\frac{1}{3}$ доли) в имуществе супругов будет способствовать интересам несовершеннолетнего.

При этом действия Щ.Д., выразившиеся в неисполнении обязательства в отношении имущества, не являющегося предметом спора, суд апелляционной инстанции указывает в качестве основания, позволяющего отступить от начала равенства долей в общем имуществе супругов.

Кроме того, указав на то, что отец несовершеннолетнего ребенка не произвел отчуждение своей доли, суд не исследовал обстоятельств определения судьбы доли квартиры, принадлежащей матери их несовершеннолетнего сына, и не дал этому какой-либо правовой оценки. Между тем истец так же, как и ответчик, не распорядилась принадлежащей ей долей в жилом помещении в пользу своих несовершеннолетних детей.

При данных обстоятельствах бывшие супруги находятся в равном положении относительно своего отношения к соблюдению имущественных интересов детей.

В обжалуемом апелляционном определении также указано на то, что между бывшими супругами сложились неприязненные отношения.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что суд апелляционной инстанции признает отношения супругов взаимно недоброжелательными, однако на этом основании ошибочно полагает возможным уменьшить долю

только ответчика в совместно нажитом имуществе без законных на то оснований.

Иных обстоятельств, позволяющих сделать в пользу истца исключение из общего правила о равенстве долей супругов в общем имуществе, судом апелляционной инстанции не установлено.

С учетом изложенного у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для применения к спорным правоотношениям п. 2 ст. 39 СК РФ.

Определение № 36-КГ19-1

Процессуальные вопросы

15. Для решения судом вопроса о подсудности дела по спору о порядке общения с ребенком, имеющим гражданство иностранного государства, следует устанавливать место обычного проживания ребенка.

Суды Российской Федерации вправе принимать к своему производству иски к иностранным гражданам по месту их жительства на территории Российской Федерации и миграционного учета.

Д. обратился в суд с иском к К. о возложении обязанности не чинить препятствий в общении с дочерью Н., 2014 г. рождения, об определении порядка общения с ней, мотивируя свои требования тем, что с 2003 по 2016 г. проживал с ответчиком в гражданском браке, в котором родилась дочь Н. В 2014 г. стороны переехали из Королевства Нидерландов в Российскую Федерацию, где проживали совместно до декабря 2016 г. С этого момента ответчик чинит ему препятствия в общении с дочерью, от заключения соглашения о порядке общения с дочерью ответчик отказывается.

Обращаясь в районный суд г. Москвы истец Д. ссылаясь на то, что он (гражданин Королевства Нидерландов) и К. (гражданка Республики Польша) находились в фактически брачных отношениях, имеют несовершеннолетнюю дочь Н. (гражданка Королевства Нидерландов), с 2014 г. стороны постоянно проживают в Российской Федерации, осуществляя трудовую деятельность, однако в настоящее время совместного хозяйства не ведут, ответчиком чинятся препятствия в общении с ребенком.

Прекращая производство по делу, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь ст. 134, 220 и 402 ГПК РФ, исходил из того, что спор неподведомствен российскому суду и подлежит разрешению компетентным судом Королевства Нидерландов, поскольку стороны являются гражданами иностранных государств (Королевство Нидерландов и Республика Польша), не имеют совместного места жительства на территории Российской Федерации, а также их несовершеннолетний ребенок не имеет места жительства на территории Российской Федерации и проживает в Российской Федерации временно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя вынесенные по делу судебные постановления и направляя дело для рассмотрения в суд первой инстанции, руководствовалась положениями ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220 ГПК РФ, ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, указав в том числе следующее.

Согласно ч. 2 ст. 1 ГПК РФ, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора.

Российская Федерация присоединилась к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. (далее – Конвенция), которая вступила в силу для Российской Федерации 1 июня 2013 г.

Государства Нидерланды и Польша также являются государствами – участниками Конвенции.

В соответствии с п. 1 ст. 5 Конвенции судебные или административные органы Договаривающегося государства места обычного проживания ребенка обладают юрисдикцией принимать меры, направленные на защиту личности или имущества ребенка.

В числе мер, направленных на защиту личности или имущества ребенка, Конвенция называет меры, касающиеся прав опеки, включая права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место проживания ребенка, а также прав доступа, включая право взять ребенка на ограниченный период времени в место, отличное от места обычного проживания ребенка (п. b ст. 3 Конвенции).

Таким образом, Конвенция закрепляет подход, согласно которому вне зависимости от места жительства ответчика российский суд наделен юрисдикцией рассмотреть спор о ребенке, если этот ребенок имеет обычное место жительства в Российской Федерации.

При этом под «местом обычного проживания» предполагается место, которое отражает некоторую степень интеграции ребенка в социальное и семейное окружение.

Таким образом, для решения судом вопроса о подсудности дела по спору о порядке общения с ребенком, имеющим гражданство иностранного государства, следует устанавливать место обычного проживания ребенка, для чего подлежат выяснению такие вопросы, как длительность, периодичность, условия и причины пребывания ребенка на территории государства и перемещения семьи в это государство, национальность ребенка, место и условия посещения образовательного учреждения, языковые знания, семейные и социальные связи ребенка в этом государстве.

Однако этого судом сделано не было, суждения суда по данному вопросу отсутствуют.

При этом суд первой инстанции пришел к выводу о временном проживании малолетней Н. на территории Российской Федерации, не приведя соответствующих мотивов и не указав, чем подтверждается это обстоятельство.

Вопрос о месте обычного проживания также судом апелляционной инстанции не выяснялся.

Между тем в апелляционной жалобе Д. ссылаясь на то, что почти с рождения, с 2014 г. малолетняя Н. проживает на территории Российской Федерации, посещает детский сад.

Однако суд апелляционной инстанции ограничился лишь формальным суждением о непроживании малолетней Н. с 2014 г. по адресу, указанному в иске в качестве адреса ее законного представителя К.

С учетом того, что такое юридически значимое обстоятельство, как место обычного проживания ребенка, ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции не устанавливалось, вывод суда о неподсудности гражданского дела по иску Д. к К. о возложении обязанности не чинить препятствий в общении с ребенком и об определении порядка общения с ним сделан преждевременно.

Кроме того, подсудность гражданских дел с участием иностранных лиц в Российской Федерации определяется по общим правилам гл. 3 ГПК РФ с применением специальных норм, содержащихся в гл. 44 ГПК РФ.

Так, согласно ч. 1 ст. 402 ГПК РФ в случае, если иное не установлено правилами гл. 44 ГПК РФ, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам гл. 3 данного кодекса.

Подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации регламентирована ч. 2 ст. 402 ГПК РФ, в соответствии с которой суды в Российской Федерации рассматривают дела с участием иностранных лиц, если организация-ответчик находится на территории Российской Федерации или гражданин-ответчик имеет место жительства в Российской Федерации.

Из содержания указанных норм в их взаимосвязи следует, что суды Российской Федерации вправе принимать к своему производству иски к иностранным гражданам, если последние имеют на территории Российской Федерации место жительства.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в редакции от 27 декабря 2018 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» место жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации – жилое помещение, по адресу которого иностранный гражданин или лицо без гражданства зарегистрированы в порядке, установленном этим федеральным законом.

Место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации – жилое помещение, не являющееся местом жительства, или иное помещение, в котором иностранный гражданин или лицо без гражданства фактически проживает (регулярно использует для сна и отдыха), либо организация, по адресу которой иностранный гражданин или лицо без

гражданства подлежит постановке на учет по месту пребывания в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 21 названного федерального закона (п. 4 ч. 1 ст. 2).

Поэтому при решении российскими судами вопроса о подсудности дел с участием иностранных граждан следует определять, имеет ли ответчик на территории Российской Федерации место жительства применительно к положениям ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», чего судом сделано не было.

Прекращая производство по настоящему делу в связи с неподсудностью дела российскому суду, суд со ссылкой на ст. 163 СК РФ сослался лишь на отсутствие совместного у родителей ребенка (сторон по делу) места жительства на территории Российской Федерации.

Между тем ст. 163 СК РФ регулирует права и обязанности родителей и детей, которые являются иностранными гражданами (лицами без гражданства).

В силу данной статьи права и обязанности родителей и детей, в том числе обязанность родителей по содержанию детей, определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства. При отсутствии совместного места жительства родителей и детей права и обязанности родителей и детей определяются законодательством государства, гражданином которого является ребенок. По требованию истца к алиментным обязательствам и к другим отношениям между родителями и детьми может быть применено законодательство государства, на территории которого постоянно проживает ребенок.

Таким образом, указанная статья регулирует применимое материальное право к семейным отношениям иностранных граждан и лиц без гражданства, не регламентируя вопросы подсудности гражданских дел.

Определение № 5-КГ18-325

16. Если иное не предусмотрено международным договором, иски о разделе совместно нажитого имущества супругов (граждан Российской Федерации), находящегося на территории иностранных государств, подлежат рассмотрению российскими судами по общим правилам подсудности, установленным гл. 3 ГПК РФ.

Е. обратилась в суд с иском к В. о разделе совместно нажитого имущества, указав, что решением мирового судьи брак между сторонами расторгнут. Просила разделить совместно нажитое имущество супругов, находящееся как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, взыскать с В. денежную компенсацию в счет разницы в цене подлежащего разделу имущества, денежные средства, полученные в период брака от сдачи в аренду совместного имущества супругов, денежные средства, полученные В. в

период брака в качестве дохода от предпринимательской деятельности, возместить судебные расходы на оплату государственной пошлины.

Решением суда в удовлетворении иска Е. о разделе совместно нажитого имущества, находящегося на территории Российской Федерации, а также взыскании денежной компенсации в счет разницы стоимости выделяемого в собственность супруга имущества, возмещении расходов отказано.

Определением того же суда, оставленным без изменения апелляционным определением, возвращено исковое заявление Е. к В. о разделе совместно нажитого имущества, находящегося за пределами Российской Федерации, а также взыскании с ответчика суммы полученных им в период брака доходов от предпринимательской деятельности, осуществляемой за пределами Российской Федерации, и суммы полученных в период брака доходов от сдачи в аренду принадлежащего супругам недвижимого имущества, расположенного на территории иностранных государств. Разъяснено, что истец вправе обратиться с данными требованиями в компетентный суд по месту нахождения движимого и недвижимого имущества.

Возвращая исковое заявление Е. в части раздела имущества, находящегося за пределами Российской Федерации, а также суммы доходов от предпринимательской деятельности, осуществляемой за пределами Российской Федерации, и суммы доходов от сдачи в аренду недвижимого имущества, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, исходил из того, что данные требования не подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции Российской Федерации, а могут быть рассмотрены компетентными судами иностранных государств по месту нахождения имущества.

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

На основании ст. 2 СК РФ семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами.

В силу п. 1 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения

здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства (п. 2 данной статьи).

В п. 1 ст. 161 СК РФ определено, что личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства. Личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, не имевших совместного места жительства, определяются на территории Российской Федерации законодательством Российской Федерации.

Как следует из материала, стороны с 16 июля 1985 г. состояли в зарегистрированном браке, решением мирового судьи от 14 апреля 2017 г. брак между ними расторгнут.

При обращении в суд с иском Е. к разделу указано имущество, находящееся как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами (в Республике Сингапур и во Французской Республике).

Как видно из представленных материалов, Е. и В. являются гражданами Российской Федерации, проживают на территории Российской Федерации.

Возвращая исковое заявление Е. в части, суд не принял во внимание то обстоятельство, что требования истца не являются иском о правах на недвижимое имущество, а направлены на изменение режима совместной собственности супругов, в связи с чем вывод о том, что истец вправе разделить спорное имущество исключительно в компетентном суде иностранного государства по месту нахождения недвижимого имущества, признан ошибочным.

Гражданский процессуальный закон не относит требование о разделе совместно нажитого имущества супругов (граждан Российской Федерации), находящегося на территории иностранных государств, к исключительной компетенции иностранных судов, в связи с чем на данные требования распространяются общие правила подсудности, установленные гл. 3 ГПК РФ. Такого рода иски подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором.

С учетом изложенного возвращение судом искового заявления Е. в части раздела имущества, находящегося за пределами Российской Федерации, по причине неподсудности российскому суду признано Судебной коллегией неправомерным.

17. После возбуждения производства по делу о банкротстве застройщика заявление участника долевого строительства о признании права собственности на нежилое помещение как объект незавершенного строительства не подлежит принятию к производству суда общей юрисдикции и рассмотрению по существу.

И. обратилась в суд с иском к обществу о признании права собственности на долю в праве общей долевой собственности на объект незавершенного строительства (нежилые помещения). В обоснование требований истец ссылалась на то, что между ней (участником долевого строительства) и обществом (застройщиком) были заключены договоры участия в долевом строительстве многофункционального комплекса, по условиям которых застройщик обязался в установленный срок построить многофункциональный комплекс и после получения разрешения на ввод его в эксплуатацию передать участнику долевого строительства ряд нежилых помещений. И. в полном объеме и в срок исполнила свои финансовые обязательства перед ответчиком, однако последний свои обязательства не исполнил, на данный период объект построен, но не произведена его внутренняя отделка.

Решением арбитражного суда общество (застройщик) признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

Согласно представленному в материалы дела заключению эксперта указанные в договоре участия помещения располагаются в гостиничном блоке строящего спортивно-оздоровительного комплекса. Степень готовности спорных объектов недвижимости составляет 55%.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования И., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец надлежащим образом исполнила свои обязательства по внесению денежных средств, предусмотренных договором участия и дополнительным соглашением; помещения (апартаменты) располагаются в гостиничном блоке и имеют высокую степень готовности (55%), могут являться обособленными объектами строительства, права собственности на данные объекты не зарегистрированы, ответчик в установленный срок не исполнил обязательства по передаче И. нежилых помещений. При этом суд указал на то, что на возникшие между сторонами правоотношения не распространяются положения параграфа 7 гл. IX, ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), поскольку при начале процедуры банкротства не было указано на то, что ответчик является застройщиком.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты как вынесенные с нарушением норм материального и процессуального права и прекращая производство по делу, руководствовалась ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении

изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», ст. 32 и абзацем седьмым п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве, положениями ч. 3 ст. 22 ГПК РФ (в редакции, действовавшей на момент рассмотрения дела судом), ч. 1 ст. 223 АПК РФ, а также разъяснениями, содержащимися в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» и в п. 1 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., указала на то, что поскольку требование истца предъявлено в суд после вынесения арбитражным судом решения о признании общества (застройщика) несостоятельным (банкротом), то спор подлежал разрешению арбитражными судами.

Надлежащим способом защиты права физического лица на нежилое помещение в объекте незавершенного строительства по договору долевого участия является понуждение к исполнению обязательства в натуре (об обязанности передать нежилые помещения), такое требование рассматривается по правилам ст. 308³, 398, п. 2 ст. 463, п. 3 ст. 551 ГК РФ с учетом особенностей, установленных законодательством о банкротстве.

В ситуации, когда подобное требование носит реестровый характер, оно по смыслу разъяснений п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» в рамках дела о несостоятельности юридического лица подлежит трансформации в денежное (абзац седьмой п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве).

В силу абзаца второго ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 данного кодекса.

В п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ указано, что судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке; заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

В связи с тем, что 28 февраля 2017 г. общество (застройщик) признано банкротом, а иск И. подан 3 августа 2017 г., то есть после возбуждения дела о

банкротстве, заявление истца не подлежало принятию к производству суда общей юрисдикции и рассмотрению по существу.

Определение № 4-КГ18-92

18. Процессуальными средствами защиты прав и законных интересов граждан и организаций от возможной судебной ошибки являются право на обжалование решения суда в вышестоящую инстанцию, а также на пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Указание суда на нарушения, допущенные при рассмотрении другого дела другим судом того же уровня, недопустимо.

В. обратился в суд с иском о взыскании денежных средств, процентов за пользование денежными средствами к Л., указав, что он, ответчик и К. являются родственниками и наследниками первой очереди, принявшими наследство после смерти С., погибшего в результате авиакатастрофы. Вступившим в законную силу решением суда с авиаперевозчика в пользу Л. взыскана компенсация за вред, причиненный жизни С., предусмотренная п. 1¹ ст. 117 Воздушного кодекса РФ. Поскольку указанная компенсация должна распределяться в равных долях между гражданами, имеющими право на ее получение, истец полагал, что ответчик незаконно приобрела причитающиеся ему денежные средства, в связи с чем просил их взыскать как неосновательное обогащение, а также проценты за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 395 ГК РФ.

Судом установлено, что С. погиб в результате крушения вертолета.

В. (истец) является сыном погибшего, ответчик Л. – супругой, К. (третье лицо) – его матерью.

Решение суда, которым в пользу Л. взыскана компенсация, предусмотренная п. 1¹ ст. 117 Воздушного кодекса РФ, а также компенсация морального вреда в связи с гибелью супруга, авиакомпанией исполнено.

Разрешая данный спор, суд исходил из того, что В., Л. и К. имели право на компенсацию в счет возмещения вреда, причиненного при воздушной перевозке жизни пассажира воздушного судна С.

Полученные Л. денежные средства являются неосновательным обогащением, поскольку она без установленных законом оснований приобрела указанную сумму, скрыв при рассмотрении дела судом сведения об иных лицах, имеющих право на выплату данной компенсации, в силу чего суд, предполагая добросовестность Л. и не располагая сведениями об иных лицах, имеющих право на получение указанной компенсации, не учел их и взыскал компенсацию в пользу одного лица – Л.

При таких обстоятельствах суд счел, что В., являясь сыном С., в силу закона имеет право на $\frac{1}{3}$ часть компенсации в счет возмещения вреда, причиненного при воздушной перевозке жизни его отца.

При вынесении решения суд пришел к выводу, что доводы ответчика о том, что полученные Л. денежные средства не могут быть признаны неосновательным обогащением, так как основанием их получения является решение суда, и денежные средства Л. получила не за счет истца, являются необоснованными, поскольку при подаче иска о взыскании компенсации за вред, причиненный жизни С., истец, располагая информацией о близких родственниках погибшего, не сообщила суду об их правах, предусмотренных законом, на получение указанной компенсации, злоупотребив правом, что повлекло нарушение права В., в связи с чем у истца возникло право требовать ее взыскания в силу положений пп. 1, 4 ст. 10 ГК РФ в размере, рассчитанном пропорционально количеству граждан, имеющих право на получение компенсации.

Разрешая требования истца в части взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, суд учел дату окончания исполнительного производства, количество дней уклонения ответчика от возврата денежных средств по дате принятия решения (78 дней) и частично удовлетворил иски требования В. в данной части.

С указанными выводами суда согласилась апелляционная инстанция, оставив решение суда первой инстанции без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

По смыслу ст. 1102 ГК РФ в предмет доказывания по требованиям о взыскании неосновательного обогащения входят следующие обстоятельства: факт приобретения или сбережения ответчиком имущества за счет истца; отсутствие установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований для приобретения; размер неосновательного обогащения.

Для целей указанной статьи приобретением является получение имущества от лица, его имеющего.

При рассмотрении данного дела суд не учел, что денежные средства, которые истец полагал неосновательным обогащением ответчика, были получены Л. на основании решения суда от авиакомпании. В. никогда данными денежными средствами не располагал, компенсацию от авиаперевозчика не получал.

Согласно ч. 2 ст. 13 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Механизмом защиты прав и законных интересов граждан и организаций от возможной судебной ошибки является право обжалования решения суда в

вышестоящую инстанцию. Нарушенные права также могут быть восстановлены с использованием механизма пересмотра судебного акта в порядке ст. 392 ГПК РФ по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

В данном деле, удовлетворяя исковые требования истца, суд фактически указал на нарушения, допущенные при рассмотрении гражданского дела другим судом того же уровня, что недопустимо.

В., полагая свои права нарушенными присуждением компенсации в полном объеме в пользу Л., решение суда о взыскании компенсации не обжаловал, вопрос о пересмотре его в порядке ст. 392 ГПК РФ не ставил. При этом иск о взыскании неосновательного обогащения фактически направлен на преодоление вступившего в законную силу судебного акта, что противоречит смыслу действующего гражданского процессуального законодательства.

С выводами суда о недобросовестности Л., выразившейся, по мнению суда, в незаявлении об иных лицах, имеющих право на получение компенсации, при рассмотрении дела судом Судебная коллегия не согласилась ввиду следующего.

Права и обязанности лиц, участвующих в деле, определены в ст. 35 ГПК РФ, по смыслу которой заявление ходатайства о привлечении третьих лиц является правом, а не обязанностью стороны.

Как разъяснено в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», в случае предъявления иска не всеми лицами, которым принадлежит оспариваемое право, судья не вправе привлечь таких лиц к участию в деле в качестве соистцов без их согласия, поскольку в соответствии с принципом диспозитивности лицо, которому принадлежит право требования, распоряжается своими правами по своему усмотрению. Судья должен известить таких лиц об имеющемся в суде деле.

За всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов, признается в равной мере гражданская процессуальная правоспособность (ст. 36 ГПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 37 ГПК РФ гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, и организациям принадлежит в полном объеме способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (гражданская процессуальная дееспособность).

В., свободный в распоряжении своим правом на получение компенсации, предусмотренной ст. 117 Воздушного кодекса РФ, не обращался за его реализацией ни к авиаперевозчику, ни в суд в течение более трех лет с момента гибели С. Кроме того, сведений о том, что авиакомпанией было отказано истцу в выплате компенсации, материалы дела не содержали.

19. Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд до истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению, либо в течение месяца со дня, когда взыскателю после истечения этого срока стало известно об утрате исполнительного документа судебным приставом-исполнителем.

Вступившим в законную силу решением суда от 19 декабря 2008 г. исковые требования банка к Б., Л., Ф. и В. о взыскании задолженности по кредитному договору, об обращении взыскания на заложенное имущество удовлетворены в полном объеме, постановлено взыскать солидарно задолженность по кредитному договору и судебные расходы, обратить взыскание на два транспортных средства, принадлежащих Б. на праве собственности.

24 октября 2016 г. банк обратился в суд с заявлением о выдаче дубликатов исполнительных листов в отношении должников Ф. и Л. и восстановлении срока на их предъявление, ссылаясь на то, что согласно ответу службы судебных приставов на обращение банка исполнительный документ от 19 декабря 2008 г. в отношении должника Ф. в ходе проведения штатно-реорганизационных мероприятий утрачен при пересылке.

Определением судьи от 24 октября 2016 г. указанное заявление оставлено без движения в связи с несоблюдением требований ст. 132 ГПК РФ, банку предложено устранить недостатки в срок до 24 ноября 2016 г.

В связи с невыполнением в установленный срок указаний в определении об оставлении заявления без движения определением судьи от 25 ноября 2016 г. заявление банка возвращено на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ.

31 августа 2017 г. взыскатель вновь обратился в суд с заявлением о выдаче дубликатов исполнительных листов в отношении должников Ф. и Л. и восстановлении срока для их предъявления, ссылаясь на утерю исполнительного документа.

Определением суда от 26 сентября 2017 г. заявление банка о выдаче дубликатов исполнительных листов и восстановлении срока на их предъявление удовлетворено.

Проверяя определение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на то, что сроки для предъявления исполнительных листов к исполнению пропущены банком по уважительным причинам, учитывая, что первоначально с заявлением о выдаче дубликатов исполнительных листов банк обратился в пределах месяца после того, как узнал об утрате исполнительного документа из письма службы судебных приставов. При этом, поскольку материалы гражданского дела не содержат сведений о направлении банку копий определений районного суда от 24 октября 2016 г. и 25 ноября 2016 г., постольку, как указал суд апелляционной инстанции, у банка отсутствовала возможность своевременно исправить указанные в данных определениях недостатки, что свидетельствовало о пропуске им срока на подачу заявления о

выдаче дубликата исполнительного листа по уважительным причинам, правомерно восстановленного судом первой инстанции.

Вместе с тем согласно ст. 430 ГПК РФ в случае утраты подлинника исполнительного листа или судебного приказа (исполнительных документов) суд, принявший решение, вынесший судебный приказ, может выдать по заявлению взыскателя или судебного пристава-исполнителя дубликаты исполнительных документов (ч. 1).

Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд до истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению, за исключением случаев, если исполнительный документ был утрачен судебным приставом-исполнителем или другим осуществляющим исполнение лицом и взыскателю стало об этом известно после истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению. В этих случаях заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об утрате исполнительного документа (ч. 2).

Согласно ст. 112 ГПК РФ лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен (ч. 1).

Заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока подается в суд, в котором надлежало совершить процессуальное действие, и рассматривается в судебном заседании. Если иное не предусмотрено данным кодексом, лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса (ч. 2).

Суд первой инстанции не рассматривал вопрос о восстановлении пропущенного месячного срока на подачу заявления о выдаче дубликата исполнительного документа в соответствии со ст. 430 (ч. 2) ГПК РФ, поскольку банк с таким требованием не обращался.

При таких обстоятельствах ссылка суда апелляционной инстанции на то, что данный срок правомерно восстановлен судом первой инстанции, несостоятельна.

Суд апелляционной инстанции не учел, что судом первой инстанции был восстановлен срок на предъявление исполнительного листа к исполнению, а не месячный срок на подачу заявления на выдачу дубликата исполнительного листа.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в чч. 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

В случае возвращения исполнительного документа взыскателю в связи с невозможностью его исполнения срок предъявления исполнительного документа к исполнению исчисляется со дня возвращения исполнительного документа взыскателю (ч. 3 ст. 22 названного федерального закона).

Из материалов дела следует, что постановлением судебного пристава-исполнителя от 28 июня 2013 г. исполнительное производство, возбужденное 22 июля 2009 г. в отношении должника Ф., окончено.

В частной жалобе на определение районного суда от 26 сентября 2017 г. Ф. ссылалась на это обстоятельство в обоснование довода о пропуске 3-летнего срока на предъявление исполнительного листа к исполнению, однако ему не было дано оценки по правилам ч. 4 ст. 198 ГПК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 5-КГ19-58

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

20. При расчете размера требований участника долевого строительства к застройщику, в отношении которого открыта процедура конкурсного производства, учитывается, в том числе в порядке увеличения размера требований согласно ч. 1 ст. 49 АПК РФ, не только размер уплаченного участником долевого строительства застройщику по договору, но и иной реальный ущерб.

В отношении общества введена процедура конкурсного производства и применены правила о банкротстве застройщиков.

Определением суда первой инстанции в реестр требований о передаче жилого помещения включено требование Л.

Впоследствии собрание участников строительства приняло решение не передавать права застройщика на незавершенный строительством объект строительного кооператива, в связи с чем Л. и другие участники строительства потребовали трансформировать их требования в денежные на основании ст. 201¹³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В порядке ст. 49 АПК РФ Л. ходатайствовал об увеличении требований за счет включения в них размера убытков в виде реального ущерба, причиненного нарушением обязательства застройщика по передаче жилого помещения. Убытки рассчитаны в виде разницы между стоимостью жилого помещения, которое

должно быть передано участнику строительства, определенной на дату введения первой процедуры, применяемой в деле о банкротстве к застройщику, и суммой уплаченных по договору денежных средств, то есть по п. 2 ст. 201⁵ Закона о банкротстве. В обоснование размера убытков Л. представил отчет об оценке рыночной стоимости жилых помещений.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования Л. исключены из реестра требований о передаче жилых помещений и включены в реестр денежных требований в размере средств, уплаченных участником строительства застройщику. Л. отказано в принятии уточнения требований (учете убытков).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в принятии требования Л. о включении в реестр требований кредиторов сумм убытков и направила в отмененной части обособленный спор в суд первой инстанции для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 ст. 201¹ Закона о банкротстве (здесь и далее применяется редакция закона, действовавшая в спорный период) при рассмотрении обоснованности требований участников строительства арбитражным судом устанавливается наличие требований о передаче жилых помещений или денежных требований.

Согласно п. 2 ст. 201⁵ Закона о банкротстве одной из особенностей установления размера денежных требований к банкроту-застройщику является необходимость учета убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением обязательства застройщика по передаче жилого помещения. Реальный ущерб определяется как разница между стоимостью жилого помещения, которое должно было быть передано участнику строительства, и суммой денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения. Стоимость жилого помещения определяется оценщиком, привлекаемым арбитражным управляющим за счет застройщика, на дату введения процедуры, применяемой в деле о банкротстве к застройщику, в рамках которой предъявлено требование участника строительства. Отчет об оценке направляется арбитражным управляющим участнику строительства и в арбитражный суд.

Если заявлено требование о передаче жилого помещения, то согласно п. 5 ст. 201⁶ Закона о банкротстве также устанавливается как размер уплаченного участником строительства застройщику по договору, так и размер убытков в порядке п. 2 ст. 201⁵ того же закона.

Сумма этих двух составляющих определяет число голосов участника строительства в собрании кредиторов. Согласно п. 3 ст. 201¹² Закона о банкротстве участник строительства обладает на собрании участников строительства числом голосов, пропорциональным размеру его денежных требований и (или) требований о передаче жилых помещений (с учетом п. 5 ст. 201⁶ Закона о банкротстве) по отношению к общей сумме денежных

требований и требований о передаче жилых помещений, включенных в реестр требований кредиторов и реестр требований о передаче жилых помещений на дату проведения собрания участников строительства.

Таким образом, механизм расчета размера требований, установленный п. 2 ст. 201⁵ Закона о банкротстве, универсален для обоих вариантов волеизъявления участника строительства по удовлетворению его требований к застройщику-банкроту и, по существу, обязывает арбитражный суд учитывать не только размер уплаченного застройщику по договору, но и размер убытков, тем более, если арбитражный управляющий или участник строительства (при неисполнительности арбитражного управляющего) представил отчет об оценке жилого помещения, в том числе и в порядке увеличения размера требований (ч. 1 ст. 49 АПК РФ).

В противном случае нарушаются имущественные права участника строительства и необоснованно уменьшается число принадлежащих ему голосов на собрании кредиторов.

Определение № 305-ЭС18-2130(5)

21. Взыскатель, поручивший исполнение судебного решения государственной службе, специально созданной для этих целей, имеет разумные ожидания того, что он будет проинформирован путем индивидуального извещения об объективной невозможности продолжения процедуры взыскания, начатой по его заявлению, в связи с банкротством должника. Возложение на подобного взыскателя обязанности по самостоятельному отслеживанию публикаций о судьбе должника является чрезмерным, а срок закрытия реестра требований кредиторов должника для такого непроинформированного взыскателя нельзя признать пропущенным.

В рамках дела о банкротстве общества 29 сентября 2017 г. К. обратился к конкурсному управляющему с заявлением о принятии двух исполнительных листов к исполнению. Требования состояли из сумм комиссии за безналичное перечисление денежных средств, начисленных на данную комиссию процентов, компенсации морального вреда и штрафа, взысканных решением мирового судьи в пользу К.

Конкурсный управляющий отказал К. в установлении требования, сославшись на закрытие реестра требований кредиторов должника 6 апреля 2016 г.

К. обратился в арбитражный суд с возражениями на результаты рассмотрения его требования конкурсным управляющим.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении возражений К. отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, требование К. признано обоснованным и

подлежащим учету в третьей очереди реестра требований кредиторов должника.

Постановлением арбитражного суда округа отменено постановление суда апелляционной инстанции и оставлено в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Несмотря на то, что процедура банкротства должника является публичной, сведения о введении любой процедуры банкротства публикуются в электронной и бумажной версиях издания «Коммерсантъ», размещаются в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, а судебные акты арбитражного суда по делам о банкротстве публикуются на общедоступном официальном федеральном информационно-справочном ресурсе «Картотека арбитражных дел», законодатель и судебная практика исходят из того, что взыскатель, поручивший исполнение судебного решения государственной службе, специально созданной для этих целей, имеет разумные ожидания того, что он будет проинформирован путем индивидуального извещения об объективной невозможности продолжения процедуры взыскания, начатой по его заявлению, в связи с банкротством должника. Возложение на подобного взыскателя обязанности по самостоятельному отслеживанию публикаций о судьбе должника является чрезмерным (чч. 4 и 5 ст. 69¹ Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», п. 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве»). Указанные разъяснения подлежат применению как при банкротстве юридических лиц, так и при банкротстве физических лиц.

При прекращении исполнения требования взыскателя в исполнительном производстве, о котором кредитор узнает после открытия процедуры конкурсного производства (реализации имущества), для правильного определения начала течения срока закрытия реестра требований кредиторов правовое значение имеет не момент опубликования информационного сообщения о введении процедуры, а обстоятельства, связанные с направлением арбитражным управляющим извещения взыскателю, его индивидуальная осведомленность о банкротстве должника и необходимости обращения с требованием в реестр требований кредиторов. Суды должны выяснить и оценить отсутствие или наличие доказательств возврата исполнительного документа взыскателю или поступления исполнительного документа в адрес должника от службы судебных приставов; уведомления взыскателя о передаче исполнительных документов арбитражному управляющему и информирования последним взыскателя о порядке обращения с соответствующим требованием к должнику.

Из определения мирового судьи о выдаче дубликатов исполнительных листов, представленного в материалы дела, следует, что 4 июня 2015 г. вынесено решение о взыскании с банка в пользу К. денежных средств. 14 августа 2015 г. исполнительные листы на взыскание указанных сумм были выданы и направлены судом на исполнение в службу судебных приставов, однако были утеряны. На основании определения от 18 января 2016 г. мировым судьей по заявлению соответствующей службы судебных приставов были выданы дубликаты исполнительных листов, которые направлены судом на исполнение, однако вновь были утеряны, что послужило основанием для удовлетворения заявления К. о повторной выдаче дубликатов исполнительных листов.

Таким образом, при выдаче взыскателю дубликата исполнительного листа 21 августа 2017 г. обращение им к конкурсному управляющему банком с заявлением о включении требования в реестр требований кредиторов должника 29 сентября 2017 г. нельзя признать несвоевременным.

От службы судебных приставов исполнительные листы в адрес конкурсного управляющего банком не поступали, заявителю извещение о невозможности продолжения процедуры взыскания, о необходимости заявления им своих требований в рамках дела о банкротстве банка конкурсным управляющим должником направлено не было, что подтвердили присутствующие в судебном заседании представители сторон.

При таких обстоятельствах срок закрытия реестра требований кредиторов должника для К. нельзя признать пропущенным, поскольку служба судебных приставов, совершая действия по восстановлению утраченных исполнительных листов, давала основания полагать, что исполнение будет получено в ординарном порядке через данную службу и для этого нет объективных препятствий в виде банкротства должника.

Определение № 305-ЭС18-23717

22. В рамках дела о банкротстве застройщика денежное требование участника долевого строительства, которому застройщик должен был передать нежилое помещение, обеспечено залогом этого нежилого помещения. Если указанное нежилое помещение отсутствует в натуре, этот участник долевого строительства в силу закона является созалогодержателем объекта незавершенного строительства.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества, рассматриваемого по правилам параграфа 7 гл. IX Закона о банкротстве, банк обратился с заявлением о включении его денежных требований в виде основного долга по договорам участия в долевом строительстве и неустойки за просрочку передачи строящихся объектов в реестр требований кредиторов

должника как обеспеченных залогом трех нежилых помещений и незавершенного строительством многоквартирного жилого дома.

Определением суда первой инстанции денежные требования банка признаны обоснованными и подлежащими включению в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в четвертую очередь, в признании банка залоговым кредитором отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции изменено. Требования банка, возникшие из договоров долевого участия в строительстве относительно помещений первой очереди строительства, включены в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в четвертую очередь и признаны обеспеченным залогом трех нежилых помещений, относящихся к первой очереди строительства. Другая часть требований, возникших из договоров долевого участия в строительстве относительно нежилых помещений второй очереди строительства, включена в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в четвертую очередь как не обеспеченная залогом.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, определение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и изменила постановление суда апелляционной инстанции в части отказа в признании обеспеченными залогом требований банка в отношении помещений второй очереди строительства по следующим основаниям.

По смыслу п. 2 ст. 2, ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) положения ст. 12¹ и 13 этого закона об обеспечении исполнения обязательств застройщика применяются независимо от конкретного вида объекта долевого строительства (жилое или нежилое помещение).

Каких-либо законных оснований полагать, что залоговое обеспечение в банкротстве застройщика сохраняется только в отношении жилых помещений, не имеется. Ни Гражданский кодекс Российской Федерации, ни Закон № 214-ФЗ, ни Закон о банкротстве не предусматривают такого основания прекращения права залога, как возбуждение в отношении залогодателя дела о банкротстве. Примененный судами подход вошел в противоречие с существом залога как обеспечительной конструкции, устанавливаемой в первую очередь на случай невозможности исполнения обязательства должником, в том числе ввиду его несостоятельности. Залоговый кредитор по денежному требованию, преобразовавшемуся из требования о передаче нежилого офисного помещения, вправе претендовать на распределение вырученных от реализации предмета залога денежных средств по правилам п. 1 ст. 201¹⁴ Закона о банкротстве, то

есть на приоритетное получение шестидесяти процентов от стоимости предмета залога.

В рассматриваемом случае, как установил суд апелляционной инстанции, первая очередь строительства многоквартирного дома завершена, дом в этой части введен в эксплуатацию, квартиры (жилые помещения) в данном доме переданы участникам строительства, а нежилые помещения поставлены на кадастровый учет. В ситуации, когда многоквартирный дом введен в эксплуатацию, а нежилое помещение не может быть передано дольщику в натуре вследствие банкротства застройщика, оно включается в конкурсную массу. Застройщик обязан зарегистрировать за собой право собственности на такое нежилое помещение. Требование дольщика становится обеспеченным залогом не всех помещений в доме (как общее обеспечение одного из созалогодержателей), а лишь того помещения, которое подлежало передаче по условиям договора участия в долевом строительстве (как единоличное обеспечение залогодержателя, если только на данное помещение не установлены другие залогии третьих лиц).

В отношении второй очереди строительства имеется в натуре объект незавершенного строительства, который прошел инвентаризацию со стороны конкурсного управляющего. Управляющий включил этот объект в инвентаризационную опись объектов незавершенного капитального строительства, размещенную в общедоступном Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. В указанной части требования банка, вытекающие из договоров участия в долевом строительстве жилого дома в настоящее время в силу ч. 1 ст. 13 Закона № 214-ФЗ считаются обеспеченными залогом всего объекта незавершенного строительства второй очереди строительства.

При этом дополнительно необходимо отметить следующее. В деле о банкротстве застройщика, исходя из особенностей правового регулирования отношений по участию в долевом строительстве и положений параграфа 7 гл. IX Закона о банкротстве, основанные на зарегистрированных договорах участия в долевом строительстве требования дольщика, включенные в реестр, считаются обеспеченными залогом независимо от того, было им заявлено о необходимости установления залогового статуса при предъявлении денежного требования или нет, если только такой кредитор явно не выразил волю на отказ от залогового обеспечения или суд прямо не указал на отсутствие права залога в судебном акте. Это означает, что иные дольщики (при их наличии), обладающие тем же статусом, что и банк, но не настаивавшие на фиксации статуса залогодержателя в судебном акте в рамках дела о банкротстве должника, не утратили право на залоговый приоритет. Напротив, все они в равной мере вправе рассчитывать на распределение денежных средств, вырученных от реализации объекта незавершенного строительства либо нежилых помещений (при условии окончания второй очереди строительства) по правилам ст. 201¹⁴ Закона о банкротстве.

Определение № 302-ЭС18-24434

23. В рамках дела о банкротстве работники должника вправе самостоятельно обратиться с жалобой на действия арбитражного управляющего, выразившиеся в нарушении очередности удовлетворения их требований по сравнению с требованиями о выплате выходных пособий и об оплате труда других лиц.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества (далее также – должник) его кредиторы – некоторые бывшие работники – обратились с жалобой на действия конкурсного управляющего должника, выразившиеся в нарушении очередности погашения требований кредиторов второй очереди реестра требований кредиторов должника, а также с требованием о возмещении убытков.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по жалобе на действия конкурсного управляющего прекращено, в удовлетворении требований об убытках отказано. Суды исходили из того, что заявители, имеющие по отношению к должнику права требования о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, не наделены правом на самостоятельное обращение в арбитражный суд с соответствующей жалобой. Их права и законные интересы представляет представитель работников должника. Кроме того, суды указали на недоказанность всех оснований для взыскания с арбитражного управляющего убытков.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действительно, по общему, правилу работники должника не относятся к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве и (или) в арбитражном процессе по делу о банкротстве (ст. 34, 35 Закона о банкротстве, пп. 14, 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Для представления своих законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, работники должника вправе избрать представителя, который обладает правами лица, участвующего в арбитражном процессе по делу о банкротстве. Представитель работников должника при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей, предусмотренных федеральными законами, действует в интересах всех работников, бывших работников должника (абзац тридцать первый ст. 2, п. 10 ст. 12¹ Закона о банкротстве). Названные положения закона направлены в том числе на формирование и представление в рамках дела о банкротстве коллективных интересов всех работников, бывших работников должника, а при невозможности выработки единой позиции – их большинства с целью предотвращения несогласованного участия большого количества работников должника в деле о его несостоятельности.

Однако в случае противопоставления законных интересов одних работников должника перед другими (например, преимущественного удовлетворения требований по оплате труда части трудового коллектива перед иными, имеющими приоритетную очередность погашения задолженности работниками) осуществление своих прав через выборного представителя противоречит самой сути предназначения последнего, которая заключается исключительно в защите их общих интересов.

Обращение заявителей с жалобой на действия арбитражного управляющего обусловлено защитой их прав по отношению к иным бывшим работникам должника, а именно нарушением календарной очередности удовлетворения требований по выплате заработной платы.

В такой ситуации адекватным механизмом защиты интересов отдельных работников должника является самостоятельное обжалование ими незаконных, по их мнению, действий арбитражного управляющего по преимущественному удовлетворению требований одних кредиторов второй очереди перед другими.

Прекращение производства по настоящей жалобе фактически лишает заявителей судебной защиты, что недопустимо.

Вывод судов о недоказанности совокупности условий для привлечения конкурсного управляющего должника к гражданско-правовой ответственности является преждевременным, с учетом того, что вопрос о правомерности (неправомерности) его действий в оспариваемой части судами по существу не исследовался.

Определение № 306-ЭС17-13670 (10)

24. В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей отказа в освобождении гражданина от долгов в рамках процедуры банкротства.

В рамках дела о банкротстве гражданина собранием кредиторов принято решение о заключении мирового соглашения для реструктуризации задолженности на условиях, предусматривающих погашение задолженности в течение 10 лет с установлением минимальной процентной ставки и ежемесячными аннуитентными платежами в размере 45 926 руб. 54 коп. Должник от заключения мирового соглашения отказался со ссылкой на невыгодные условия.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, процедура реализации имущества завершена без применения правил об освобождении должника от обязательств. Суды, ссылаясь на ст. 213²⁸ Закона о банкротстве и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», указали на недобросовестное поведение должника, выразившееся в последовательном наращивании задолженности перед кредиторами (увеличение суммы заведомо неисполнимых кредитных обязательств в период 2012–2015 гг. при отсутствии необходимого уровня доходов), а также на отказ должника от заключения мирового соглашения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в освобождении должника от обязательств, в указанной части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Основной задачей института потребительского банкротства является социальная реабилитации гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника. Вследствие этого к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие помимо прочего честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013).

В соответствии с п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не допускается, если при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами он действовал недобросовестно (в частности, осуществлял действия по сокрытию своего имущества, воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего и т.п.). При этом по смыслу названной нормы принятие на себя непосильных долговых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для неосвобождения от долгов. В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица сама по себе таким препятствием не является.

В рассматриваемом случае анализ финансового состояния должника признаков преднамеренного и фиктивного банкротства не выявил. Сокрытие или уничтожение принадлежащего должнику имущества, равно как сообщение им недостоверных сведений финансовому управляющему, также не установлено.

Должник обращал внимание на то, что при получении кредитов представлял банкам полные и достоверные сведения о своем финансовом состоянии, имел в данный период стабильный и достаточный для своевременного возврата кредитных средств доход, осуществлял платежи в установленный договорами срок. Прекращение расчетов с кредиторами за три месяца до возбуждения дела о банкротстве вызвано объективными причинами –

снижением оклада более чем на 30 %. Указанные доводы суды оставили без оценки.

Кроме этого, необходимо учитывать, что банки, являясь профессиональными участниками кредитного рынка, имеют широкие возможности для оценки кредитоспособности гражданина, в том числе посредством разработки стандартных форм кредитных анкет-заявок для заполнения их потенциальным заемщиком на стадии обращения в кредитную организацию с указанием сведений о его имущественном и социальном положении, ликвидности предлагаемого обеспечения и т.п., а также проверки представленного им необходимого для получения кредита пакета документов. Одновременно банки вправе запрашивать информацию о кредитной истории обратившегося к ним лица на основании Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» в соответствующих бюро. По результатам проверок в каждом конкретном случае кредитная организация принимает решение по вопросу о выдаче денежных средств. В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве.

Вопреки выводу судов последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях может быть квалифицировано как его недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, лишь в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т.п.) либо представления заведомо недостоверной информации.

Отказ должника от заключения мирового соглашения на предложенных в нем условиях не может расцениваться как злоупотребление правом, учитывая, что оставшаяся после предусмотренного мировым соглашением ежемесячного платежа за счет текущего дохода должника сумма денежных средств меньше установленной в рамках настоящего дела о банкротстве судом суммы в размере 30 000 руб. для достойного проживания должника и его семьи.

Определение № 305-ЭС18-26429

Применение норм об исковой давности

25. Положения п. 1 ст. 207 ГК РФ не применяются к требованию о взыскании неустойки в случае, когда основное обязательство исполнено должником с просрочкой, но в пределах срока исковой давности.

Вступившим в законную силу решением суда с заказчика в пользу подрядчика взыскана сумма задолженности по оплате работ и неустойка за просрочку оплаты в период до 25 мая 2015 г.

Судебный акт исполнен заказчиком 4 апреля 2016 г.

Подрядчик (цедент) уступил цессионарию требование о взыскании с заказчика неустойки за период с 26 мая 2015 г. до 4 апреля 2016 г.

Цессионарий 23 мая 2018 г. обратился в арбитражный суд к заказчику с иском о взыскании указанной неустойки.

В возражениях на иск заказчик сослался на пропуск истцом срока исковой давности в силу положений п. 1 ст. 207 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что срок исполнения основного обязательства – оплаты выполненных работ – наступил 31 января 2015 г. и, следовательно, на дату подачи цессионарием искового заявления о взыскании неустойки трехлетний срок на предъявление требований по основному обязательству истек, в связи с чем срок исковой давности по дополнительному требованию также истек.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу пп. 1, 2 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», срок исковой давности по требованию о взыскании неустойки (ст. 330 ГК РФ) или процентов, подлежащих уплате по правилам ст. 395 ГК РФ, исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу, определяемому применительно к каждому дню просрочки.

В договоре стороны предусмотрели ответственность заказчика за нарушение договорных обязательств по оплате выполненных работ в виде уплаты подрядчику пени в размере 0,1% стоимости подлежащих оплате работ за каждый день просрочки. При этом право на получение штрафных санкций за нарушение обязательств возникает у стороны договора после признания должником выставленной ему претензии и счета на уплату пени или неустойки либо вступления в силу решения суда о присуждении пени или иных штрафных санкций.

Таким образом, каждый день за период с момента нарушения обязательства до момента исполнения обязательства по оплате результата работ на стороне заказчика возникало обязательство по уплате неустойки.

Поскольку основное обязательство по оплате результата выполненных работ было исполнено заказчиком с просрочкой, но в пределах срока исковой давности, к заявленному требованию о взыскании неустойки не может быть применено правило ст. 207 ГК РФ, устанавливающее, что с истечением срока исковой давности по главному требованию истекает срок исковой давности и по дополнительным требованиям.

Определение № 305-ЭС18-25243

26. Срок исковой давности по требованию поставщика к покупателю об уплате неустойки за нарушение сроков возврата цистерн, в которых поставлялся товар, начинается течь со дня, в который данные цистерны должны были быть возвращены в соответствии с договором купли-продажи (п. 2 ст. 200 ГК РФ), в том числе в случае когда поставщик возложил исполнение своей обязанности по доставке товара на третье лицо и не принимал непосредственного участия в транспортировке.

Обществом (покупатель) и компанией (поставщик) был заключен договор купли-продажи нефтепродуктов.

В соответствии с условиями этого договора покупатель возвращает порожние цистерны в срок, предусмотренный договором, в технически исправном и коммерчески пригодном состоянии. Срок нахождения (использования) цистерн у покупателя (грузополучателя) на станции назначения не должен превышать 2 суток. Срок нахождения (использования) цистерн у покупателя (грузополучателя) определяется как период с даты прибытия груза на станцию назначения согласно календарному штемпелю на транспортной железнодорожной накладной (груженный рейс) в графе «Прибытие на станцию назначения» по дате отправления порожней цистерны на станцию погрузки или другую станцию, указанную поставщиком, согласно календарному штемпелю на транспортной железнодорожной накладной на возврат порожней цистерны в графе «Оформление приема груза к перевозке». В случае превышения покупателем (грузополучателем) срока использования цистерн поставщик, руководствуясь данными из автоматизированной базы данных ОАО «РЖД», производит расчет неустойки и направляет покупателю претензию.

Обращаясь с иском о взыскании договорной неустойки за сверхнормативное использование цистерн, поставщик указал, что, не являясь участником перевозочного процесса, в 2014 г. узнал о нарушении ответчиком сроков нахождения цистерн у грузоотправителей из претензии, полученной от своего контрагента-экспедитора в рамках заключенного с последним договора.

В возражениях на иск поставщик указал на пропуск продавцом срока исковой давности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано в связи с пропуском срока исковой давности. Суды установили, что срок исковой давности, исчисляемый по наиболее поздней железнодорожной накладной с 22 января 2014 г., течение которого было приостановлено на 40-дневный срок для претензионного урегулирования спора, истек 2 марта 2017 г., тогда как иск предъявлен 22 июня 2017 г.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение. Суд согласился с доводом истца о том, что он, не являясь участником перевозочного процесса, смог узнать о превышении покупателем (грузополучателем) срока использования цистерн только из претензии своего контрагента-экспедитора, а обязанности получать сведения о сверхнормативном простое у истца нет.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Пунктом 2 ст. 200 ГК РФ предусмотрено, что по обязательствам с определенным сроком исполнения течение исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

В данном случае обязательство покупателя (ответчика) по соблюдению срока оборота вагонов, предусмотренное договором (двое суток с даты прибытия груза на станцию назначения), относится к обязательствам с определенным сроком исполнения, в связи с чем к спорным правоотношениям подлежит применению п. 2 ст. 200 ГК РФ и течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Поскольку договором установлено, что срок нахождения (использования) цистерн у покупателя (грузополучателя) определяется записями в транспортных железнодорожных накладных, а при расчете неустойки поставщик руководствуется данными из автоматизированной базы данных ОАО «РЖД», истец был обязан обеспечить получение информации о простоях цистерн из указанных источников, в том числе через лицо (экспедитора), которое он привлек в целях исполнения своей договорной обязанности по оказанию услуг, связанных с транспортировкой товара. Довод компании об отсутствии у нее возможности отслеживать движение цистерн противоречит ее договорным обязанностям по организации транспортировки груза. Переложение оказания транспортных услуг на экспедитора не изменяет обязательств компании по отношению к обществу. Компания обладала

возможностью получения через своего экспедитора необходимых документов для реализации права на применение к обществу ответственности за простой цистерн.

*Определения №№ 305-ЭС18-21221,
305-ЭС18-20953, 307-ЭС18-24810*

***Практика применения законодательства о вещных правах и
земельного законодательства***

27. Ничтожным является условие договора одного из собственников (обладателя права оперативного управления) помещения в многоквартирном доме с управляющей компанией многоквартирным домом об освобождении этого собственника от обязанности нести расходы на содержание общего имущества в многоквартирном доме.

Государственному казенному учреждению (далее – учреждение) принадлежит на праве оперативного управления несколько квартир в многоквартирном доме.

По итогам конкурса учреждение заключило договор с управляющей компанией на управление многоквартирным домом, по условиям которого учреждение освобождалось от оплаты расходов на содержание общего имущества многоквартирного дома и было обязано оплачивать лишь услуги отопления.

Управляющая компания обратилась в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды сослались на соответствующее условие договора и указали на то, что, участвуя в конкурсе по отбору управляющей организации и подписывая договор, компания согласилась с данным условием.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению (ст. 249 ГК РФ).

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в частности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания

более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы).

Как следует из ч. 1 ст. 39 ЖК РФ, собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника (ч. 2 ст. 39 ЖК РФ).

Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме устанавливаются Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 39 ЖК РФ).

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, в том числе плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 154 ЖК РФ).

В силу ч. 4 ст. 158 ЖК РФ, если собственники помещений в многоквартирном доме на их общем собрании не приняли решение об установлении размера платы за содержание и ремонт жилого помещения, такой размер устанавливается органом местного самоуправления (в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге – органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 29 января 2018 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 181⁴ и 181⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова» указал следующее. Исходя из общего принципа гражданского законодательства о несении собственником бремени содержания принадлежащего ему имущества, Жилищный кодекс устанавливает для всех собственников жилых помещений в многоквартирном доме обязанность не только нести расходы на содержание принадлежащих им помещений, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения, во-первых, платы за содержание жилого помещения, т.е. за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, а также за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества, и, во-вторых, взносов на капитальный ремонт (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 39, пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 154, ч. 1 ст. 158); при этом доля обязательных

расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется его долей в праве общей собственности на общее имущество, которая, в свою очередь, пропорциональна размеру общей площади принадлежащего ему помещения в этом доме (ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 39); расходы по содержанию общего имущества в многоквартирном доме возлагаются не только на собственников жилых помещений в таком доме, но и на лиц, в собственности которых находятся расположенные в нем нежилые помещения и которые также заинтересованы в поддержании дома в надлежащем состоянии, а потому лица данной категории наряду с собственниками жилых помещений обязаны вносить соответствующие платежи соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество. При этом на принцип равенства не влияет форма собственности (государственная, муниципальная или частная) на жилое помещение, плата за содержание и ремонт жилого помещения устанавливается в одинаковом для всех собственников жилых помещений размере.

Таким образом, собственник помещения в многоквартирном доме, в том числе собственник нежилого помещения, обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и текущий ремонт общего имущества, коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества, и взносов на капитальный ремонт. Данная обязанность возникает в силу закона независимо от факта пользования общим имуществом и не обусловлена наличием договорных отношений собственника нежилого помещения с управляющей компанией или товариществом собственников жилья.

Статьями 296, 298 ГК РФ, определяющими права и обязанности собственника и учреждения в отношении имущества, находящегося в оперативном управлении, не предусмотрено сохранение обязанности собственника по содержанию переданного в оперативное управление имущества, поэтому собственник, передав во владение имущество на данном ограниченном вещном праве, возлагает на него и обязанности по его содержанию. В соответствии с п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 5 января 1998 г. № 3 «О порядке закрепления и использования находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» эксплуатация государственными органами и организациями закрепленных за ними на праве оперативного управления или хозяйственного ведения административных зданий, сооружений и нежилых помещений осуществляется ими самостоятельно за счет средств, выделяемых по смете, и (или) иных разрешенных источников.

Таким образом, обладатели права оперативного управления с момента его возникновения обязаны нести расходы на содержание общего имущества.

При этом в силу п. 34 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства

Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» (далее – Правила содержания общего имущества), в случае если собственники помещений не приняли решение о способе управления многоквартирным домом, размер платы за содержание жилого помещения, вносимой собственниками помещений, устанавливается органом местного самоуправления (в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе – органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, если законом соответствующего субъекта Российской Федерации не установлено, что указанные полномочия осуществляются органами местного самоуправления внутригородских муниципальных образований) по результатам открытого конкурса, проводимого в установленном порядке, равной цене договора управления многоквартирным домом.

Цена договора управления многоквартирным домом устанавливается равной размеру платы за содержание жилого помещения, указанной в конкурсной документации. Размер такой платы, согласно разъяснениям, изложенным в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности», должен обеспечивать содержание общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства и отвечать требованиям разумности (ч. 1 ст. 156 ЖК РФ).

Кроме того, п. 35 Правил содержания общего имущества установлен принцип соразмерности платы за содержание жилого помещения, размера обязательных платежей, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, и перечня, объема и качества услуг и работ.

Как разъяснено в п. 74 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25), ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность. При этом в силу разъяснений п. 75 постановления № 25 применительно к

ст. 166, 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной, как посягающая на публичные интересы.

На основании п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

С учетом изложенных выше установленных законом правил и принципов внесения платы за содержание общего имущества условие государственного контракта о нулевой цене за содержание общего имущества противоречит требованиям ст. 210, 249 ГК РФ, ч. 3 ст. 30, ст. 36, 37, 39, 154, 158, ч. 4 ст. 162 ЖК РФ, пп. 34, 35 Правил содержания общего имущества и является ничтожным (п. 2 ст. 168 ГК РФ), как противоречащее существу законодательного регулирования обязательств по внесению платы за содержание общего имущества многоквартирного дома, а также посягающее на интересы третьих лиц – иных собственников помещений, которые вносят плату за содержание общего имущества в полном размере.

В данном случае размер платы за содержание жилого помещения должен определяться исходя из размера тарифа, установленного уполномоченным публичным органом (п. 34 Правил содержания общего имущества).

Определение № 307-ЭС18-25783

28. Поскольку глава крестьянского фермерского хозяйства является правопреемником в правах арендатора сельскохозяйственного кооператива, получившего право аренды сельскохозяйственного участка с соблюдением публичных процедур, переуступка права аренды не нарушала чьих-либо прав и дополнительное соглашение к договору аренды о смене арендатора зарегистрировано в установленном законом порядке, период владения кооперативом сельскохозяйственным участком засчитывается в период владения этим участком главой КФХ с целью реализации права на заключение договора аренды на новый срок без проведения торгов.

Уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее – администрация) и сельскохозяйственным кооперативом (арендатор) в 2007 г. с соблюдением процедур, установленных действующим на тот момент законодательством, был заключен договор аренды земельного участка, относящегося к категории земель сельскохозяйственного назначения (п. 2 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель

сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ) и ст. 34 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г.). Договор аренды зарегистрирован в установленном порядке.

В 2011 г. кооператив принял решение об осуществлении хозяйственной деятельности в форме крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица с последующей ликвидацией кооператива. В этот же день было зарегистрировано крестьянское (фермерское) хозяйство, главой которого стал один из участников кооператива.

Глава КФХ обратился в администрацию с заявлением о перерегистрации земельного участка на главу КФХ в связи с ликвидацией кооператива.

На основании указанного заявления администрация и глава КФХ заключили 11 января 2012 г. дополнительное соглашение к договору аренды, в котором указано, что стороны пришли к обоюдному согласию заменить в договорах аренды кооператив на главу КФХ. Дополнительное соглашение зарегистрировано в установленном порядке.

Сведения о прекращении деятельности кооператива в связи с его ликвидацией внесены в реестр 18 апреля 2012 г.

Глава КФХ до истечения срока действия договора аренды обратился в администрацию с заявлениями о заключении договора аренды на новый срок.

Администрация отказала главе КФХ в заключении нового договора аренды без проведения торгов, сославшись на то, что с заявлением о предоставлении участка в аренду обратилось лицо, которое не имеет права на приобретение участка в аренду без торгов. Арендатор-кооператив был ликвидирован 18 апреля 2012 г., в то время как дополнительные соглашения к договорам аренды были заключены с главой КФХ 11 января 2012 г., следовательно, не прослеживается правопреемство арендатора земельного участка, дополнительное соглашение заключено с не действующим на тот момент арендатором.

Глава КФХ, ссылаясь на то, что отказ администрации в заключении договора аренды на новый срок является незаконным и нарушает его права и законные интересы как добросовестного арендатора, который надлежащим образом на основании прошедшего государственную регистрацию договора аренды использовал спорный земельный участок на протяжении 10 лет, обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и об обязанности администрации принять решение о предоставлении заявителю в аренду испрашиваемый земельный участок.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Арбитражный суд округа отменил указанные судебные акты и отказал в удовлетворении требований главы КФХ. Суд указал на отсутствие государственной регистрации договора уступки прав аренды от кооператива к КФХ, а следовательно, на невозможность противопоставить права КФХ третьим лицам.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу ст. 615 ГК РФ и ст. 22 ЗК РФ арендатор публичного земельного участка в пределах срока аренды вправе передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу с соблюдением правил, установленных названными нормами.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 389 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 июля 2014 г.) уступка требования, основанного на сделке, совершенной в простой письменной или нотариальной форме, должна быть совершена в соответствующей письменной форме; уступка требования по сделке, требующей государственной регистрации, должна быть зарегистрирована в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом. Аналогичные правила закреплены в действующей в настоящее время редакции ст. 389 ГК РФ.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», договор, на основании которого производится уступка по сделке, требующей государственной регистрации, должен быть зарегистрирован в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом. Такой договор, по общему правилу, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации (п. 2 ст. 389, п. 3 ст. 433 ГК РФ).

Как установлено судами, уступка прав и обязанностей арендатора по спорным договорам аренды оформлена письменным заявлением кооператива и дополнительными соглашениями, подписанными арендодателем и новым арендатором (главой КФХ). Дополнительные соглашения к договорам аренды зарегистрированы в установленном порядке, сведения о главе КФХ как арендаторе земельных участков внесены в публичный реестр.

При этом администрация получала от главы КФХ денежные средства в счет арендных платежей по договору аренды спорного земельного участка. Для арендодателя, кооператива и главы КФХ была понятна и очевидна воля сторон на замену арендатора. Данные лица, в том числе кооператив, который принял решение о ликвидации, состоявшейся 18 апреля 2012 г., не оспаривали правомерность перехода к главе КФХ прав арендатора. В связи с этим и для сторон сделки и для третьих лиц наступили правовые последствия, связанные с переходом прав и обязанностей арендатора по договорам аренды. Отсутствие в данном случае единого документа о переуступке не влечет недействительности сделки, оформленной названными выше документами и прошедшей государственную регистрацию.

Поскольку не имеется оснований считать, что права и обязанности арендатора по спорным договорам перешли к главе КФХ по недействительным сделкам и что при переуступке права аренды необходимо было соблюдать публичную процедуру, так как эта процедура была соблюдена при заключении договоров аренды в 2007 г., суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что глава КФХ как надлежащий арендатор, использующий по целевому назначению предоставленные ему в аренду земельные участки на протяжении длительного времени, вправе требовать предоставления ему в аренду спорных земельных участков на новый срок по правилам подп. 31 п. 2 ст. 39⁶ ЗК РФ.

Определение № 308-КГ18-15997

29. Если продавец недвижимости оплачивал регулируемую арендную плату земельного участка, на котором расположена эта недвижимость, по льготной ставке, то для покупателя недвижимости размер арендной платы сохраняется также с учетом применения льготы.

В целях переоформления права постоянного (бессрочного) пользования государственным унитарным предприятием (далее – предприятие) и уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (далее – министерство) заключен договор аренды земельного участка сроком на 49 лет. Арендная плата за пользование земельным участком установлена в соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ) в размере двух процентов кадастровой стоимости земельного участка.

Предприниматель по договору купли-продажи, заключенному по результатам открытых торгов в форме публичного предложения по продаже имущества предприятия, находившегося в процедуре банкротства, приобрел у предприятия в лице конкурсного управляющего в собственность объекты недвижимости, расположенные на указанном земельном участке, предоставленном продавцу в аренду.

Право собственности предпринимателя на указанные объекты недвижимости зарегистрировано 27 января 2015 г.

Министерство, ссылаясь на то, что предприниматель не платил за пользование спорным земельным участком, на котором расположены принадлежащие ему на праве собственности объекты недвижимости, обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании платы за фактическое пользование земельным участком, рассчитанной в размере арендной платы в соответствии с Методикой определения и расчета арендной платы за пользование имуществом, находящимся в государственной собственности Тверской области, утвержденной постановлением Законодательного Собрания Тверской области от 24 июня 2004 г. № 965-П-3, исходя из рыночной

стоимости размера ежегодной арендной платы, определенной на основании отчета об оценке, с учетом коэффициента инфляции.

В отзыве на иск предприниматель указал на то, что в связи с приобретением объектов недвижимости, расположенных на земельном участке, находившемся у продавца в аренде, к покупателю перешли права и обязанности арендатора по договору аренды, в том числе обязанность платить за пользование участком в размере, установленном договором и п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, из расчета два процента кадастровой стоимости участка. Плату за пользование участком исходя из указанного расчета предприниматель перечислил арендодателю.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иск удовлетворен частично.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и отказала министерству в удовлетворении иска по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 35 ЗК РФ и п. 3 ст. 552 ГК РФ при переходе права собственности на здание, сооружение, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник.

В абзаце втором п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что покупатель здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве аренды, с момента регистрации перехода права собственности на такую недвижимость приобретает право пользования земельным участком, занятым зданием, строением, сооружением и необходимым для их использования, на праве аренды, независимо от того, оформлен ли в установленном порядке договор аренды между покупателем недвижимости и собственником земельного участка.

В п. 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» подтверждена позиция, согласно которой к покупателю недвижимости переходит то право на земельный участок, которое принадлежало продавцу недвижимости, а также связанные с этим правом обязанности при наличии таковых (перемена лица в договоре аренды).

По смыслу названных норм и разъяснений при отчуждении объекта недвижимого имущества его покупатель в силу прямого указания закона приобретает право пользования земельным участком, занятым объектом недвижимости, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний его собственник, и тем самым принимает права и обязанности арендатора

земельного участка, а прежний собственник объекта недвижимости выбывает из обязательства по аренде данного земельного участка.

Земельный участок, на котором расположены приобретенные предпринимателем объекты недвижимости, предприятие (продавец) использовало на основании договора аренды, заключенного в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования.

В силу положений п. 2 ст. 422, п. 1 ст. 424 ГК РФ, п. 3 ст. 65 ЗК РФ в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г., и ст. 39⁷ ЗК РФ в действующей редакции за находящиеся в публичной собственности земельные участки, переданные в аренду без проведения торгов по договорам, заключенным после введения в действие ЗК РФ, взимается арендная плата, которая определяется в порядке, установленном соответственно Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации (включая земельные участки, право собственности на которые не разграничено) и органами местного самоуправления, и относится к категории регулируемых цен.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ в случае переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков годовой размер арендной платы устанавливается в пределах двух процентов кадастровой стоимости арендуемых земельных участков.

Поскольку содержащиеся в Законе № 137-ФЗ ставки утверждены непосредственно федеральным законом, они являются обязательными при определении размера арендной платы для всех публичных собственников.

Таким образом, в связи с приобретением объектов недвижимости, расположенных на земельном участке, находящемся в аренде у продавца, к предпринимателю перешли права и обязанности арендатора по договору аренды, в том числе обязанность платить за пользование участком исходя из условий данного договора аренды с применением ставки в размере два процента кадастровой стоимости участка.

Определение № 305-ЭС18-22413

30. Лицо, имеющее право на выкуп арендуемого им имущества в соответствии с положениями Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вправе требовать взыскания ранее уплаченной им арендной платы за период оспаривания незаконного отказа в его выкупе.

Компания обратилась в комитет имущественных отношений субъекта Российской Федерации (далее – комитет) с заявлениями о реализации преимущественного права на приобретение в собственность арендуемого ей помещения в соответствии с положениями Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ).

Комитет отказал в выкупе арендуемого имущества, полагая, что у заявителя отсутствует преимущественное право на приватизацию арендуемого имущества.

Данный отказ был обжалован в судебном порядке. Решением суда по другому делу, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, отказ комитета в признан незаконным, на комитет возложена обязанность принять решение о реализации заявителями преимущественного права на приобретение помещения путем издания распоряжения об условиях приватизации помещения и направления в их адрес проекта договора купли-продажи.

Проект договора купли-продажи помещения был направлен в адрес заявителей только 9 июля 2015 г.

Полагая, что в результате принятия комитетом незаконного решения об отказе в реализации компанией права на выкуп арендуемого помещения, компания понесла убытки в виде арендных платежей за период с момента, когда договор купли-продажи должен был быть заключен до момента его заключения, она обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании убытков.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением суда округа, отказано в удовлетворении иска. Суды указали на то, что спорная сумма представляет собой арендные платежи, уплаченные компанией до заключения сторонами договора купли-продажи, во исполнение обязательства по договору аренды, в связи с чем она не может являться для него убытками.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Часть 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ предоставляет субъектам малого и среднего предпринимательства преимущественное право на приобретение арендуемого имущества из государственной или муниципальной собственности по цене, равной его рыночной стоимости и определенной независимым оценщиком в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135 «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» при наличии определенных в законе условий и соблюдении порядка его выкупа.

Учитывая, что требование о возмещении вреда заявлено к комитету, суды при рассмотрении дела должны руководствоваться положениями ст. 16, 1069

ГК РФ, предусматривающими возмещение убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами № 145, утвержденном Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 31 мая 2011 г., разъяснено, что при рассмотрении дела о возмещении вреда, причиненного вследствие издания правового акта, решения или действия (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица), незаконность такого акта, решения или действия (бездействия), установленная судом в порядке, предусмотренном гл. 24 АПК РФ, не подлежит переоценке в силу обязательности данного судебного акта (ст. 16 АПК РФ).

Требую возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред. При этом бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике (п. 5).

Поскольку отказ комитета в выкупе арендуемого имущества был уже признан незаконным по другому делу, у судов не имелось оснований и полномочий при рассмотрении настоящего дела приходить к иному выводу об отсутствии у комитета возможности для заключения договора купли-продажи по заявлению компании, а соответственно, наличия в связи с этим у нее убытков.

В качестве основания для отказа в иске суды также указали на наличие между сторонами по делу спора о цене выкупаемого имущества, что исключает за этот период возникновение у истца убытков.

Данный вывод судебная коллегия считает ошибочным, поскольку истец период взыскания убытков определил с 3 июня 2014 г. по 9 июля 2015 г., то есть со следующего дня наступления срока, установленного ч. 3 ст. 9 Закона № 159-ФЗ, для направления комитетом проекта договора купли-продажи по заявлению общества о выкупе, и до даты фактического его получения уже после рассмотрения дела о незаконности отказа. Решение по указанному делу вступило в законную силу 23 декабря 2014 г., а проект договора истцом был получен от комитета лишь 9 июля 2015 г., несмотря на то, что истец неоднократно обращался в адрес ответчика и судебного пристава-исполнителя с заявлениями об исполнении решения суда. Период урегулирования разногласий в период убытков истцом не был включен.

В обоснование отказа в иске арбитражный суд округа также указал на то, что спорная сумма представляет собой арендные платежи, уплаченные истцом до заключения сторонами договора купли-продажи, во исполнение обязательства по договору аренды, в связи с чем она не может являться убытками для общества.

Между тем судами не учтено, что в случае совершения комитетом всех действий, возложенных на него ст. 9 Закона № 159-ФЗ, то есть своевременного принятия решения о приватизации арендуемого помещения и направления проекта договора купли-продажи, компания могла приобрести в собственность это имущество с прекращением арендных отношений. Поводом для продления аренды явился отказ комитета и необходимость его признания незаконным в судебном порядке, за период оспаривания которого компания была вынуждена уплачивать арендную плату.

Таким образом, с учетом того, что в спорный период истец предпринимал меры для восстановления своего нарушенного права на выкуп арендованного имущества, связи с чем он производил расходы на уплату арендных платежей, эта сумма в соответствии со ст. 15 ГК РФ признается убытками.

Иной подход позволял бы органу совершать действия в виде неправомерного отказа в выкупе при отсутствии на то законных оснований, оспаривание которых заинтересованными лицами увеличивало бы срок вынужденной аренды и необходимость для них нести большие расходы за пользование имуществом, несмотря на признание впоследствии отказа комитета незаконным.

Определение № 307-ЭС18-16000

31. Ранее заключенный договор аренды земельного участка не подлежит прекращению ввиду выделения части этого участка участниками общей долевой собственности, выразившими согласие на его заключение. Одновременно с регистрацией права собственности на выделенный участок регистратор обязан внести запись в ЕГРН об обременении вновь образованного земельного участка правом аренды.

Общество являлось арендатором земельного участка сельскохозяйственного назначения, находящегося в общей долевой собственности нескольких лиц.

Впоследствии часть земельного участка была выделена участниками общей долевой собственности в счет причитающихся им земельных долей.

Вновь образованный в результате выдела земельный участок, принадлежит на праве общей долевой собственности четырем долевыми собственниками.

Общество, ссылаясь на то, что является арендатором вновь образованного земельного участка, в отношении которого в ЕГРН отсутствуют сведения об

ограничении (обременении) его правом аренды общества, обратилось к регистратору с заявлением о внесении в ЕГРН записи об обременении вновь образованного земельного участка правом аренды в пользу общества на основании договора аренды, полагая, что регистрация обременения должна была быть осуществлена одновременно с государственной регистрацией права общей долевой собственности четырех долевых собственников на выделенный ими земельный участок.

Уведомлением регистратор сообщил обществу о приостановлении государственной регистрации, сославшись на отсутствие в ЕГРН в отношении вновь образованного участка сведений по каким-либо ограничениям (обременениям).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать указанное уведомление незаконным и возложить на регистратора в качестве способа восстановления нарушенного права обязанность внести в ЕГРН запись об обременении спорного земельного участка правом аренды в пользу общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды указали на право общества на заключение с долевыми собственниками вновь образованного участка нового договора аренды в силу п. 4 ст. 11⁸ ЗК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 5 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ) участник долевой собственности, выразивший на общем собрании участников долевой собственности несогласие с передачей в аренду земельного участка, находящегося в долевой собственности, или с условиями договора аренды такого земельного участка, в случае передачи его в аренду вправе выделить земельный участок в счет принадлежащих ему земельной доли или земельных долей по правилам, установленным п. 4 ст. 13 Закона № 101-ФЗ, и распорядиться выделенным в счет земельной доли или земельных долей земельным участком по своему усмотрению. При этом согласие арендатора земельного участка или залогодержателя права аренды земельного участка на выдел в счет земельной доли или земельных долей земельного участка не требуется и договор аренды или залог прав аренды в отношении выделенного земельного участка прекращается.

Как следует из материалов дела, распорядившись принадлежавшими правами собственности на земельные доли в исходном земельном участке, участники общей долевой собственности, заключив в лице действующего от их имени на основании доверенности представителя договор с кооперативом, выразили свою волю на передачу земельного участка в аренду указанному лицу и впоследствии обществу.

Между тем судами при разрешении спора данные обстоятельства учтены не были и сделаны выводы о прекращении договора аренды в части долей, принадлежащих данным долевым собственникам, без учета положений п. 5 ст. 14 Закона № 101-ФЗ, предусматривающей прекращение договора аренды в случае несогласия участника общей собственности с передачей в аренду земельного участка и выдела земельного участка в счет принадлежащей ему земельной доли.

Пункт 4 ст. 11⁸ ЗК РФ направлена на установление гарантий для арендатора в случае образования земельных участков из арендуемого и обремененного его правами участка, по существу на сохранение права аренды на прежних условиях, а не напротив, на прекращение арендных отношений в силу предусмотренного в ней обстоятельства.

Указанная позиция была сформулирована Верховным Судом Российской Федерации в определении от 17 ноября 2015 г. № 306-КГ15-8301 и неоднократно применена судом при разрешении аналогичных споров.

В развитие толкования приведенного выше законоположения, Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов» (далее – Закон № 341-ФЗ) в п. 4 ст. 11⁸ ЗК РФ были внесены изменения, закрепившие право арендатора на сохранение права аренды в отношении образуемых и измененных земельных участков, используемых на основании договоров аренды.

Так, в соответствии с п. 4 ст. 11⁸ ЗК РФ в редакции Закона № 341-ФЗ в случае образования земельных участков из земельных участков, используемых на основании договоров аренды или безвозмездного пользования, осуществляющее такое использование лицо в отношении измененных земельных участков сохраняет право аренды или безвозмездного пользования и (или) имеет право на заключение с ним договоров аренды образуемых и измененных земельных участков или договоров безвозмездного пользования ими на прежних условиях, если иное не установлено соглашением сторон, без проведения торгов (конкурсов, аукционов).

Согласно п. 2 ст. 22 ЗК РФ предоставление земельных участков в аренду осуществляется также в соответствии с гражданским законодательством, а согласно п. 1 ст. 46 ЗК РФ аренда земельного участка прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским законодательством.

При этом ни положения п. 4 ст. 11⁸ ЗК РФ (ни в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений, ни в редакции Закона № 341-ФЗ), ни нормы ГК РФ не содержат прямого указания на прекращение действия ранее заключенного договора аренды в отношении земельного участка, образованного в результате выдела.

Порядок по внесению в ЕГРН записи об обременении правом аренды вновь образованного земельного участка установлен ч. 12 ст. 41 Федерального

закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», согласно которому в случае, если в отношении исходного объекта недвижимости в ЕГРН зарегистрированы ограничения прав и обременения такого объекта недвижимости, на основании заявления о государственном кадастровом учете и государственной регистрации прав на образуемые из него объекты недвижимости и одновременно с такими государственным кадастровым учетом и государственной регистрацией прав осуществляются государственная регистрация ограничений прав и обременений образуемых объектов недвижимости, если в соответствии с федеральным законом такие ограничения и обременения переходят (сохраняются) в отношении образованных объектов.

Определение № 303-КГ18-21258

32. Если в результате приватизации государственного унитарного предприятия в форме преобразования в акционерное общество последнее стало собственником земельного участка, которым ранее предприятие владело по договору аренды с публично-правовым образованием, обязанность по внесению арендной платы прекращается с момента государственной регистрации акционерного общества в Едином государственном реестре юридических лиц.

Федеральное государственное унитарное предприятие являлось арендатором земельного участка по договору с уполномоченным органом Российской Федерации (далее – управление).

Впоследствии в установленном законом порядке были утверждены условия приватизации предприятия путем преобразования в акционерное общество и в состав принадлежащего приватизации имущественного комплекса предприятия вошел указанный земельный участок.

Акционерное общество (далее – общество) зарегистрировано в Едином государственном реестре юридических лиц 1 декабря 2017 г.

Право собственности общества на земельный участок было зарегистрировано 18 января 2018 г.

Ссылаясь на то, что с момента регистрации в качестве юридического лица оно стало собственником земельного участка и у него прекратилась обязанность вносить арендную плату, общество обратилось в арбитражный суд с иском к управлению о взыскании переплаты по договору в виде арендной платы за декабрь 2017 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 8¹ ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. Иной момент возникновения, изменения или прекращения прав на недвижимое имущество может быть установлен только законом.

Как указано в п. 1 ст. 37 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон № 178-ФЗ), хозяйственное общество, созданное путем преобразования унитарного предприятия, с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц становится правопреемником этого унитарного предприятия в соответствии с передаточным актом, составленным в порядке, установленном ст. 11 данного федерального закона, со всеми изменениями состава и стоимости имущественного комплекса унитарного предприятия, произошедшими после принятия решения об условиях приватизации имущественного комплекса этого унитарного предприятия.

В соответствии с п. 1 ст. 16 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» реорганизация юридического лица в форме преобразования считается завершенной с момента государственной регистрации вновь возникшего юридического лица, а преобразованное юридическое лицо - прекратившим свою деятельность.

В абзаце пятом п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъяснено, что акционерное общество, созданное в процессе преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц становится как правопреемник собственником имущества, включенного в план приватизации или передаточный акт.

Согласно сложившейся судебной практике акционерное общество, созданное в результате приватизации государственного (муниципального) имущества, становится собственником имущества, включенного в план приватизации и передаточный акт, с даты государственной регистрации в качестве юридического лица и с этой даты должно платить налог на имущество и земельный налог.

Таким образом, поскольку общество создано в порядке приватизации государственного имущества в соответствии с Законом № 178-ФЗ, спорный

земельный участок включен в план приватизации имущественного комплекса предприятия и передан обществу по передаточному акту, общество с даты его государственной регистрации в качестве юридического лица (1 декабря 2017 г.) стало собственником земельного участка и плательщиком земельного налога, а Российская Федерация, которая ранее являлась собственником спорного участка, утратила на него право собственности и, следовательно, право на получение с указанной даты арендной платы за пользование участком.

Определение № 303-ЭС18-26243

33. Если установленный компетентным органом в нормативном правовом акте размер арендной платы за земельные участки, право государственной собственности на которые не разграничено, выше указанного в принципе № 7 Основных принципов определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582, арендная плата подлежит исчислению с применением данного принципа.

Общество, являющееся собственником недвижимости и арендатором земельного участка, на котором расположена указанная недвижимость, обратилось в уполномоченный орган публично-правового образования (далее – администрация) с заявлением о предоставлении ему земельного участка в собственность за плату.

Администрация отказала обществу, сославшись на то, что спорный земельный участок входит в зону реконструкции скоростной автомобильной дороги федерального значения.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к администрации о внесении изменений в договор аренды земельного участка в виде установления арендной платы в размере, не превышающем земельный налог, в соответствии с Основными принципами определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации 16 июля 2009 г. № 582 (далее – постановление № 582).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды посчитали, что поскольку спорный участок, расположенный в Московской области, относится к землям, право государственной собственности на которые не разграничено, при расчете арендной платы не подлежит применению постановление № 582, так как им утверждены правила определения арендной платы за федеральные земли, поэтому размер арендной платы за данный земельный участок следует исчислять с применением ст. 14 Закона Московской области от 7 июня 1996 г.

№ 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области» (далее – Закон № 23/96-ОЗ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу подп. 2 п. 3 ст. 39⁷ ЗК РФ (действующей с 1 марта 2015 г.) порядок определения размера арендной платы за предоставленные в аренду без торгов земельные участки, находящиеся в собственности субъекта Российской Федерации, и участки, государственная собственность на которые не разграничена, устанавливается органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Ранее (до 1 марта 2015 г.) аналогичные положения содержались в п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О ведении в действие Земельного кодекса Российской Федерации (далее – Закон № 137-ФЗ).

Порядок определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в собственности Московской области, а также земельных участков на территории Московской области, государственная собственность на которые не разграничена, установлен ст. 14 Закона Московской области № 23/96-ОЗ.

Вместе с тем в п. 1 ст. 39⁷ ЗК РФ указано, что размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством Российской Федерации. Такие принципы утверждены постановлением № 582.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2017 г. № 531, вступившим в законную силу с 12 августа 2017 г., Основные принципы определения арендной платы дополнены еще одним принципом № 7, предусматривающим, что арендная плата при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, определяется исходя из принципа наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка, занимаемого зданием, сооружением, собственником этого здания, сооружения, в соответствии с которым размер арендной платы не должен превышать размер земельного налога, установленный в отношении предназначенных для использования в сходных целях и занимаемых зданиями, сооружениями земельных участков, для которых указанные ограничения права на приобретение в собственность отсутствуют.

Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 декабря 2017 г. № 710 утверждены Методические рекомендации по применению основных принципов определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, утвержденных постановлением № 582.

В п. 30 раздела 8 указанных Методических рекомендаций в целях применения принципа № 7 при определении арендной платы за земельные участки рекомендуется исходить из необходимости учета интересов лиц, являющихся собственниками зданий, сооружений, расположенных на земельных участках, отнесенных законодательством Российской Федерации (п. 5 ст. 27 ЗК РФ) к землям, ограниченным в обороте, предоставление которых в собственность не допускается. В указанном случае при определении размера арендной платы за земельный участок целесообразно основываться на размере земельного налога, исчисляемого в отношении земельного участка, расположенного в том же муниципальном образовании, что и земельный участок, размер арендной платы за который определяется, используемого для сходных целей собственниками расположенных на нем зданий, сооружений и не отнесенного к землям, ограниченным в обороте (с учетом положений п. 1 ст. 387 НК РФ).

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г. (вопрос 7 разъяснений по вопросам, возникающим в судебной практике) сформулирована правовая позиция о том, что Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, утвержденные постановлением № 582, не применяются при определении арендной платы за земельные участки, находящиеся в собственности субъекта Российской Федерации, муниципальных образований, а также земель, государственная собственность на которые не разграничена; вместе с тем в силу п. 1 ст. 39⁷ ЗК РФ постановление № 582 в части установления Основных принципов определения арендной платы является общеобязательным при использовании всех земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в случаях, когда в соответствии с законом размер платы подлежит установлению соответствующими компетентными органами.

Поскольку указанные принципы являются общеобязательными при определении арендной платы за находящуюся в публичной собственности землю для всех случаев, когда размер этой платы определяется не по результатам торгов и не предписан федеральным законом, соответствующим компетентным органам надлежит устанавливать размер арендной платы на основании названных принципов, в том числе в пределах, указанных в принципе № 7 (действующем с 12 августа 2017 г.), в отношении ограниченных в обороте земельных участков, занятых зданиями и сооружениями, сформированных с учетом площади, необходимой для их эксплуатации.

При таком положении является ошибочным вывод судов о том, что при определении размера арендной платы за земельные участки, право государственной собственности на которые не разграничено, или муниципальные земли не подлежат применению Основные принципы определения арендной платы.

При рассмотрении споров, вытекающих из договоров аренды публичных земель, суды вправе применительно к ст. 12 ГК РФ и ст. 13 АПК РФ давать оценку нормативным правовым актам публичных образований, регламентирующим размеры арендной платы за земельные участки, с точки зрения их соответствия указанным принципам и не применять нормативный правовой акт публичного образования, противоречащий нормативному правовому акту большей юридической силы.

В том случае, если установленный компетентным органом в нормативном правовом акте размер арендной платы за указанные земли выше указанного в принципе № 7, арендная плата подлежит исчислению с применением данного принципа.

Определение № 305-ЭС19-4399

34. Собственник объекта недвижимости вправе использовать свой объект и земельный участок, на котором он расположен, в соответствии с фактическим видом разрешенного использования, правомерно сложившимся до внесения изменений в градостроительный регламент. При кадастровом учете и регистрации права собственности на указанный земельный участок в сведениях ЕГРН о виде разрешенного использования отражается фактический вид использования.

Муниципальное образование является собственником одноэтажного нежилого здания (гаража), возведенного в 1973 г., право собственности на которое зарегистрировано в государственном реестре в 2016 г.

В целях оформления права на земельный участок под указанным объектом недвижимости администрация муниципального образования (далее – администрация) утвердила схему расположения земельного участка, находящегося в территориальной зоне застройки О-4 «зона образовательных и детских дошкольных учреждений», указав вид разрешенного использования – «объекты гаражного назначения», категория земель населенных пунктов.

В целях образования земельного участка был подготовлен межевой план, в котором также указан вид разрешенного использования – «объекты гаражного назначения».

Уполномоченный орган муниципального образования (далее – комитет) обратился в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – управление) с заявлением о постановке на кадастровый учет образованного земельного участка и регистрации на него права муниципальной собственности.

Управление приняло решение о приостановлении государственного кадастрового учета и государственной регистрации права муниципальной собственности на основании п. 7 ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ), а впоследствии – решение об отказе в государственном

кадастровом учете и государственной регистрации права собственности на спорный земельный участок на основании ст. 27 Закона № 218-ФЗ. Данные решения мотивированы тем, что указанный в межевом плане в разделе «Общие сведения об образуемых земельных участках» вид разрешенного использования вновь образованного земельного участка – «объекты гаражного назначения» – не соответствует основным видам разрешенного использования зоны О-4, предусмотренным решением Совета депутатов муниципального образования, принятым в 2017 г. (далее – решение Совета 2017 г.), поскольку в основных видах разрешенного использования, соответствующих зоне О-4/О-4А – «зона образовательных и детских дошкольных учреждений/проектная», такой вид разрешенного использования, как «объекты гаражного назначения», отсутствует. Кроме того, на спорном участке расположен объект недвижимости, который должен быть обозначен в межевом плане формата XML в разделе Cadastre Number, объект капитального строительства частично выходит за границы вновь образуемого участка.

Комитет обратился в арбитражный суд с заявлением к управлению о признании незаконным решения об отказе в регистрации, а также об устранении допущенных нарушений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направило дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из п. 4 ст. 85 ЗК РФ, чч. 8–10 ст. 36 ГрК РФ прямо следует, что объекты капитального строительства, правомерно возведенные до утверждения градостроительных регламентов правилами землепользования и застройки, а также земельные участки, на которых они расположены, виды разрешенного использования которых не соответствуют градостроительному регламенту могут быть использованы по прежнему фактическому виду разрешенного использования, за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия. При этом любая реконструкция таких объектов, то есть изменение этих объектов, может осуществляться только путем приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, а изменение видов разрешенного использования может осуществляться путем приведения их в соответствие с видами разрешенного использования, установленными градостроительным регламентом.

Следовательно, и земельное, и градостроительное законодательство исходит из сохранения прав на использование объектов капитального строительства и земельных участков под ними по прежнему фактическому разрешенному использованию в случае, когда происходит изменение градостроительной документации, предусматривающей иное зонирование

территории (ст. 30 ГрК РФ), и существующее фактическое использование объектов не опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия.

В целях оформления прав на земельный участок под объектом недвижимости в гл. 1¹ ЗК РФ установлен порядок и требования к образованию земельных участков. Образование земельного участка из земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется, в том числе в соответствии с утвержденной схемой расположения земельного участка при отсутствии утвержденного проекта межевания территории, за исключением случаев, когда образование земельных участков может осуществляться только в соответствии с утвержденным проектом межевания территории (пп. 2, 3 ст. 11³ ЗК РФ).

В решении об утверждении схемы расположения земельного участка в отношении каждого из земельных участков, подлежащих образованию в соответствии со схемой расположения земельного участка, указывается, в частности, территориальная зона, в границах которой образуется земельный участок, или в случае, если на образуемый земельный участок действие градостроительного регламента не распространяется или для образуемого земельного участка не устанавливается градостроительный регламент, вид разрешенного использования образуемого земельного участка (пп. 1, 13, 14 названной статьи).

Администрация постановлением утвердила схему расположения спорного земельного участка, указав, что земельный участок находится в территориальной зоне застройки О-4 (зона образовательных и детских дошкольных учреждений), а также фактический вид разрешенного использования, соответствующий виду разрешенного использования объекта на этом участке – «объекты гаражного назначения», что соответствует положениям ст. 11¹⁰ ЗК РФ.

Требования к содержанию межевого плана содержатся в ст. 22 Закона № 218-ФЗ, а также в приказе Министерства экономического развития Российской Федерации от 8 декабря 2015 г. № 921.

Как указано в п. 51 названного приказа сведения о выбранных или установленных видах (виде) разрешенного использования обозначаются в графе «3» реквизита «4» раздела «Сведения об образуемых земельных участках», в частности, на основании решения об утверждении схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории.

Между тем при рассмотрении спора суды не установили, что представленный комитетом межевой план не соответствует обозначенным требованиям, а лишь сослались на то, что в разделе «Заключение кадастрового инженера» межевого плана отсутствует какое-либо обоснование указания в данном реквизите иного вида разрешенного использования земельного участка, отличного от обозначенного в правилах землепользования и застройки. Однако само по себе отсутствие соответствующего заключения кадастрового инженера

не свидетельствует о нарушении им требований к подготовке межевого плана в части обозначения вида разрешенного использования земельного участка.

Согласно п. 4 ч. 5 ст. 8 Закона № 218-ФЗ в кадастр недвижимости вносятся, в том числе, дополнительные сведения об объекте недвижимого имущества, к которым отнесена информация о виде или видах разрешенного использования земельного участка.

В силу пп. 2 и 3 ст. 13 Закона № 218-ФЗ внесение в ЕГРН дополнительных сведений об объекте недвижимого имущества осуществляется в порядке межведомственного информационного взаимодействия либо в уведомительном порядке.

Как предусмотрено пп. 2, 3 ч. 1 ст. 32 Закона № 218-ФЗ, орган государственной власти или орган местного самоуправления обязаны направить в орган регистрации прав, в том числе принятые им решения об установлении или изменении вида разрешенного использования земельного участка; об утверждении правил землепользования и застройки либо о внесении изменений в правила землепользования и застройки, если такими изменениями предусмотрено установление или изменение градостроительного регламента, установление или изменение границ территориальных зон.

При этом как следует из подп. 3 п. 22 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 16 декабря 2015 г. № 943, вид или виды разрешенного использования земельного участка обозначаются путем указания:

установленного вида разрешенного использования – на основании соответствующего акта уполномоченного органа с указанием в том числе реквизитов такого акта об установлении вида разрешенного использования;

вида разрешенного использования земельного участка из числа видов разрешенного использования, предусмотренных градостроительным регламентом, и сведений о территориальной зоне, в границах которой расположен земельный участок (с указанием реестрового номера границы территориальной зоны, сведения о которой внесены в ЕГРН, посредством указания которого в том числе обеспечивается взаимосвязь записей раздела ЕГРН на земельный участок с записями реестра границ или реквизитов решений органов государственной власти или органов местного самоуправления об утверждении правил землепользования и застройки или о внесении изменений в них, если в реестре границ отсутствует запись о соответствующей зоне).

Исходя из приведенных положений законодательство о кадастровом учете и регистрации прав на сегодняшний день не содержит запрета на внесение в ЕГРН сведений о фактическом разрешенном использовании земельного участка, соответствующем виду разрешенного использования объекта капитального строительства, но не предусмотренном градостроительным регламентом, установленным в отношении территориальной зоны.

Вместе с тем подзаконное регулирование не содержит порядка действий в указанной ситуации, что не может являться препятствием в реализации собственником объекта недвижимости его прав на земельный участок и на использование как самого объекта, так и земельного участка в пределах, предусмотренных земельным и градостроительным законодательством. В таких случаях правовой режим земельного участка определяется с учетом его фактического разрешенного использования на основании акта уполномоченного органа об утверждении схемы расположения земельного участка на кадастровом плане соответствующей территории и этот вид разрешенного использования подлежит отражению в сведениях ЕГРН при кадастровом учете и регистрации права собственности на земельный участок.

Определение № 301-КГ18-25680

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

35. Требование об исполнении в натуре обязательства по передаче вещей, определенных родовыми признаками, которые отсутствуют у должника, не может быть удовлетворено судом, если приобретение должником для кредитора таких вещей у иных лиц является объективно невозможным.

Министерством и обществом заключен договор, предметом которого является передача министерством обществу лома и отходов драгоценных металлов (далее – ЛОДМ), образующихся в войсках, обеспечение аффинажа драгоценных металлов обществом, а также использование и обращение извлеченных драгоценных металлов в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к министерству об исполнении в натуре обязательства по передаче ЛОДМ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды квалифицировали данный договор в качестве договора купли-продажи вещей, определенных родовыми признаками, и, сославшись на п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление № 7), пришли к выводу о возможности удовлетворения иска об исполнении обязательства в натуре.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 308³ ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в

натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 23 постановления № 7, отсутствие у должника того количества вещей, определенных родовыми признаками, которое он по договору обязан предоставить кредитору, само по себе не освобождает его от исполнения обязательства в натуре, если оно возможно путем приобретения необходимого количества товара у третьих лиц (пп. 1, 2 ст. 396, п. 2 ст. 455 ГК РФ).

Данное разъяснение касается вещей, оборачивающихся и легко приобретаемых на рынке. Оно означает, что, по общему правилу, в программу обязательства продавца входят в том числе и действия по приобретению товара на рынке.

Вместе с тем товар, в отношении которого заключен рассматриваемый договор, не относится к подобной категории вещей.

Предмет договора изначально определен как ЛОДМ, возникающий в процессе деятельности конкретных воинских частей. Исходя из этого условия в обязательства продавца не может входить обязательство по приобретению аналогичных вещей на рынке. Кроме того, характер вещей, передаваемых по договору (вещи, образующиеся в результате деятельности воинских частей в ракетной и космической промышленности), свидетельствует о невозможности понуждения к исполнению указанного обязательства в натуре, поскольку это может противоречить публичным интересам (безопасность, обороноспособность, сохранение в тайне определенных технологий).

Таким образом, понуждение к исполнению в натуре обязательства по передаче в собственность вещей, образующихся в результате деятельности воинских частей в космической сфере и сфере ракетостроения, невозможно (ст. 308³ ГК РФ).

Определение № 305-ЭС18-22976

36. Предъявление потребителем электрической энергии иска к гарантирующему поставщику о признании незаконными действий по уведомлению о предстоящем ограничении режима потребления электрической энергии является надлежащим способом защиты прав потребителя.

Крестьянским (фермерским) хозяйством (потребителем; далее – КФХ) и обществом (гарантирующим поставщиком) заключен договор энергоснабжения, по условиям которого поставщик осуществляет поставку потребителю электрической энергии (мощности), урегулирует с сетевой организацией отношения по оказанию услуг по передаче электрической энергии до точек поставки потребителя, а потребитель оплачивает приобретаемую электрическую энергию (мощность) и оказанные услуги.

Гарантирующий поставщик направил потребителю уведомление, в котором предложил КФХ в определенный срок погасить имеющуюся задолженность, а в случае непогашения предупредил о введении в отношении потребителя частичного (полного) ограничения режима потребления электроэнергии. Кроме того, общество уведомило КФХ о том, что возобновление подачи будет осуществлено только после погашения задолженности в полном объеме, с учетом компенсации затрат.

КФХ обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о признании незаконными действий по уведомлению о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды руководствовались положениями ст. 1, 11, 12 ГК РФ, ст. 4 АПК РФ, Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике), Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Правила), и исходили из того, что уведомление носило информационный характер и являлось подготовительным этапом процедуры введения ограничения. Поскольку КФХ уплатило задолженность и ограничение не введено, суды сочли, что оспариваемое уведомление не повлекло нарушения прав истца. Кроме того, суды указали, что истец мог защищать свои права и законные интересы путем предъявления материально-правового требования, к которым отнесли иск о возмещении убытков, возникших после ограничения подачи (потребления) электроэнергии.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом «б» п. 2 Правил, утвержденных Правительством Российской Федерации на основании ст. 21 Закона об электроэнергетике, предусмотрено, что ограничение режима потребления электрической энергии вводится, в частности, в связи с нарушением потребителем своих обязательств, выразившимся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по оплате электрической энергии (мощности).

В силу подп. «а» п. 4 Правил гарантирующий поставщик наделен правом выступать инициатором мероприятий по введению ограничения режима потребления электроэнергии при нарушении потребителем своих обязательств по оплате ее стоимости.

Согласно п. 6 Правил в отношении энергопринимающих устройств и (или) объектов электроэнергетики потребителя, не имеющего в отношении этих устройств и (или) объектов акта согласования технологической и (или) аварийной брони и не относящегося к потребителям, ограничение режима потребления электрической энергии которых может привести к экономическим, экологическим или социальным последствиям, вводится полное ограничение

режима потребления не ранее чем по истечении 10 дней после дня уведомления указанного потребителя о введении полного ограничения режима потребления. Из п. 10 Правил следует, что в целях введения ограничения режима потребления инициатор введения ограничения обязан направить потребителю уведомление о введении ограничения режима потребления (далее – уведомление об ограничении), а также уведомление исполнителю (в данном случае сетевой организации), обеспечивающее исполнение введения ограничения. Исполнитель (субисполнитель) обязан ввести полное ограничение режима потребления со своих объектов электросетевого хозяйства (п. 6 Правил).

Вопреки доводу гарантирующего поставщика об информационном характере уведомления об ограничении его направление является обязательным этапом введения ограничения режима потребления электрической энергии, за которым для потребителя возникают неблагоприятные последствия. При этом отказ потребителя от признания задолженности, указанной в уведомлении об ограничении, не является препятствием для введения ограничения режима потребления (п. 18 Правил).

Отказывая КФХ в удовлетворении настоящего иска лишь по основанию неверного выбора им способа защиты права, суды не учли, что предусмотренный абзацем третьим ст. 12 ГК РФ способ защиты права путем пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий. Возмещение убытков, возникших после введения ограничения, не обеспечивает потребителю такой возможности.

Кроме того, из пояснений сторон следует, что направление обществом уведомлений об ограничении приобрело системный характер в силу возникших между сторонами договора энергоснабжения разногласий о приборе учета, который должен использоваться в расчетах за поставленную электрическую энергию.

Общество, не реализуя право на обращение в арбитражный суд с иском о взыскании с КФХ задолженности или с иным иском, рассмотрение которого внесет определенность в правоотношения сторон по расчетам, использует несудебную процедуру с целью понудить истца произвести оплату долга. Уплата гарантирующему поставщику требуемой им суммы при несогласии потребителя с наличием задолженности не лишает последнего права на судебную проверку законности действий по направлению уведомления об ограничении и самого уведомления.

При таких обстоятельствах выбранный КФХ способ защиты является надлежащим, соотносится с правом истца самостоятельно определить наиболее эффективный способ защиты права из предусмотренных законодательством способов.

Обоснованность направления уведомления, включая основание возникновения задолженности, входит в предмет исследования и оценки судов

по заявленному КФХ требованию и служит цели внесения определенности в правоотношения сторон.

Определение № 306-ЭС18-20653

37. Отказ собственника или пользователя отдельного помещения в многоквартирном доме от оплаты коммунальной услуги по отоплению допускается только в случаях отсутствия фактического потребления тепловой энергии, обусловленного, в частности, согласованным в установленном порядке демонтажем системы отопления помещения с переходом на иной вид теплоснабжения и надлежащей изоляцией проходящих через помещение элементов внутридомовой системы, а также изначальным отсутствием в помещении элементов системы отопления.

Собственник и пользователь отдельного помещения в любом случае не может быть освобожден от оплаты отопления на общедомовые нужды.

Товарищество собственников жилья (далее – товарищество) обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию о взыскании задолженности за отопление.

Товарищество ссылалось на то, что предприятию на праве хозяйственного ведения принадлежат нежилые помещения, расположенные на первом этаже, а также в подвале многоквартирного дома. В многоквартирном доме установлен общедомовой прибор учета, на основании показаний которого товарищество осуществляло расчеты с теплоснабжающей организацией, а предприятие соответствующую плату не вносило.

В отзыве на иск предприятие указало на то, что имеет автономную систему отопления.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен. Суд исходил из того, что собственник нежилого помещения, входящего в состав многоквартирного дома, в случае демонтажа радиаторов отопления не освобождается от оплаты этого коммунального ресурса, получаемого в том числе от общей системы отопления и конструкций дома.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Судами отмечено, что товарищество не вправе взыскивать плату за отопление в свою пользу. Суды также пришли к выводу, что сам по себе факт прохождения через нежилые помещения ответчика стояков отопления при отсутствии в них теплопринимающих устройств не свидетельствует о наличии оснований для взыскания с собственника таких помещений платы за отопление, поскольку такие объекты тепловой энергии, как заизолированные стояки, являются лишь возможным технологическим расходом (потерями) тепловой энергии транзитных труб во внутридомовых сетях жилого дома.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Изменениями, внесенными с 1 января 2017 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1498 в Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354), предусмотрено, что поставка холодной воды, горячей воды, тепловой энергии, электрической энергии и газа в нежилое помещение в многоквартирном доме, а также отведение сточных вод осуществляются на основании договоров ресурсоснабжения, заключенных в письменной форме непосредственно с ресурсоснабжающей организацией (п. 6 Правил № 354).

Вместе с тем организация, осуществляющая управление многоквартирным домом, сохранила право требовать с собственников нежилых помещений стоимость коммунальных услуг, предоставленных на общедомовые нужды (п. 40 Правил № 354).

В связи с этим товарищество, выбранное собственниками для управления многоквартирным домом в декабре 2014 г. и заключившее в феврале 2015 г. договор теплоснабжения с ресурсоснабжающей организацией для предоставления коммунальной услуги теплоснабжения собственникам жилых и нежилых помещений, вправе требовать оплаты стоимости услуги отопления до 1 января 2017 г. в полном объеме, а после 1 января 2017 г. – как минимум в объеме, приходящемся на общедомовые нужды.

Предполагается, что собственники и иные законные владельцы помещений многоквартирного дома, обеспеченного внутридомовой системой отопления, подключенной к централизованным сетям теплоснабжения, потребляют тепловую энергию на обогрев принадлежащих им помещений через систему отопления, к элементам которой по отношению к отдельному помещению, расположенному внутри многоквартирного дома, помимо отопительных приборов относятся полотенцесушители, разводящий трубопровод и стояки внутридомовой системы теплоснабжения, проходящие транзитом через такие помещения, а также ограждающие конструкции, в том числе плиты перекрытий и стены, граничащие с соседними помещениями, и через которые в это помещение поступает теплота («ГОСТ Р 56501-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Услуги содержания внутридомовых систем теплоснабжения, отопления и горячего водоснабжения многоквартирных домов. Общие требования», введен в действие приказом Росстандарта от 30 июня 2015 г. № 823-ст).

По общему правилу, отказ собственников и пользователей отдельных помещений в многоквартирном доме от коммунальной услуги по отоплению, как и полное исключение расходов на оплату используемой для обогрева дома тепловой энергии, не допускается. Указанная презумпция может быть

опровергнута отсутствием фактического потребления тепловой энергии, обусловленным, в частности, согласованным в установленном порядке демонтажем системы отопления помещения с переходом на иной вид теплоснабжения и надлежащей изоляцией проходящих через помещение элементов внутридомовой системы, а также изначальным отсутствием в помещении элементов системы отопления (неотапливаемое помещение).

Переход на отопление помещений в подключенных к централизованным сетям теплоснабжения многоквартирных домах с использованием индивидуальных квартирных источников тепловой энергии во всяком случае требует соблюдения нормативных требований к порядку переустройства системы внутриквартирного отопления, действующих на момент его проведения (п. 1.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 46-П).

Введение нормативных требований к порядку переустройства системы внутриквартирного отопления направлено в первую очередь на обеспечение надежности и безопасности теплоснабжения многоквартирного дома, что отвечает интересам собственников и пользователей всех помещений в нем.

Наличие у ответчика собственной системы автономного отопления нежилых помещений не исключает использование внутридомовой системы отопления.

Имеющиеся в деле документы касаются проектирования, строительства и приемки газовой котельной, которая, согласно акту, составленному с участием теплоснабжающей организации, не используется; общедомовые элементы системы отопления не изолированы; согласование демонтажа с теплоснабжающей организацией в деле отсутствует. При этом в акте отражено, что температура в помещениях ответчика составляет 22 и более градуса по Цельсию. Указанному акту, относящемуся к спорному периоду, судом апелляционной инстанции оценка не дана; ответчику судами первой и апелляционной инстанций не предложено представить в материалы дела разрешительные документы на демонтаж системы отопления, повлекшие соответствующее изменение тепловой нагрузки, приходящейся на многоквартирный дом (приказ Минрегиона России от 28 декабря 2009 г. № 610 «Об утверждении правил установления и изменения (пересмотра) тепловых нагрузок»), и технических документов, основанных на факте переустройства, произведенного в установленном законодательством порядке.

Демонтаж приборов отопления в отсутствие разрешительных документов, фактическое использование для обогрева собственного помещения иных элементов внутридомовой системы отопления (стояков, трубопроводов и т.п.), теплоотдача которых достаточна для поддержания в помещении нормативной температуры воздуха, позволяют собственнику (владельцу) не применять автономную систему отопления.

В результате такой собственник (владелец) ставится в более выгодное положение по сравнению с теми собственниками, которые исполняют свои

обязательства надлежащим образом и не создают угрозы возникновения в системе отопления дома негативных последствий.

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 39 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Поскольку плата за отопление вносится совокупно без разделения на плату в помещении и плату на общедомовые нужды, собственники, демонтировавшие систему отопления на законных основаниях с оформлением соответствующих разрешительных документов, как правило, не подлежат освобождению от оплаты той ее части, которая приходится на общедомовые нужды.

Отсутствие в Правилах предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354), методики (формулы), позволяющей определить размер этой платы, не исключает использования судом иных процессуальных средств для установления ее размера, в числе которых, например, проведение экспертного исследования либо (при отсутствии в многоквартирном доме общедомового прибора учета) выделение из общего норматива потребления коммунальной услуги отопления, утвержденного соответствующим органом, части, приходящейся на общедомовые нужды.

Более того, стороны вправе использовать различные математические модели расчетов, не исключая и ту, что аналогична изложенной в пп. 2(3)– 2(6) приложения № 2 Правил № 354 в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 23 февраля 2019 г. № 184.

Определение № 308-ЭС18-25891

38. При наличии в акте о неучтенном потреблении возражений потребителя о том, что при введении в эксплуатацию измерительного комплекса пломба, на отсутствии которой настаивает гарантирующий поставщик или сетевая организация, не устанавливалась, именно сетевая организация и/или гарантирующий поставщик должны представить суду подтверждение выполнения ими нормативных требований к местам установки пломб.

Обществом (потребителем) и компанией (гарантирующим поставщиком) заключен договор энергоснабжения.

В ходе проведенной сетевой организацией проверки энергопринимающего оборудования общества выявлено отсутствие пломб на измерительных трансформаторах тока, входящих в измерительный комплекс, что отражено в актах о неучтенном потреблении электрической энергии.

На основании актов и условий договора энергоснабжения с потребителя в пользу гарантирующего поставщика в безакцептном порядке списана стоимость безучетного потребления электрической энергии.

Общество, указывая на недоказанность безучетного потребления, опровергая факт постановки пломб на измерительных трансформаторах тока, не согласилось со списанием денежных средств и обратилось в арбитражный суд с иском к компании о возврате необоснованно списанных денежных средств.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды сочли, что общество не исполнило обязанность по обеспечению сохранности пломб на трансформаторах тока, входящих в состав измерительного комплекса, и признали акты о неучтенном потреблении допустимым доказательством, составленным в соответствии с требованиями действующего законодательства (Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442; далее – Основные положения № 442), а применение расчетного способа определения объема потребленной электроэнергии и списание гарантирующим поставщиком спорных денежных средств правомерным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство обязывает осуществлять расчеты за потребленные энергетические ресурсы на основании данных об их количественном значении, определенных при помощи приборов учета используемых энергетических ресурсов (ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Обеспечение надлежащего технического состояния, безопасности эксплуатируемых энергетических сетей, исправности используемых приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии, а также соблюдение режима потребления энергии, по общему правилу, возложено на абонента/потребителя/собственника (ст. 539, 543 ГК РФ, п. 145 Основных положений № 442).

Достоверность данных учета потребленных энергетических ресурсов обеспечивается соблюдением нормативно установленных требований к техническим характеристикам приборов учета (определенных законодательством об электроэнергетике, об обеспечении единства измерений, нормативно-технических документов и государственных стандартов); правильностью установки приборов учета (место установки, схема подключения); допуском соответствующих приборов учета в эксплуатацию в установленном порядке; надлежащей эксплуатацией приборов учета;

периодичностью поверки и соблюдением режима потребления энергии; обеспечением целостности и сохранности прибора учета, а также средств маркировки/контрольных пломб и (или) знаков визуального контроля (ст. 9 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», пп. 137, 144, 145, 147, 152, 154, 155 Основных положений № 442).

Неисполнение потребителем закрепленной законодателем обязанности, в частности, по обеспечению сохранности пломб (средств визуального контроля), нанесенных на средство измерения, если это не вызвано действием непреодолимой силы, лишает силы учет электроэнергии, осуществляемый данным расчетным прибором учета (абзац третий п. 2.11.17 Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей, утвержденных приказом Минэнерго России от 13 января 2003 г. № 6), и влечет применение к такому потребителю последствий, установленных п. 195 Основных положений № 442 для случаев безучетного потребления.

Факт неисполнения потребителем обязанности по сохранности пломб подлежит доказыванию гарантирующим поставщиком и/или сетевой организацией. К числу таких доказательств относятся акт проверки расчетных приборов учета и акт о неучтенном потреблении, составляемые в соответствии с пп. 176 и 192 Основных положений № 442.

Вместе с тем при наличии в акте о неучтенном потреблении возражений потребителя о том, что при введении в эксплуатацию измерительного комплекса пломба, на отсутствии которой настаивает гарантирующий поставщик или сетевая организация, не устанавливалась, именно сетевая организация и/или гарантирующий поставщик должны представить суду подтверждение выполнения ими нормативных требований к местам установки пломб.

Судами установлено, что измерительные комплексы на объекте общества введены в эксплуатацию работником гарантирующего поставщика. Однако документы, подтверждающие замену оборудования измерительного комплекса, подписаны этим работником в одностороннем порядке. В них не содержится сведений о месте постановки пломб и об их количестве.

Отклоняя как не подтвержденный доказательствами довод общества о том, что пломбы на трансформаторах тока (средства маркировки) не устанавливались в связи с отсутствием технической возможности, о чем сообщил сотрудник, производивший замену оборудования измерительного комплекса, суды, неверно распределив бремя доказывания, в нарушение требований ст. 65 АПК РФ возложили на общество обязанность по доказыванию отсутствия знаков контроля (маркировки) на момент ввода измерительного комплекса в эксплуатацию.

Общество представило в материалы дела копию журнала учета мероприятий по контролю, содержание которого указывает на проведение сетевой организацией и гарантирующим поставщиком периодических проверок (контрольных мероприятий) и отсутствие замечаний по результатам проверок, о чем в журнале имеются подписи проверяющих и работника истца.

Проведение сетевой организацией и/или гарантирующим поставщиком проверок, процедура и периодичность этих проверок, а также обязательность составления акта и его содержание императивно регламентированы нормами Основных положений № 442. В соответствии с п. 176 этого документа при проведении проверок независимо от установленных результатов проверяющие обязаны составить акт, в котором в том числе указываются характеристики и место установки контрольных пломб и знаков визуального контроля, установленных на момент начала проверки, а также вновь установленных (если они менялись в ходе проверки). Эти акты должны быть подписаны потребителем. Между тем суды первой и апелляционной инстанций оценку сведениям в журнале не дали и не предложили компании и сетевой организации представить соответствующие акты проверок либо дать пояснения по доказательству истца.

Ссылка ответчика и третьего лица на то, что общество обязано при вводе приборов учета в эксплуатацию проверить наличие требуемых законодательством пломб и ввиду их отсутствия обратиться к компании или сетевой организации, вопреки выводу суда первой инстанции, является несостоятельной. Истец вправе полагаться на то, что действия по опломбированию элементов учета, производимые профессиональными участниками розничного рынка электрической энергии, соответствуют требованиям законодательства.

Определение № 305-ЭС18-26293

39. Совокупный период безучетного потребления электрической энергии определятся с даты предыдущей проверки (если она была проведена и соответствующая дата не выходит за пределы 12 месяцев) или с даты, не позднее которой проверка приборов учета должна была быть проведена (если она не проведена и/или дата проверки выходит за пределы 12 месяцев) до даты выявления факта и составления акта о неучтенном потреблении.

При обследовании сетевой компанией 19 августа 2017 г. технического состояния энергопринимающих устройств в присутствии представителя потребителя электрической энергии произведен визуальный осмотр прибора учета, в результате которого выявлено отсутствие пломб на клеммниках счетчика. Сетевая компания известила потребителя о проведении 25 августа 2017 г. внеплановой проверки прибора учета. В присутствии уполномоченного представителя потребителя 25 августа 2017 г. сетевая компания составила акт неучтенного потребления электрической энергии (мощности), согласно которому потребитель допустил нарушение потребления электрической энергии, выразившееся в отсутствии пломб сетевой организации (указано: «срыв пломб на клеммнике счетчика»).

По выявленному факту на основании составленного акта о неучтенном потреблении гарантирующий поставщик предъявил потребителю счет за безучетное потребление электроэнергии за период с 26 августа 2016 г. по 25 августа 2017 г. Кроме того, гарантирующий поставщик предъявил потребителю к оплате потери электроэнергии в сетях за август 2017 г., а также стоимость фактического потребления электроэнергии за сентябрь 2017 г.

Неполная оплата выставленных счетов послужила основанием для обращения гарантирующего поставщика в арбитражный суд с иском к потребителю о взыскании задолженности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Установив дату предыдущей проверки, указанную в акте (14 марта 2016 г.), и принимая во внимание содержание пп. 172 и 195 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Основные положения № 442), суд пришел к выводу о неверном определении сетевой компанией периода безучетного потребления, отметив, что расчет необходимо производить с 14 марта 2017 г. (дата, не позднее которой сетевая компания должна была произвести следующую проверку) по 25 августа 2017 г. (дата выявления факта неучтенного потребления).

Постановлением арбитражного суда округа удовлетворена жалоба третьего лица (сетевой компании) об исключении из мотивировочной части судебных актов выводов о неправильном определении периода безучетного потребления электроэнергии. Суд округа посчитал, что указание на необходимость проведения проверки 14 марта 2017 г. (не раньше или не позже указанной даты) нарушает право сетевых организаций на проведение проверок расчетных приборов учета потребителей в любой день и месяц в течение года (не реже 1 раза в год). В данном случае, как указал суд округа, объем безучетного потребления электрической энергии подлежит определению за период с 26 августа 2016 г. по 25 августа 2017 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Обеспечение надлежащего технического состояния, безопасности эксплуатируемых энергетических сетей, исправности используемых приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии, а также соблюдение режима потребления энергии, по общему правилу, возложено на абонента/потребителя/собственника (ст. 539, 543 ГК РФ, п. 145 Основных положений № 442).

В силу положений ст. 541, 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами

или соглашением сторон. Иное предусмотрено, в частности, для случаев безучетного потребления электрической энергии, которое п. 2 Основных положений № 442 характеризуется как потребление электрической энергии с нарушением установленного договором энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности), договором оказания услуг по передаче электрической энергии) и данным документом порядка учета электрической энергии со стороны потребителя (покупателя), выразившимся во вмешательстве в работу прибора учета (системы учета), обязанности по обеспечению целостности и сохранности которого (которой) возложена на потребителя (покупателя), в том числе в нарушении (повреждении) пломб и (или) знаков визуального контроля, нанесенных на прибор учета (систему учета), в несоблюдении установленных договором сроков извещения об утрате (неисправности) прибора учета (системы учета), а также в совершении потребителем (покупателем) иных действий (бездействия), которые привели к искажению данных об объеме потребления электрической энергии (мощности).

Судами установлено нарушение пломбы на клеммнике счетчика. Неисполнение потребителем закрепленной законодателем обязанности по обеспечению сохранности пломб, средств визуального контроля, знаков поверки, нанесенных на средство измерения с целью защиты от несанкционированного доступа, если это не вызвано действием непреодолимой силы, лишает достоверности учет электроэнергии, осуществляемый соответствующим прибором учета. Следствием указанного нарушения является расчет объема ресурса исходя из максимально возможного его потребления абонентом, неправомерные действия (бездействие) которого были направлены на занижение объема полученной электрической энергии (абзацы первый и второй п. 195 Основных положений № 442).

Вместе с тем период, используемый в расчете стоимости безучетно потребленной электрической энергии (мощности) абзацем третьим п. 195 Основных положений № 442, ограничен и определяется с даты предыдущей контрольной проверки прибора учета (в случае если такая проверка не была проведена в запланированные сроки, то определяется с даты, не позднее которой она должна была быть проведена в соответствии с Основными положениями № 442) до даты выявления факта безучетного потребления электрической энергии (мощности) и составления акта о неучтенном потреблении электрической энергии.

Приведенные положения п. 195 Основных положений № 442, устанавливающие способ и порядок расчета платы за неучтенный ресурс, с одной стороны, направлены на стимулирование потребителей энергетических ресурсов к энергосбережению путем удержания от несанкционированного вмешательства в работу прибора учета и в случае причинения реального имущественного вреда поставщику ресурса (сетевой организации) служат допустимым механизмом его возмещения, а с другой – стимулируют сетевую организацию (гарантирующего поставщика) к своевременному и надлежащему исполнению вытекающих из требований законодательства обязанностей по

проведению проверок приборов учета потребителей, принятию мер к выявлению нарушений и уменьшению потерь.

Таким образом, указанное правовое регулирование в случаях безучетного потребления электрической энергии направлено на обеспечение баланса интересов потребителя и энергоснабжающей (ресурсоснабжающей) организации.

В соответствии с абзацем вторым п. 172 Основных положений № 442 проверки расчетных приборов учета должны проводиться не реже 1 раза в год. Императивно установленный максимальный срок для проведения следующей проверки, исходя из положений статей 190–192 ГК РФ, начинает течь со следующего дня после проведения предыдущей проверки и истекает в соответствующие число и месяц года, следующего за годом последней проверки.

Вопреки доводу третьего лица о том, что сетевые организации вправе проводить проверки в течение календарного года, следующего после года, в котором проверка проводилась, в пп. 172 и 195 Основных положений № 442 понятие «календарный год» не используется, но присутствует в тексте документа применительно к другим правам и обязанностям субъектов электроэнергетики. Буквальное содержание названных пунктов позволяет сделать вывод о том, что при установлении факта безучетного потребления совокупный период неучтенного потребления должен определяться с даты предыдущей проверки (если она была проведена и соответствующая дата не выходит за пределы 12 месяцев) или с даты, не позднее которой проверка приборов учета должна была быть проведена (если она не проведена и/или дата проверки выходит за пределы 12 месяцев), до даты выявления факта и составления акта о неучтенном потреблении.

Определение № 309-ЭС18-24456

Применение законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

40. Правообладатель исключительного права, не являющийся автором, имеет право требовать выплаты компенсации в соответствии со ст. 1301 ГК РФ в случае удаления информации об авторском праве.

Общество (приобретатель) и С. (правообладатель) заключили договор об отчуждении исключительного права на фотографическое произведение.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании компенсации за внесение изменений в фотографическое произведение и удаление информации о правообладателе и компенсации за использование ответчиком фотографического произведения.

Общество сослалось на то, что компания разместила на своем сайте фотографическое произведение, при этом удалив информацию о сайте и об электронной почте правообладателя.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично в отношении компенсации за использование ответчиком фотографического произведения, в остальной части иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, увеличен размер компенсации за использование ответчиком фотографического произведения, в остальной части иска отказано. Суд указал, что общество не является автором указанного произведения и в силу заключенного им договора с автором не является и лицом, наделенным правом на защиту авторских прав, в том числе права автора на имя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении исковых требований о взыскании компенсации за удаление информации о правообладателе и отправила в данной части дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 1300 ГК РФ информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Данные положения закреплены в норме п. 2 ст. 12 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 г., вступившего в силу для Российской Федерации 5 февраля 2009 г. (далее – Договор ВОИС), согласно которой «Информация об управлении правами» в смысле приведенной статьи означает информацию, которая идентифицирует произведение, автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение, или информацию об условиях использования произведения и любые цифры или коды, в которых представлена такая информация, когда любой из этих элементов информации приложен к экземпляру произведения или появляется в связи с сообщением произведения для всеобщего сведения.

Таким образом, к информации об авторском праве относится информация, идентифицирующая произведение, автора или иного правообладателя; об условиях использования произведения. При этом из определения информации об авторском праве следует, что закон не устанавливает никакого перечня обязательных сведений, которые должны содержаться в этой информации.

Подпункт 1 п. 2 ст. 1300 ГК РФ содержит запрет удаления или изменения информации об авторском праве без разрешения автора или иного правообладателя. В подп. 2 п. 2 данной статьи содержится запрет совершать определенные действия, перечень которых является исчерпывающим, с произведениями, в отношении которых без разрешения автора или иного правообладателя была удалена или изменена информация об авторском праве:

воспроизведение, распространение, импорт в целях распространения, публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения произведений.

Эти положения соответствуют норме п. 1 ст. 12 Договора ВОИС, согласно которой Договаривающиеся Стороны предусматривают соответствующие и эффективные средства правовой защиты в отношении любого лица, намеренно осуществляющего любое из следующих действий, зная или, в связи с применением гражданско-правовых средств защиты, имея достаточные основания знать, что такое действие будет побуждать, позволять, способствовать или скрывать нарушение любого права, предусмотренного Договором ВОИС или Бернской конвенцией:

i) устранение или изменение любой электронной информации об управлении правами без разрешения;

ii) распространение, импорт с целью распространения, передачу в эфир или сообщение для всеобщего сведения без разрешения произведений или экземпляров произведений, зная, что в них без разрешения была устранена или изменена электронная информация об управлении правами.

Таким образом, в п. 2 ст. 1300 ГК РФ перечислены действия, за которые лицо, их осуществившее и нарушившее установленные запреты (нарушитель), несет ответственность, предусмотренную п. 3 данной статьи. К таким действиям отнесено удаление или изменение информации, а также использование произведения, в отношении которого была удалена или изменена информация об авторском праве, то есть самостоятельные случаи нарушения прав правообладателя, за каждый из которых может быть взыскана компенсация.

Требования истца основаны на подп. 1 п. 2 ст. 1300 ГК РФ и подп. 2 п. 2 данной статьи. Пункт 3 ст. 1300 ГК РФ определяет последствия нарушения положений, предусмотренных п. 2 данной статьи: в этом случае автору или иному правообладателю предоставляется право требовать по своему выбору от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации в соответствии со ст. 1301 данного кодекса.

Поскольку нарушение запретов, изложенных в ст. 1300 ГК РФ, является самостоятельным основанием для взыскания компенсации, возможность требования выплаты компенсации при нарушении правил авторского законодательства об информации имеется и у правообладателя, общество, как обладатель исключительного права на спорное произведение, имеет право на предъявление такого требования к лицу, нарушившему установленные запреты на удаление или изменение информации, идентифицирующей произведение или правообладателя.

Для признания факта нарушения, предусмотренного подп. 1 п. 2 ст. 1300 ГК РФ, требуется установление факта совершения именно ответчиком действий по удалению информации об авторском праве без разрешения правообладателя. Между тем суд апелляционной инстанции, поддержав вывод суда первой инстанции о недоказанности истцом принятия ответчиком мер по внесению

изменений в фотографическое произведение и удалению информации о правообладателе, не исследовал и не оценил доводы общества об отсутствии достоверных доказательств, подтверждающих копирование спорного произведения с другого сайта.

Определение № 309-ЭС18-25988

Практика применения законодательства о защите конкуренции

41. Отсутствие в государственном контракте условия об уменьшении суммы контракта на размер НДС для участника закупки, применяющего упрощенную систему налогообложения, не является нарушением Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд».

Общество обратилось в антимонопольный орган с жалобой на действия предприятия при определении поставщика путем проведения электронного аукциона на закупку мебели на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок. По мнению общества, документация об аукционе не соответствует требованиям Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ).

Решением антимонопольного органа жалоба общества признана частично обоснованной, в действиях предприятия установлены нарушения ч. 1 ст. 34 и п. 2 ч. 1 ст. 64 Федерального закона № 44-ФЗ.

Основанием для признания предприятия нарушившим ч. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ послужил вывод антимонопольного органа о незаконности включения предприятием в структуру цены НДС для участника закупки, применяющего упрощенную систему налогообложения.

По мнению антимонопольного органа, предприятие должно было установить в контракте обязательное условие об уменьшении суммы, подлежащей уплате участником, использующим упрощенную систему налогообложения, на размер налоговых платежей, связанных с оплатой контракта.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты по эпизоду, связанному с установлением в действиях предприятия нарушений ч. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, и

удовлетворила требования предприятия в указанной части, обратив внимание на следующее.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ (в редакции, действующей в период проведения торгов) контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт, за исключением случаев, в которых в соответствии с названным федеральным законом извещение об осуществлении закупки или приглашение принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документация о закупке, заявка, окончательное предложение не предусмотрены.

При заключении контракта указывается, что цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта, а в случаях, установленных Правительством Российской Федерации, указываются ориентировочное значение цены контракта либо формула цены и максимальное значение цены контракта, установленные заказчиком в документации о закупке. При заключении и исполнении контракта изменение его условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ст. 34 и 95 Федерального закона № 44-ФЗ (ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ).

С учетом приведенных положений любой участник закупки, в том числе тот, который освобожден от уплаты НДС и применяет упрощенную систему налогообложения, вправе участвовать в закупке для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Контракт по итогам аукциона заключается и оплачивается заказчиком по цене, предложенной участником закупки, с которым заключается контракт, вне зависимости от применяемой данным участником системы налогообложения. Корректировка заказчиком цены контракта, предложенной юридическим лицом, применяющим упрощенную систему налогообложения, при проведении аукциона, а также при заключении государственного или муниципального контракта с таким участником размещения заказа не допускается, и поставленные товары (выполненные работы, оказанные услуги) оплачиваются по цене, указанной в контракте.

В связи с этим указание предприятием в проекте контракта цены, включающей НДС, не противоречит законодательству о контрактной системе и законодательству о налогах и сборах (в том числе положениям ст. 346¹¹ НК РФ, предусматривающей освобождение лиц, применяющих специальный налоговый режим в виде упрощенной системы налогообложения, от уплаты НДС) и Федеральному закону № 44-ФЗ.

Вопреки выводам судов иной вывод не следует из положений ч. 13 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ в редакции Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», поскольку данная норма регулирует

не вопрос об изменении цены контракта в зависимости от применяемой исполнителем (поставщиком) системы налогообложения, а определяет порядок осуществления расчетов в тех случаях, когда в силу установленных законодательством о налогах и сборах особенностей исполнения обязанности по уплате налогов заказчик (покупатель) должен произвести уплату налога за исполнителя (поставщика) за счет выплачиваемых ему сумм.

К тому же редакция данной нормы, действовавшая на момент проведения закупки, предусматривала включение в контракт условия об уменьшении подлежащей уплате суммы на размер налоговых платежей, связанных с оплатой контракта, только в отношении физических лиц. Новая редакция ч. 13 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ не распространяет свое действие на ранее возникшие правоотношения, следовательно, в рассматриваемом случае применению не подлежала (ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 44-ФЗ, п. 1 ст. 4 и п. 2 ст. 422 ГК РФ).

Указание предприятием в проекте контракта цены, включающей НДС, также не свидетельствует о нарушении прав участника закупки, поскольку не возлагает на участника закупки, применяющего упрощенную систему налогообложения, безусловной обязанности по исчислению и уплате НДС. В силу п. 5 ст. 173 НК РФ и правовой позиции, выраженной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 17-П, такого рода обязанность может возникнуть лишь при выставлении налогоплательщиком по своей инициативе счета-фактуры с выделенной в нем суммой налога.

Определение № 305-ЭС19-391

Практика применения законодательства о налогах и сборах

42. В случае утраты налогоплательщиком права на применение упрощенной системы налогообложения в период выполнения работ по государственному контракту, цена которого определена без учета НДС, сумма НДС должна начисляться в пределах установленной государственным контрактом твердой цены по расчетной ставке 18/118.

Общество, применяющее упрощенную систему налогообложения, заключило с государственным заказчиком контракт на выполнение строительно-монтажных работ. По условиям контракта стоимость работ была установлена без учета НДС.

Начиная с 4-го квартала 2014 г. общество утратило право на применение указанного специального налогового режима, в связи с чем налоговый орган принял решение о доначислении НДС, налога на прибыль, налога на имущество организаций, а также соответствующих сумм пеней и штрафов.

Основанием доначисления НДС, сумм пеней и штрафов послужил вывод налогового органа об обязанности общества начислить данный налог при реализации работ по государственному контракту начиная с 4-го квартала

2014 г. При этом, по мнению налогового органа, налог подлежал начислению в дополнение к цене работ, установленной контрактом, с применением ставки 18%.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены частично, размеры начисленных штрафов снижены. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Суды трех инстанций, признавая законным доначисление налоговым органом оспариваемых сумм и отказывая в удовлетворении требований общества, исходили из того, что согласно п. 1 ст. 154, п. 1 ст. 168 НК РФ налоговая база определяется как стоимость товаров, и исчисленный от нее налог предъявляется к оплате покупателю в дополнение к цене товаров (работ, услуг). При этом п. 4 ст. 164 НК РФ установлен закрытый перечень ситуаций, когда при исчислении НДС применяется расчетная ставка 18/118, и данная норма не предусматривает применение расчетной ставки в сложившейся ситуации.

Поскольку контракт не содержит условия о включении НДС в установленную в нем цену, с учетом приведенных положений НК РФ суды пришли к выводу о правильности расчета налоговым органом недоимки с применением ставки 18 % в дополнение к контрактной цене.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Судебная практика, последовательно формируемая Верховным Судом Российской Федерации, исходит из того, что положения НК РФ, устанавливающие правила взимания отдельных налогов, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами законодательства о налогах и сборах, закрепленными в ст. 3 НК РФ.

В частности, на основании п. 3 ст. 3 НК РФ (принцип экономической обоснованности налогов) при разрешении споров, связанных с взиманием НДС, необходимо принимать во внимание, что по своей экономико-правовой природе НДС является налогом на потребление товаров (работ, услуг), то есть косвенным налогом, перелагаемым на потребителей.

В силу положений п. 2 ст. 153 и подп. 2 п. 1 ст. 162 НК РФ при совершении налогооблагаемых операций сумма НДС определяется исходя из всех поступлений налогоплательщику, связанных с расчетами по оплате реализованных товаров (работ, услуг). При этом на основании п. 1 ст. 168 НК РФ сумма НДС, исчисленная по соответствующим операциям реализации товаров (работ, услуг), предъявляется продавцом к оплате покупателю.

Таким образом, по общему правилу, НДС является частью цены договора, подлежащей уплате налогоплательщику со стороны покупателя. Уплачиваемое (подлежащее уплате) покупателем встречное предоставление за реализованные

им товары (работы, услуги) является экономическим источником для взимания данного налога. Из этого вытекает, что при реализации товаров (работ, услуг) покупателю НДС не может исчисляться в сумме, которая не соответствовала бы реально сформированной цене и не могла быть полностью предъявлена к оплате покупателем в ее составе, что, по существу, означало бы взимание налога без переложения на потребителя за счет иного экономического источника – собственного имущества хозяйствующего субъекта (продавца).

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в п. 17 постановления от 30 мая 2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» разъяснил, что по смыслу п. 1 ст. 168 НК РФ бремя надлежащего учета сумм НДС при определении окончательного размера указанной в договоре цены, ее выделения в расчетных и первичных учетных документах, счетах-фактурах отдельной строкой лежит только на одной из сторон сделки – на продавце как налогоплательщике.

Поэтому возможность увеличения цены сделки и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора в настоящее время допускается судебной практикой в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора в соответствии со ст. 421 ГК РФ либо предусмотрена нормативными правовыми актами.

С учетом изложенного юридически значимым обстоятельством, имеющим существенное значение для правильного разрешения настоящего спора, являлось выяснение судами вопроса о том, допускается условиями договора и нормативными правовыми актами, применимыми к отношениям сторон договора, увеличение цены в случае изменения условий налогообложения либо налогообложение должно осуществляться в рамках фактически сформированных цен.

Цена государственного контракта согласно положениям ч. 4¹ ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», действующего в спорный период, является твердой и не может изменяться в ходе его исполнения. Такой же подход к регулированию вопроса об установлении цены по государственным (муниципальным) контрактам в настоящее время закреплён в ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ.

В свою очередь, отсутствие в сметной документации упоминания об НДС и тот факт, что суммы налога не указывались в актах о приемке выполненных в 4-ом квартале 2014 г. работ и справках о стоимости этих работ, являются лишь следствием того, что при заключении государственного контракта общество не рассматривало себя в качестве плательщика НДС и основания формирования договорной цены с учетом налога отсутствовали, а не свидетельством согласия сторон договора на возможность увеличения договорной цены в случае возникновения необходимости предъявления налога.

Следовательно, в сложившейся ситуации утрата обществом права на применение упрощенной системы налогообложения в период выполнения работ по государственному контракту могла служить основанием не для увеличения договорной цены в результате налогообложения, а для того, чтобы определить его права и обязанности как плательщика НДС способом, согласующимся с действительно сложившимися экономическими условиями деятельности налогоплательщика – в рамках установленной государственным контрактом твердой цены, что возможно путем применения расчетной налоговой ставки 18/118.

Вопреки выводам судов такой подход к определению суммы налога не противоречит п. 1 ст. 154 НК РФ. Напротив, он позволяет гарантировать соблюдение требований данной нормы, установив стоимость работ (без включения в нее суммы налога) и добавляемую к этой стоимости сумму налога, которые в совокупности будут соответствовать реально сформированной договорной цене. Подход налогового органа, поддержанный судами, напротив, приводит к начислению налога без возможности его предъявления к оплате покупателю, что не согласуется с природой НДС и противоречит п. 1 ст. 168 НК РФ.

Определение № 302-КГ18-22744

43. Затраты на производство рекламных материалов для размещения на наземных транспортных средствах не нормируются и подлежат учету в полном объеме в составе расходов по налогу на прибыль.

По результатам налоговой проверки налоговый орган вынес решение об отказе в привлечении общества к ответственности, которым обществу доначислена недоимка по налогу на прибыль.

Вышестоящая налоговая инспекция отменила в части указанное решение и возложила на налоговый орган обязанность произвести перерасчет суммы доначисленного налога.

Во исполнение решения вышестоящей налоговой инспекции налоговый орган направил обществу требование об уплате налога, сбора, пени, штрафа, процентов, в соответствии с которым обществу предложено уплатить задолженность по налогу на прибыль.

Основанием доначисления налога на прибыль послужил вывод налогового органа о нарушении обществом положений п. 4 ст. 264 НК РФ, что выразилось во включении в налоговую базу расходов на рекламу, превысивших установленный данной нормой предельный уровень (норматив), составляющий один процент от выручки. Налоговый орган произвел перерасчет размера недоимки, посчитав, что оставшиеся расходы (затраты на производство рекламных материалов для размещения на наземных транспортных средствах) подлежат нормированию для целей налогообложения, в связи с чем направило обществу указанное требование.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать принятое налоговой инспекцией решение и требование налогового органа незаконными.

Решением суда первой инстанции требование налогового органа признано незаконным, в удовлетворении остальной части требований отказано. При этом суд исходил из того, что обществом не допущено превышение лимита, предусмотренного п. 4 ст. 264 НК РФ, в части расходов на размещение рекламы на транспорте, в связи с чем данные затраты подлежали учету в полном объеме в составе расходов. С учетом этого суд пришел к выводу о том, что налоговый орган не исполнил должным образом обязанность по перерасчету размера недоимки, возложенную на него вышестоящей налоговой инспекцией, и признал оспариваемое требование налогового органа недействительным, как направленное в отсутствие законных оснований.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, решение суда первой инстанции отменено частично, в удовлетворении требования о признании незаконным требования налогового органа отказано.

Суды отметили, что в гл. 2 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Федеральный закон № 38-ФЗ) перечислены отдельные способы распространения рекламы и среди прочих указана наружная реклама (ст. 19) и реклама на транспортных средствах (ст. 20). Следовательно, законодатель различает наружную рекламу и рекламу на транспортных средствах. С точки зрения судов наружная реклама размещается на рекламных конструкциях стабильного территориального размещения. Транспортные средства (троллейбусы), на которых была размещена реклама общества, нельзя отнести к рекламным конструкциям стабильного территориального размещения, следовательно, затраты на эту рекламу не подпадают под положения абзаца третьего п. 4 ст. 264 НК РФ и в силу абзаца пятого данной нормы могут учитываться при налогообложении только в пределах установленного норматива.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления апелляционного суда и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, обратив внимание на следующее.

Согласно п. 1 ст. 247 НК РФ для российских организаций объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается полученная ими прибыль, определяемая как доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов.

Исходя из п. 1 ст. 252 НК РФ, налогоплательщик уменьшает полученные доходы на сумму произведенных расходов – обоснованных и документально подтвержденных затрат. Под обоснованными расходами при этом понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме, при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

В соответствии с данными положениями налогообложению подлежит полученный налогоплательщиком положительный финансовый результат его деятельности. Это означает, что, по общему правилу, затраты налогоплательщика учитываются при исчислении налога в том размере, в котором они фактически понесены.

В то же время в отношении расходов на рекламу в п. 4 ст. 264 НК РФ установлен особый порядок их признания в целях налогообложения, предполагающих, что в размере фактически понесенных затрат учитываются расходы на виды рекламы, указанные в абзацах втором – четвертом п. 4 ст. 264 НК РФ, в то время как затраты на приобретение (изготовление) призов, вручаемых победителям розыгрышей таких призов во время проведения массовых рекламных кампаний, а также расходы на иные виды рекламы нормируются – признаются для целей налогообложения в размере, не превышающем одного процента выручки от реализации.

Согласно абзацу третьему п. 4 ст. 264 НК РФ к ненормируемым расходам, в частности, относятся расходы на световую и иную наружную рекламу, включая изготовление рекламных стендов и рекламных щитов.

В гл. 25 НК РФ отсутствуют положения, которые бы позволили сделать вывод о том, что воля законодателя направлена на ограничение возможности признания для целей налогообложения расходов на распространение рекламных материалов только в связи с тем, что местом их размещения выступают не стационарные объекты, например остановочные павильоны наземного общественного транспорта, а транспортные средства (трамваи, троллейбусы, автобусы и т.п.). Такого рода дифференциация возможности вычета затрат не имеет под собой разумного экономического основания и, соответственно, приводит к неравному налогообложению хозяйствующих субъектов.

Ссылаясь в обоснование противоположного вывода на положения Федерального закона № 38-ФЗ, суды не приняли во внимание, что он не содержит определения понятия «наружная реклама», которое могло бы использоваться при налогообложении на основании п. 1 ст. 11 НК РФ.

В ст. 19 и 20 Федерального закона № 38-ФЗ установлены лишь отдельные особенности распространения рекламы. При этом, учитывая, что Федеральный закон № 38-ФЗ не относится к актам законодательства о налогах и сборах и имеет иные цели правового регулирования, установленные в нем различия в составе ограничений, действующих при распространении рекламы с использованием стационарных рекламных конструкций и с использованием транспортных средств, не должны рассматриваться как имеющие значение для налогообложения прибыли при отсутствии на то прямого волеизъявления законодателя.

Спорные расходы общества представляют собой затраты на оплату изготовления (нанесения) рекламных баннеров продукции на наземном общественном транспорте. Изготовленные по заказу общества баннеры были приняты налогоплательщиком к учету в качестве малоценных предметов и

могли быть использованы для размещения на любой иной открытой поверхности, что налоговым органом, по существу, не оспаривалось.

Следовательно, суд первой инстанции пришел к правильному, по существу, выводу об отсутствии у налогового органа законных оснований для направления обществу требования об уплате недоимки.

Определение № 305-ЭС19-4394

44. Положения ст. 275¹ НК РФ не распространяются на самостоятельные структурные подразделения налогоплательщика, функционирующие в целях удовлетворения потребностей самого налогоплательщика как хозяйствующего субъекта.

На балансе общества находится паросиловый цех, являющийся самостоятельным структурным подразделением общества и осуществляющий обеспечение других цехов и подразделений общества горячим и холодным водоснабжением, паром по заявкам и по потребностям, в зимнее время поддержание в бытовых и производственных помещениях цехов и отделов климатических условий, достаточных для нормальной производительности общества.

В проверяемом периоде часть выработанных цехом тепловой энергии и горячей воды общество реализовало сторонним лицам, а затраты на выработку тепла на основании подп. 5 п. 1 ст. 254 НК РФ отнесло к материальным расходам и учло их в составе косвенных расходов.

По результатам проверки налоговый орган доначислил обществу недоимку по налогу на прибыль организаций и пени, а также штраф за неуплату налога, поскольку посчитал, что паросиловый цех относится к объектам обслуживающих производств, в связи с чем налоговая база по налогу на прибыль по деятельности общества, связанной с использованием цеха для реализации тепловой энергии третьим лицам, подлежит определению с учетом положений ст. 275¹ НК РФ.

Установив, что расходы общества на содержание данного цеха выше обычных расходов на обслуживание аналогичных объектов организаций, для которых деятельность по производству тепловой энергии является основной, и налогоплательщиком не представлены документы, подтверждающие соблюдение им условий, установленных ст. 275¹ НК РФ, налоговый орган по результатам проверки пришел к выводу о неправомерном отнесении к расходам, уменьшающим налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, убытка, полученного от деятельности цеха, в части операций по реализации тепловой энергии сторонним организациям. При этом расходы, понесенные при выработке энергии для собственных нужд общества, признаны налоговым органом обоснованными в целях исчисления налога на прибыль.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Статьей 275¹ НК РФ установлены специальные правила определения налоговой базы по налогу на прибыль организаций при ведении налогоплательщиком деятельности через подразделения, представляющие собой обслуживающие производства и хозяйства.

К обслуживающим производствам и хозяйствам согласно данной норме относятся подсобное хозяйство, объекты жилищно-коммунального хозяйства, социально-культурной сферы, учебно-курсовые комбинаты и иные аналогичные хозяйства, производства и службы, осуществляющие реализацию товаров, работ, услуг как своим работникам, так и сторонним лицам.

В свою очередь, к объектам жилищно-коммунального хозяйства относятся жилой фонд, гостиницы (за исключением туристических), дома и общежития для приезжих, объекты внешнего благоустройства, искусственные сооружения, бассейны, сооружения и оборудование пляжей, а также объекты газо-, тепло- и электроснабжения населения, участки, цехи, базы, мастерские, гаражи, специальные машины и механизмы, складские помещения, предназначенные для технического обслуживания и ремонта объектов жилищно-коммунального хозяйства социально-культурной сферы, физкультуры и спорта.

В том случае, когда деятельность налогоплательщика квалифицируется как осуществляемая через объекты обслуживающих производств и хозяйств и финансовый результат этой деятельности является отрицательным (расходы превысили доходы или доходы отсутствуют), в силу ст. 275¹ НК РФ полученный убыток может быть признан для целей налогообложения при соблюдении ряда условий, связанных с обеспечением соответствия стоимости реализуемых через данные объекты товаров (работ, услуг) и понесенных на содержание таких объектов затрат обычному уровню, характерному для специализированных организаций, для которых эта деятельность, осуществляемая в сопоставимых условиях, является основной.

Таким образом, в ст. 275¹ НК РФ установлена совокупность условий, при выполнении которых отрицательный финансовый результат деятельности, осуществляемой через объекты обслуживающих производств и хозяйств, может быть учтен для целей налогообложения несмотря на то, что понесенные на содержание этих объектов расходы, как правило, не отвечают в полной мере критериям экономической оправданности.

Следовательно, основополагающим критерием для отнесения деятельности налогоплательщика к деятельности, осуществляемой через

объекты обслуживающих производств и хозяйств, является направленность понесенных в рамках этой деятельности затрат на удовлетворение социальных, бытовых и культурных нужд граждан (работников и жителей соответствующих населенных пунктов) за счет выделенного налогоплательщиком на эти цели финансирования.

Соответственно, положения ст. 275¹ НК РФ не могут распространяться на подразделения, функционирующие в целях удовлетворения потребностей самого налогоплательщика как хозяйствующего субъекта – для обеспечения производственного процесса, в том числе для исполнения возложенных на налогоплательщика обязанностей при ведении им предпринимательской деятельности.

Как отмечало общество, реализация части тепловой энергии, произведенной паросиловым цехом, третьим лицам по присоединенной сети занимает незначительные объемы (не более 12 процентов), носит для него обязательный в силу закона характер и производится по тарифам, установленным в рамках государственного регулирования в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 190 «О теплоснабжении», не покрывающим в полном объеме затраты на содержание цеха.

Суды не дали оценки данным доводам общества, ограничившись констатацией того, что объекты теплоснабжения упомянуты в ст. 275¹ НК РФ в качестве объектов обслуживающих производств и хозяйств и конечными потребителями части реализованной обществом тепловой энергии оказываются физические лица – жители домов.

Однако такой подход основан на толковании данной нормы без учета взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 252 НК РФ и приводит к тому, что налогоплательщик не вправе учесть для целей налогообложения экономически обоснованные расходы, понесенные в рамках деятельности, направленной на получение дохода, только по той причине, что его предпринимательская деятельность осуществляется с использованием объектов теплоснабжения, имеющих присоединенные сети.

Определение № 301-ЭС19-756

Практика применения таможенного законодательства

45. При обращении в суд с имущественным требованием о возврате таможенных платежей, поступивших в бюджет в связи с незаконными действиями (решениями) таможенного органа, соблюдение административной процедуры возврата, установленной ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», не является обязательным.

Общество заявило к таможенному оформлению на таможне товары и комплектующие к ним. При таможенном оформлении товара его таможенная

стоимость определена обществом на основании метода по стоимости сделки с ввозимыми товарами (первый метод).

В ходе таможенного контроля, начатого до выпуска товаров, таможенный орган пришел к выводу о необоснованности применения обществом первого метода определения таможенной стоимости, в связи с чем вынес решение о корректировке таможенной стоимости по каждой из представленных деклараций.

После выпуска товаров общество обратилось в таможенный орган с заявлением о возврате излишне уплаченных (взысканных) сумм таможенных платежей, указав в качестве основания для возврата необоснованность произведенной таможенным органом корректировки таможенной стоимости товаров. Однако таможенный орган возвратил обществу документы, сославшись на отсутствие доказательств, подтверждающих факт излишней уплаты или излишнего взыскания таможенных пошлин, налогов.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу об отсутствии оснований для вывода о незаконности отказа таможенного органа в возврате таможенных платежей, а также для возложения на таможенный орган обязанности по их возврату, поскольку в комплекте документов, представленных обществом вместе с заявлением о возврате платежей, отсутствовали документы, подтверждающие факт излишней уплаты (взыскания) таможенных пошлин, налогов, а именно отсутствовала оформленная корректировка декларации на товары.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Правовое регулирование таможенных отношений осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, международными договорами, входящими согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в ее правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном деле.

В силу ч. 1 ст. 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности в Российской Федерации охраняется законом.

Как неоднократно указывалось в актах Конституционного Суда Российской Федерации, в случае допущения налогоплательщиком переплаты некоей суммы налога на данную сумму распространяются все конституционные гарантии права собственности, поскольку ее уплата в таком случае произведена при отсутствии законного на то основания (определения от 8 февраля 2007 г. № 381-О-П, от 21 декабря 2011 г. № 1665-О-О, от 24 сентября 2013 г. № 1277-О, от 25 мая 2017 г. № 959-О).

Таким образом, плательщик таможенных платежей вправе требовать возврата сумм таможенных пошлин, налогов, поступивших в бюджет неосновательно (в излишнем размере) в связи с незаконными действиями и решениями таможенных органов.

Защита нарушенного права по усмотрению обратившегося в суд лица может осуществляться как посредством оспаривания ненормативных правовых актов, действий (бездействия) таможенного органа, так и посредством обращения в суд с соответствующим имущественным требованием.

Судебная практика исходит из того, что имущественные требования о возврате излишне поступивших в бюджет таможенных платежей, заявленные в пределах трехлетнего срока давности, исчисляемого с момента, когда декларант узнал или должен был узнать о нарушении своих прав, подлежат рассмотрению по общим правилам искового производства, с особенностями, установленными гл. 22 АПК РФ, что в соответствии с ч. 3 ст. 189 АПК РФ возлагает на таможенный орган обязанность подтвердить законность правовых актов, в связи с принятием которых произведено перечисление таможенных платежей.

При этом обращение в суд с имущественным требованием о возврате таможенных платежей, поступивших в бюджет в связи с незаконными действиями (решениями) таможенного органа, не предполагает необходимости соблюдения административной процедуры возврата, установленной ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

Наличие у плательщика публично-правовых платежей права на защиту права собственности посредством предъявления в пределах трехлетнего срока давности имущественных требований также неоднократно подтверждалось Конституционным Судом Российской Федерации (постановление от 24 марта 2017 г. № 9-П, определения от 21 июня 2001 г. № 173-О и от 3 июля 2008 г. № 630-О-П).

В рассматриваемом случае общество при обращении в суд заявило отдельное требование о возврате излишне поступивших в бюджет таможенных платежей, обосновывая это требование тем, что корректировка таможенной стоимости произведена незаконно.

Принимая во внимание изложенное, судам следовало разрешить спор по существу, дав оценку законности решений о корректировке таможенной стоимости, и решить вопрос о наличии оснований для их возврата с учетом соблюдения срока обращения в суд и текущего состояния расчетов по таможенным платежам. Однако требование о возврате излишне взысканных таможенных платежей судами по существу не рассмотрено.

Определение № 305-ЭС19-344

***Практика применения административного законодательства и
положений Кодекса Российской Федерации об административных
правонарушениях***

46. Выдача предписания вне процедуры проведения проверки по правилам Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» сама по себе не влечет признания его недействительным, если основания для принятия соответствующих мер выявлены в рамках административного расследования.

В рамках производства по делу об административном правонарушении в отношении общества административным органом было назначено проведение административного расследования, в ходе которого выявлены многочисленные факты нарушения санитарно-эпидемиологических (гигиенических) требований к устройству, оборудованию, содержанию и режиму работы прачечной. Обществу выдано предписание об устранении выявленных нарушений.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предписания административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования общества удовлетворены.

Суды трех инстанций, признавая незаконным данное предписание и удовлетворяя требования общества, исходили из того, что в силу п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Федеральный закон № 294-ФЗ) предписания об устранении выявленных нарушений могут выдаваться контролирующими органами только по результатам проведения проверок, регламентированных данным законом. В свою очередь, КоАП РФ не предусматривает возможность выдачи предписаний об устранении выявленных нарушений по результатам административного расследования.

На этом основании суды заключили, что выдача оспариваемого предписания по результатам административного расследования вне процедуры проведения проверки, проведенной по правилам Федерального закона № 294-ФЗ, является грубым нарушением законодательства и влечет признание оспариваемого ненормативного правового акта недействительным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

С учетом положений ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 15, ст. 18, ч. 1 и ч. 2 ст. 45 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, при рассмотрении в порядке,

определенном гл. 24 АПК РФ, дел об оспаривании ненормативных правовых актов арбитражный суд согласно ч. 4 ст. 200 АПК РФ осуществляет проверку оспариваемого акта по ряду оснований, не только устанавливая соответствие его содержания применимым нормам материального права, но и проверяя, действовал ли принявший оспариваемый акт орган в пределах своих полномочий (в надлежащей административной процедуре), было ли при этом обеспечено право заявителя на защиту.

Несоблюдение установленной процедуры принятия ненормативного правового акта, в том числе обусловленное тем, что на стадии его вынесения обратившееся в суд лицо было лишено возможности реализовать свои права, связанные с участием в этой процедуре, может являться основанием для признания рассматриваемого акта недействительным, если допущенные нарушения являлись существенными – привели или могли привести к неправильному решению спорного вопроса. Отдельные нарушения порядка принятия ненормативного правового акта могут быть прямо обозначены законодателем как существенные (грубые), то есть безусловно влекущие его недействительность.

На основании п. 4 ст. 44 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ) федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор включает в себя выдачу предписаний об устранении выявленных нарушений требований санитарного законодательства, технических регламентов и привлечение к ответственности лиц, совершивших такие нарушения.

Как указано в п. 2 ст. 50 Федерального закона № 52-ФЗ, при выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки.

Анализ названных законоположений свидетельствует о том, что применение такой меры, как выдача предписания об устранении выявленных нарушений требований санитарного законодательства, связано с реализацией публично-значимой цели охраны здоровья населения и среды обитания, и обусловлено выявлением фактов соответствующих нарушений хозяйствующими субъектами.

Наличие выявленных административным органом нарушений гигиенических требований при организации работы прачечной обществом, по существу, не оспаривалось, равно как не оспаривался заявителем и тот факт, что допущенные им нарушения могут повлечь наступление неблагоприятных последствий для здоровья людей, потребляющих услуги прачечной, – персонала и граждан, находящихся на лечении в медицинском учреждении.

Позиция общества сводилась к необходимости его освобождения от обязанности по устранению имеющихся нарушений только по той причине, что оспариваемое предписание вынесено на основании документов, собранных контролирующим органом в рамках административного расследования по делу об административном правонарушении, без проведения отдельной проверки в соответствии с Федеральным законом № 294-ФЗ.

Вместе с тем, соглашаясь с данным доводом общества, суды не приняли во внимание, что ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 294-ФЗ установлено исключение из общего правила о вынесении предписаний по результатам проверок для тех случаев, когда факты допущенных нарушений достоверно установлены в рамках иной законной процедуры – при производстве по делу об административном правонарушении.

Статья 50 Федерального закона № 52-ФЗ, наделяя контролирующие органы полномочием по вынесению предписаний об устранении нарушений санитарного законодательства, также не содержит положений, исключающих возможность вынесения предписаний, если основания для принятия соответствующих мер выявлены в рамках административного расследования.

Иное означало бы, что контролирующий орган должен назначить и провести отдельную проверку деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя для подтверждения фактов, которые уже выявлены и нашли документальное подтверждение в рамках иной законной процедуры, не имея возможности принять установленные законом меры к устранению выявленных нарушений посредством вынесения предписания. Однако такой подход не отвечает цели принятия Федерального закона № 294-ФЗ, состоящей в защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, а не в освобождении хозяйствующих субъектов от устранения действительно допущенных ими нарушений, в особенности затрагивающих здоровье населения и благополучие среды обитания.

При этом судами не установлены обстоятельства, которые бы указывали на то, что административный орган не обеспечил реализацию права общества на защиту в рамках производства по делу об административном правонарушении, равно как и признаки уклонения контрольно-надзорного органа от проведения проверки путем назначения административного расследования. Ссылаясь на необходимость проведения отдельной проверки, общество не приводило доводы о невозможности до получения предписания уяснить существо нарушений и подтверждающих их доказательств, о наличии у него объяснений по сути выявленных нарушений, которые могли быть даны при наличии такой возможности.

Следовательно, оспариваемое предписание вынесено в пределах полномочий, установленных ст. 50 Федерального закона № 52-ФЗ и ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 294-ФЗ, при его принятии не было нарушено право

общества на защиту и, соответственно, оснований для удовлетворения заявленных требований у судов не имелось.

Определение № 307-КГ18-22209

47. Непредставление информации и документов по запросу антимонопольного органа, административная ответственность за которое предусмотрена ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, не может быть признано малозначительным правонарушением.

Постановлением антимонопольного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, за непредставление обществом информации и документов по запросу антимонопольного органа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования общества удовлетворены в связи с малозначительностью административного правонарушения. При этом суды сослались на недоказанность наличия существенной угрозы охраняемым общественным отношениям и каких-либо неблагоприятных последствий в результате противоправного деяния общества, а также на отсутствие отягчающих ответственность обстоятельств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

В соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» разъяснил, что малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. При этом квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу ч. 2 и ч. 3

ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания (п. 18, п. 18.1 постановления).

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

Учитывая изложенное, применяя положения ст. 2.9 КоАП РФ, суды неправомерно исходили из отсутствия отягчающих ответственность обстоятельств, поскольку отсутствие таковых обстоятельств не свидетельствует о малозначительности совершенного деяния, а лишь учитывается при назначении административного наказания. Установив отсутствие отягчающих ответственность обстоятельств, суды имели возможность уменьшить размер назначенного обществу административного штрафа.

Более того, суды не учли, что неисполнение законного требования антимонопольного органа посягает на установленный законом порядок управления и влечет наступление общественно опасных последствий, обусловленных невозможностью осуществления государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства.

Административные правонарушения против порядка управления подрывают основы государственности, нарушают нормальное функционирование государственных институтов.

Непредставление или несвоевременное представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган сведений (информации), предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, в том числе непредставление сведений (информации) по требованию указанных органов, а равно представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган заведомо недостоверных сведений (информации) могут повлечь неполное и (или) несвоевременное исследование антимонопольными органами соответствующих фактических обстоятельств, специфики товарных рынков и, как следствие, – искажение результатов контрольных мероприятий, нарушение прав и законных интересов субъектов, чья деятельность находится в сфере антимонопольного контроля, а также иных лиц.

Установление для юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства штрафов, заметно превосходящих по размеру административные штрафы за административные правонарушения в иных областях правового регулирования, наряду с установлением до одного года срока давности привлечения к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства, свидетельствует об особой

защите государством отношений по поддержке конкуренции как одного из условий эффективного функционирования товарных рынков.

При этом законодатель во исполнение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 1-П Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 343-ФЗ снизил минимальный размер штрафа за данное правонарушение, расширив, тем самым, возможности как антимонопольных органов, так и судов в части дифференциации назначаемого наказания, исключая при этом необходимость использования для этой цели такого правового института, как малозначительность административного правонарушения. Применение данного правового института не должно порождать правовой нигилизм, ощущение безнаказанности, приводить к утрате эффективности общей и частной превенции административных правонарушений, нарушению прав и свобод граждан, защищаемых антимонопольным законодательством.

Таким образом, совершенное обществом правонарушение не может быть признано малозначительным, в связи с чем у судов отсутствовали основания для применения в рассматриваемом случае ст. 2.9 КоАП РФ и освобождения общества от административной ответственности.

Определение № 307-АД18-24091

Процессуальные вопросы

48. В случае отмены судебного акта, послужившего основанием для вынесения определения о взыскании судебных расходов, сторона, с которой они были взысканы, вправе обратиться с заявлением о повороте исполнения данного определения, в частности, по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба.

Общество обратилось к компании с иском о запрете совершать действия, нарушающие исключительное право общества на полезную модель.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, заявленные требования удовлетворены.

Определением суда первой инстанции с компании в пользу общества взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя.

Впоследствии определением Верховного Суда Российской Федерации отменены решение суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено в связи с отказом общества от иска.

Компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о повороте исполнения определения о взыскании с нее судебных расходов.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано. Суд исходил из того, что законом предусмотрена возможность обжалования определения о взыскании судебных расходов отдельно от решения суда, отмена решения не влечет отмены определения о взыскании судебных расходов в случае, если такое определение не обжаловалось в установленном порядке и если в отмененном решении суда не был разрешен вопрос о распределении судебных расходов на оплату услуг представителей.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, произведен поворот исполнения.

Постановлением Суда по интеллектуальным правам постановление суда апелляционной инстанции отменено, определение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны.

Механизм определения выигравшей стороны строится на основе выводов суда о правомерности или неправомерности заявленного требования в итоговом судебном акте.

В случае если первоначально спор был разрешен в пользу стороны судебного разбирательства, то возникает право на возмещение судебных расходов за счет стороны, не в пользу которой принят судебный акт. Если вопрос не разрешен в решении суда, то лицо, участвующее в деле, вправе обратиться с отдельным заявлением о взыскании судебных расходов в соответствии со ст. 112 АПК РФ. По результатам рассмотрения такого заявления выносится определение, которое может быть обжаловано.

Согласно ч. 1 ст. 325 АПК РФ, если приведенный в исполнение судебный акт отменен полностью или в части и принят новый судебный акт о полном или частичном отказе в иске, либо иск оставлен без рассмотрения, либо производство по делу прекращено, ответчику возвращается все то, что было взыскано с него в пользу истца по отмененному или измененному в соответствующей части судебному акту.

Суд первой инстанции и Суд по интеллектуальным правам не учли, что в случае отмены судебного акта, послужившего основанием для вынесения определения о взыскании судебных расходов, сторона, с которой они были взысканы, не является проигравшей, а потому вправе обратиться с заявлением о повороте исполнения данного определения. Институт поворота исполнения судебного акта предназначен для исправления допущенных в ходе разбирательства судебных ошибок и предусматривает возможность возвращения ответчику всего того, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному впоследствии судебному акту. Вынесение судом судебного акта об отмене исполненных судебных актов лишает их юридической силы –

правовые последствия не возникают, а потому должно произойти восстановление имущественного положения стороны судебного разбирательства, с которой произведено взыскание.

С учетом системного толкования ст. 110, 325, 326 АПК РФ, положения п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. №1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу, что при отмене судебных актов с принятием нового решения, а также при прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска может быть осуществлен поворот исполнения, так как конечный судебный акт – прекращение производства по делу – не может трактоваться как принятый в пользу истца, а следовательно, отсутствуют правовые основания для возмещения судебных расходов стороне, не в пользу которой принят судебный акт.

Лицо, чьи права нарушены, вправе требовать их защиты любыми способами, в том числе путем предъявления заявления в порядке, предусмотренном ст. 325 АПК РФ. Согласно ст. 325 АПК РФ институт поворота исполнения судебного акта призван восстановить права ответчика, которые были нарушены в результате исполнения впоследствии отмененного судебного акта, в короткий срок без проведения дополнительных судебных процессов по обжалованию производных от отмененного решения судебных актов вернуть имущественное положение сторон в первоначальное состояние.

Определение № 305-ЭС15-7110

49. Если последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, является определение о прекращении производства по делу, то шестимесячный срок на подачу заявления о взыскании судебных расходов начинает течь со дня вступления в силу данного определения.

Определением суда первой инстанции от 20 февраля 2018 г. прекращено производство по делу по иску предпринимателя к обществу о признании объекта самовольной постройкой в связи с отказом истца от иска (п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ).

Ответчик 19 сентября 2018 г. обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции заявление возвращено заявителю. Суд исходил из того, что заявление подано по истечении шестимесячного срока со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу. Данный срок суд исчислил с даты вынесения определения о прекращении производства по делу,

поскольку АПК РФ не содержит положений, определяющих срок вступления в законную силу определений суда.

Постановлением суда апелляционной инстанции отменено определение суда первой инстанции и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Постановлением арбитражного суда округа отменено постановление суда апелляционной инстанции и оставлено в силе определение суда первой инстанции. Соглашаясь с позицией суда первой инстанции, арбитражный суд округа сослался на ст. 187 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 112 АПК РФ шестимесячный срок на подачу заявления по вопросу о судебных расходах подлежит исчислению со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу.

В п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» разъяснено, что последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, является также определение о прекращении производства по делу.

Определение о прекращении производства по делу вступает в законную силу в порядке, предусмотренном ст. 180 АПК РФ для вступления в законную силу решений арбитражного суда первой инстанции (п. 26 информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»).

В соответствии с ч. 1 ст. 180 АПК РФ решение арбитражного суда первой инстанции, за исключением решений, указанных в чч. 2 и 3 данной статьи, вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае подачи апелляционной жалобы решение, если оно не отменено и не изменено, вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции.

Таким образом, поскольку определение о прекращении производства по данному делу вынесено 20 февраля 2018 г., не было обжаловано, соответственно, вступило в законную силу 20 марта 2018 г. и в связи с этим 20 сентября 2018 г. истекал шестимесячный срок. На основании изложенного заявителем срок на подачу заявления не был пропущен.

Статья 187 АПК РФ, согласно которой определение, вынесенное арбитражным судом, исполняется немедленно, необоснованно применена

судом округа к спорным правоотношениям, поскольку немедленное исполнение не означает немедленное вступление в законную силу судебного акта.

Определение № 305-ЭС19-6273

50. Органы местного самоуправления вновь образованных муниципальных образований являются правопреемниками органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, осуществлявших на территориях указанных муниципальных образований полномочия по решению вопросов местного значения.

Вступившим в законную силу решением суда первой инстанции удовлетворены иски общества к отделу по управлению муниципальной собственности городского поселения (далее – отдел) о взыскании задолженности по муниципальным контрактам.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о замене должника по делу в порядке процессуального правопреемства на администрацию городского округа (далее – администрация). Общество сослалось на то, что исполнительный лист возвращен финансовым управлением городского округа на основании п. 3 ст. 242¹ БК РФ в связи с представлением документов в финансовое управление, в котором не открыт лицевой счет должника (отдела), а также на закон субъекта Российской Федерации, которым несколько городских поселений, в том числе должник, были объединены в городской округ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что для организаций, находящихся на стадии ликвидации, законодательством предусмотрен специальный порядок погашения задолженности, в том числе признанной вступившим в законную силу решением суда (ст. 61, 63, 64, 64¹ ГК РФ). Поскольку в момент рассмотрения заявления отдел находился в стадии ликвидации, сведений о прекращении его деятельности и об исключении из Единого государственного реестра юридических лиц не имелось, нет оснований для передачи его обязанностей другому лицу – администрации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку судами не учтено положение ч. 10 ст. 85 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ), регулирующей вопросы правопреемства при преобразовании муниципальных образований.

В ч. 10 ст. 85 Закона № 131-ФЗ закреплено, что органы местного самоуправления вновь образованных муниципальных образований являются правопреемниками органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, осуществлявших на территориях указанных муниципальных образований полномочия по решению вопросов местного значения на основании законодательных актов Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Закона № 131-ФЗ преобразованием муниципальных образований в том числе является объединение, разделение муниципальных образований, изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа либо лишением его статуса городского округа. Преобразование муниципальных образований осуществляется законами субъектов Российской Федерации по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти в соответствии с данным федеральным законом (ч. 2 ст. 13 Закона № 131-ФЗ).

В соответствии с законом субъекта Российской Федерации объединенные городские поселения, в том числе должник, утратили статус муниципальных образований со дня вступления в силу названного закона. Со дня объединения городских поселений полномочия органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления каждого из указанных объединяемых поселений прекратились.

Со дня вступления в силу указанного закона субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления приступают к осуществлению полномочий по решению вопросов местного значения городского округа, установленных Законом № 131-ФЗ.

Принятым в соответствии с абзацем десятым ч. 5 ст. 34 Закона № 131-ФЗ в целях реализации закона субъекта Российской Федерации решением Собрания муниципального района установлено, что органы муниципального района являются правопреемниками органов местного самоуправления городского поселения по решению вопросов местного значения поселений, государственных полномочий Российской Федерации, Сахалинской области, переданных в поселения с соответствующими целевыми средствами из бюджетов других уровней бюджетной системы Российской Федерации, а также в отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами.

Из обжалуемых актов следует, что в правоотношениях, возникших из указанных муниципальных контрактов, отдел выступил в качестве муниципального заказчика от имени, в интересах и для нужд городского

поселения, являющегося публично-правовым образованием, осуществляющим предусмотренные Законом № 131-ФЗ функции.

Таким образом, в силу закона вновь образованное муниципальное образование (городской округ) является правопреемником по обязательствам, возникшим у городского поселения в связи с заключением в лице отдела указанных муниципальных контрактов.

Между тем, делая выводы об отсутствии оснований для процессуального правопреемства, суды не учли обстоятельства фактического выбытия отдела из возникших по настоящему делу правоотношений в связи с утратой городским поселением статуса муниципального образования на основании закона субъекта Российской Федерации.

*Определения № 305-ЭС19-5439,
303-ЭС18-23092*

51. В рамках дела о банкротстве право на заявление возражений относительно требований кредиторов, в том числе посредством обжалования решения третейского суда, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, возникает у кредитора с момента принятия его требований к рассмотрению арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение должником решения арбитражного третейского суда. Определением арбитражного суда от 12 марта 2015 г. заявленные требования удовлетворены.

Между тем решением арбитражного суда должник признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыто конкурсное производство.

В рамках этого дела, в реестр требований кредиторов должника было включено требование общества и требование заявителя.

В дальнейшем, в порядке возражений по требованию общества, заявитель на основании п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» обратился с кассационной жалобой на определение суда от 12 марта 2015 г.

Определением арбитражного суда от 20 июня 2018 г., оставленным без изменения определением суда от 6 сентября 2018 г., заявителю отказано в восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы, производство прекращено. При этом суд указал, что требование заявителя о включении в реестр требований кредиторов должника было принято судом к рассмотрению определением от 12 октября 2016 г., следовательно, именно с указанной даты заявитель имел возможность пользоваться своими процессуальными правами, в том числе правом на

заявление возражений относительно требований других кредиторов путем оспаривания в установленном порядке судебного акта, подтверждающего требование.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по существу, обратив внимание на следующее.

Пункт 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» содержит разъяснение, согласно которому кредитору по делу о банкротстве принадлежит право оспаривать в установленном порядке судебные акты, подтверждающие наличие и обоснованность требований других кредиторов.

В абзаце четвертом п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права (в частности, на ознакомление с материалами дела в части предъявленных всеми кредиторами требований и возражений, на участие в судебных заседаниях по рассмотрению требований всех кредиторов, на обжалование судебных актов, принятых по результатам рассмотрения указанных требований), необходимые для реализации права на заявление возражений, возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

В период обращения заявителя с жалобой в суд кассационной инстанции вышеизложенные правовые позиции, сформулированные в актах Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, толковались судами по-разному. Следовательно, отсутствовало единообразие в судебной практике по конкретным делам.

Некоторые арбитражные суды формулировали ошибочную правовую позицию, согласно которой возникновение права на обжалование судебных актов связано с наличием определенного статуса – конкурсного кредитора, и, именно с момента начала обладания таким статусом возникает право на обжалование судебных актов.

В связи с этим Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации еще раз отмечает наличие иной правовой позиции, выраженной в актах Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, по вопросу о моменте начала течения процессуального срока, с которого у кредитора возникают права на заявление возражений в отношении требований других кредиторов, заявленных должнику. Согласно этой правовой позиции с момента принятия требования кредитора к рассмотрению судом у этого кредитора возникают права на заявление возражений в отношении требований других кредиторов, заявленных должнику, следовательно, и право обжалования судебных актов по другим делам, в том числе по делам о принудительном

исполнении решения третейского суда (определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2018 г. № 5-КГ18-122).

Между тем факт обращения заявителя в арбитражный суд в период, предшествующий установлению правовой определенности в судебной практике по конкретным делам по спорному вопросу, сам по себе не может ухудшать положение заявителя, так как в силу существовавшей ранее устойчивой правоприменительной практики, закрепляющей иной подход к спорному вопросу, действия заявителя носили разумный характер.

Определение № 305-ЭС18-19058

52. Ссылка в договоре на разрешение споров из договора в арбитражном суде сама по себе не свидетельствует об отказе сторон от рассмотрения споров в государственном суде и, следовательно, не является арбитражной оговоркой.

Между обществом и товариществом был заключен договор, согласно которому все споры между ними, которые не были разрешены в претензионном порядке, подлежат разрешению в арбитражном суде по месту нахождения истца в соответствии с законодательством страны арбитражного судопроизводства.

Между тем, полагая, что условия договора исполняются обществом ненадлежащим образом, товарищество обратилось в арбитражный центр Республики Казахстан с иском к обществу о взыскании убытков, неустойки, регистрационного сбора, арбитражного сбора, а также расходов на оплату помощи представителя.

Решением арбитражного центра Республики Казахстан требование товарищества удовлетворено.

Ввиду неисполнения обществом указанного решения товарищество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решения арбитражного центра Республики Казахстан и выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Общество возражало против исполнения решения арбитражного центра Республики Казахстан, указывая, что при заключении договора стороны согласовали разрешение споров в государственных арбитражных судах и не договаривались о разрешении споров в международном коммерческом арбитраже (третейском суде).

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования товарищества удовлетворены. Суды исходили из отсутствия обстоятельств, препятствующих признанию и приведению в исполнение на территории Российской Федерации решения арбитражного центра Республики Казахстан,

отклонив довод общества о противоречии решения арбитражного центра Республики Казахстан публичному порядку Российской Федерации.

Суды признали необоснованной позицию общества о неподсудности арбитражному центру Республики Казахстан споров, вытекающих из заключенного сторонами договора, указав на то, что арбитражный центр Республики Казахстан, осуществив толкование договора, констатировал наличие между сторонами арбитражного соглашения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении требований товарищества по следующим основаниям.

Согласно ст. 241 АПК РФ решения международных коммерческих арбитражей, принятые ими на территориях иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные арбитражные решения) признаются и приводятся в исполнение в Российской Федерации арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом.

Согласно ст. V «Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» 1958 г., участниками которой являются Российская Федерация и Республика Казахстан, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства того, что указанное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения, или состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон.

Указанные нормы обусловлены тем обстоятельством, что компетенция третейского суда (международного коммерческого арбитража), в отличие от государственного правосудия, основана на автономной (свободной и независимой) воле сторон, а также связана с наличием заключенного сторонами соглашения о передаче споров в арбитраж (третейский суд). Наличие согласия всех участников третейского (арбитражного) разбирательства на разрешение спора третейским судом (арбитражем) является основным началом такого разбирательства.

Арбитражное соглашение оформляет такое согласие и является соглашением сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникнут или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет. Арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки в договоре или в виде отдельного соглашения. Арбитражное соглашение заключается в письменной форме. Письменная форма арбитражного соглашения считается соблюденной,

если арбитражное соглашение заключено в том числе путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны. Арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме, если оно заключается путем обмена процессуальными документами (в том числе исковым заявлением и отзывом на исковое заявление), в которых одна из сторон заявляет о наличии соглашения, а другая против этого не возражает (чч. 1–4 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ст. 7 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-І «О международном коммерческом арбитраже»).

Таким образом, арбитражное соглашение, которым стороны оформляют свое волеизъявление на разрешение спора в третейском суде, международном коммерческом арбитраже, не обязательно должно быть оформлено в виде отдельного документа. Такое соглашение может содержаться в отдельных положениях договора.

Спорный договор не содержит положения о передаче споров, вытекающих из этого договора, на рассмотрение третейского суда, международного коммерческого арбитража как в целом, так и конкретного арбитражного центра, рассмотревшего дело, переписка сторон или обмен документами, подтверждающими заключение такого соглашения, также отсутствуют.

В арбитражный суд Российской Федерации подлинное арбитражное соглашение или его надлежащим образом заверенную копию стороны не представили (п. 2 ч. 4 ст. 242 АПК РФ). Пункт договора, который, по мнению товарищества, содержит арбитражное (третейское) соглашение, не содержит указаний на выбор сторонами такой формы разрешения спора, как международный коммерческий арбитраж, равно как и не называет арбитражный центр Республики Казахстан в качестве компетентного арбитражного центра для рассмотрения споров сторон договора, толкование данного пункта договора также не позволяет сделать вывод о выборе сторонами третейской формы разбирательства споров или арбитражного центра Республики Казахстан. Напротив, стороны в указанном пункте используют термины «суд» и «судопроизводство», характерные для разрешения споров в рамках государственного правосудия.

Следовательно, спор между сторонами разрешен некомпетентным международным коммерческим арбитражем, и в удовлетворении заявления о признании и приведении в исполнение решения этого арбитража следовало отказать.

Определение № 301-ЭС18-24455

53. Арбитражные суды Российской Федерации обладают компетенцией по рассмотрению заявлений о направлении судебных поручений судам иностранных государств в целях исполнения решений арбитражных судов Российской Федерации при указании на такую компетенцию в нормах соответствующего международного договора.

Сам по себе факт направления судебного решения в компетентный орган иностранного государства почтовой связью не может являться основанием для отказа в выдаче справки о надлежащем уведомлении ответчика, так как международная Конвенция о вручении судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15 ноября 1965 г.) допускает извещение указанным способом, если государства не сделали оговорку об исключении такого способа извещения.

На основании решения арбитражного суда обществу был выдан исполнительный лист о взыскании с иностранной организации задолженности за оказанные услуги. Однако по заявлению общества исполнение по указанному исполнительному листу прекращено в связи с невозможностью установления места нахождения должника и получения сведений о его имуществе.

Общество обратилось в суд с ходатайством о направлении решения арбитражного суда в компетентный суд Республики Кипр с целью разрешения им вопроса об исполнении указанного решения на территории Республики Кипр. Общество также просило суд выдать справку о надлежащем извещении иностранной организации о судебной разбирательстве.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, документы для исполнения решения суда направлены в территориальный орган Министерства юстиции Российской Федерации для направления их в суд Республики Кипр, в удовлетворении требований общества о выдаче справки о надлежащем извещении иностранной организации о судебном разбирательстве отказано. При этом суды указали на отсутствие доказательств, позволяющих установить факт надлежащего уведомления, поскольку иностранной организации было направлено определение суда о назначении судебного разбирательства посредством услуг ФГУП «Почта России», а не при помощи Министерства юстиции Российской Федерации, как того требуют международные правовые акты.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, производство по делу прекращено. Суд обратил внимание, что у судов первой и апелляционной инстанций отсутствовали правовые основания для рассмотрения требования общества о направлении судебного поручения компетентному суду Республики Кипр об исполнении решения арбитражного суда Российской Федерации на территории Республики Кипр, так как согласно

действующему законодательству рассмотрение подобных требований не относится к компетенции арбитражных судов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Согласно преамбуле Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 101-ФЗ) международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. Международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государств.

Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств (абзацы первый и третий преамбулы Федерального закона № 101-ФЗ).

Таким образом, правильное применение норм международного права и добросовестное выполнение международных обязательств при рассмотрении дел, осложненных иностранным элементом, а также в иных случаях, когда для этого имеются необходимые основания, являются одними из элементов справедливого судебного разбирательства.

В данном случае к спорным правоотношениям применимы положения Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 января 1984 г. (подписан в г. Москве 19 января 1984 г.; далее – Договор; Российская Федерация является стороной указанного договора как продолжатель СССР).

В соответствии с п. 2 ст. 1 Договора граждане одной Договаривающейся Стороны имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру (далее именуемые «учреждения юстиции») и в иные учреждения другой Договаривающейся Стороны, к компетенции которых относятся гражданские и уголовные дела, могут выступать в них, возбуждать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, как и граждане этой Договаривающейся Стороны.

Согласно п. 1 ст. 23 Договора решения учреждений одной Договаривающейся Стороны, указанных в п. 2 ст. 1, признаются и исполняются на территории другой Договаривающейся Стороны на условиях, предусмотренных Договором.

Под решениями в смысле п. 1 ст. 23 Договора понимаются в том числе решения по гражданским делам и мировые соглашения, утвержденные судом (п. 2 ст. 23 Договора).

В соответствии со ст. 27 Договора ходатайство об исполнении решения подается в учреждение юстиции по месту вынесения решения. Это учреждение пересылает ходатайство компетентному суду другой Договаривающейся Стороны.

Таким образом, в соответствии с указанными выше положениями Договора арбитражные суды являются компетентными органами (компетентными «учреждениями юстиции» в терминологии Договора), имеющими полномочия по рассмотрению ходатайств российских физических и юридических лиц о направлении судебного акта, принятого на территории Российской Федерации, компетентному суду Республики Кипр.

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 256 АПК РФ арбитражные суды могут в порядке, установленном международным договором Российской Федерации или федеральным законом, обращаться к иностранным судам или компетентным органам иностранных государств с поручениями о выполнении отдельных процессуальных действий.

В зависимости от требований норм международного договора судебное поручение направляется в соответствующий компетентный орган иностранного государства (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»).

Следовательно, выводы суда кассационной инстанции, в соответствии с которыми рассмотрение подобных требований не относится к компетенции арбитражных судов, являются неверными и основаны на ошибочном толковании норм права, а основания для прекращения производства по заявлению общества, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, отсутствовали.

Порядок вручения за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам установлен Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15 ноября 1965 г.; далее – Конвенция).

В соответствии с Федеральным законом от 12 февраля 2001 г. № 10-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам» Российская Федерация присоединилась к Конвенции и является ее участником. Республика Кипр также является участником Конвенции.

В соответствии с пунктом «а» ст. 10 Конвенции, если запрашиваемое государство не заявляет возражений, Конвенция не препятствует возможности непосредственно посылать по почте судебные документы лицам, находящимся за границей.

Таким образом, в данном случае факт направления судебного акта посредством услуг ФГУП «Почта России» сам по себе не может являться основанием для отказа в выдаче справки о надлежащем уведомлении

ответчика, так как действующий международный договор допускает извещение указанным способом.

Кроме того, необходимо отметить, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса», если арбитражным судом Российской Федерации вынесено решение, которое подлежит направлению на исполнение на территории иностранного государства, взыскатель может обратиться в суд этого государства с ходатайством о принудительном исполнении.

Таким образом, заявитель, руководствуясь положениями Договора и обращаясь в арбитражный суд с заявлением о направлении судебного поручения компетентному суду Республики Кипр об исполнении решения арбитражного суда Российской Федерации на территории Республики Кипр, избрал верный способ получения документа о надлежащем извещении ответчика о процессе, так как направление такого поручения и выдача такого документа относятся к компетенции арбитражных судов Российской Федерации.

Определение № 307-ЭС18-19728

54. Решение третейского суда может быть отменено по основанию противоречия публичному порядку Российской Федерации, если факт расходования бюджетных средств в целях исполнения обязательств по договору подтвержден соответствующими доказательствами.

Общество обратилось в третейский суд с заявлением к организации о взыскании неустойки и суммы третейского сбора. Дело рассмотрено в третейском суде на основании третейского соглашения, заключенного в виде оговорки, содержащейся в договоре между обществом и организацией. Решением третейского суда заявленное требование было удовлетворено.

Между тем организация не исполнила в добровольном порядке указанное решение, в связи с чем общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Организация, в свою очередь, обратилась в арбитражный суд с заявлением об отмене решения третейского суда.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление организации об отмене решения третейского суда удовлетворено, в удовлетворении требований общества о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда и отменяя указанное

решение, суды, руководствуясь ст. 232, 233, 238, 239 АПК РФ, указали на то, что реализация договора производилась за счет использования (траты) бюджетных средств, следовательно, рассмотренный третейским судом спор не мог быть предметом третейского разбирательства, а решение третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования общества, а в удовлетворении требований организации отказала по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 233 АПК РФ решение третейского суда может быть отменено арбитражным судом по основаниям, установленным ч. 3 и ч. 4 ст. 233 АПК РФ. Решение третейского суда может быть отменено по основаниям, установленным ч. 4 ст. 233 АПК РФ, даже в том случае, если сторона, подавшая заявление об отмене такого решения, не ссылается на указанные основания.

Порядок рассмотрения заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда закреплен в ст. 238 АПК РФ.

При рассмотрении дела арбитражный суд в судебном заседании устанавливает наличие или отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, предусмотренных ст. 239 АПК РФ, путем исследования представленных в суд доказательств обоснования заявленных требований и возражений, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (ч. 4 ст. 238 АПК РФ).

В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может быть отказано в случае, если приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Таким образом, противоречие решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации является безусловным основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или для его отмены (в зависимости от заявленного стороной процесса требования и процедуры, в соответствии с которой рассматривается дело).

Указанное основание подлежит проверке судом по собственной инициативе на любой стадии рассмотрения дела независимо от доводов и возражений сторон. Вместе с тем участники спора вправе приводить доводы, свидетельствующие о наличии данного основания для отмены решения третейского суда (п. 3 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»).

Указанная правовая позиция получила свое развитие в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-15649 и № 306-ЭС18-8105, от 21 января 2019 г. № 305-ЭС18-16908, в которых подчеркивалась необходимость участникам спора, ссылающимся на противоречие решения третейского суда публичному порядку, приводить доказательства, которые могли бы прямо свидетельствовать о наличии обозначенного выше основания для отмены решения третейского суда или отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

В настоящем деле общество неоднократно указывало судам на то, что организация не представила доказательств, подтверждающих факт финансирования договора за счет использования бюджетных средств и, следовательно, факт противоречия решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации, а представленные организацией документы не свидетельствуют о финансировании договора за счет средств бюджета.

Доказательства, свидетельствующие о финансировании обязательств по договору за счет бюджетных средств, в материалах дела отсутствуют. Суды при вынесении судебных актов по делу таких доказательств не установили и не исследовали.

Таким образом, заявление общества подлежит удовлетворению, так как, в свою очередь, отсутствуют основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, предусмотренные п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ.

Определение № 305-ЭС18-21635

55. Извещение о судебном процессе в иностранном суде является надлежащим, если соблюден порядок извещения, установленный нормами международных договоров, либо имеются доказательства эффективного (фактического) извещения стороны о судебном разбирательстве в иностранном суде (представлены доказательства того, что она знала о таком судебном разбирательстве).

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации иностранного судебного решения, в соответствии с которым с индивидуального предпринимателя взысканы сумма предоплаты, проценты за пользование чужими денежными средствами, пени и затраты по уплате судебного сбора.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление предприятия удовлетворено, иностранное судебное решение признано и приведено в исполнение на территории Российской Федерации. При этом суды указали на отсутствие оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда на территории Российской Федерации.

Индивидуальный предприниматель обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением об отмене принятых по делу судебных актов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Согласно ч. 1 ст. 256 АПК РФ арбитражный суд исполняет переданные ему в порядке, установленном международным договором Российской Федерации или федеральным законом, поручения иностранных судов о выполнении отдельных процессуальных действий, в том числе о вручении повесток. При этом согласно норме ч. 2 ст. 256 АПК РФ арбитражный суд проверяет, не нарушает ли исполнение поручения публичный порядок Российской Федерации, относится ли исполнение поручения к компетенции арбитражных судов Российской Федерации, устанавливает подлинность документа, содержащего поручение о выполнении отдельных процессуальных действий.

Арбитражный суд при оказании международной правовой помощи применяет международный договор, устанавливающий механизм взаимодействия компетентных органов государств, обеспечивающий наиболее быстрое и менее формализованное взаимодействие таких органов, как направленный на более быстрое восстановление нарушенных (оспоренных) прав (п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», далее – постановление Пленума № 23).

В данном случае стороны спора находятся в странах-участницах Соглашения от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (далее – Соглашение).

В соответствии со ст. 1 Соглашения оно регулирует вопросы разрешения дел, вытекающих из договорных и иных гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами, из их отношений с государственными и иными органами, а также исполнения решений по ним.

Статьей 5 Соглашения установлено, что компетентные суды и иные органы государств-участников Содружества Независимых Государств обязуются оказывать взаимную правовую помощь.

При оказании правовой помощи компетентные суды и другие органы государств-участников Содружества Независимых Государств сносятся друг с другом непосредственно.

Таким образом, согласно нормам Соглашения, при оказании правовой помощи, в том числе направлении судебных извещений, компетентные суды государств-участников Соглашения взаимодействуют в судебном порядке, то есть посредством направления судебного поручения компетентному суду иностранного государства и вручения такого извещения стороне спора

государственным судом страны, в которой участник спора инкорпорирован (зарегистрирован), имеет место жительства.

Извещения о судебном процессе, направленные с нарушением норм международного договора Российской Федерации, обеспечивающих государственные гарантии защиты находящимся под ее юрисдикцией на ее территории лицам, не могут считаться надлежащими.

В данном случае извещение предпринимателя о ведущемся против него судебном процессе в иностранном суде было направлено иностранным судом путем использования услуг почтовой связи.

Однако извещение заявителя в такой форме не соответствовало применимому международному договору Российской Федерации (нормам Соглашения), следовательно, не являлось надлежащим.

В данном случае извещение о процессе в иностранном суде должно было быть направлено в компетентный суд Российской Федерации в соответствии со ст. 5 Соглашения. На компетентный суд, в свою очередь, возлагается обязанность по уведомлению лица, инкорпорированного в Российской Федерации (зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя), о процессе в иностранном суде. При этом иностранное судебное поручение проверяется судом Российской Федерации в соответствии с нормами ст. 256 АПК РФ.

Таким образом, в рассматриваемом деле не соблюдена процедура официального извещения лица о судебном процессе в иностранном суде, предусмотренная нормами применимого международного договора. Суды при вынесении судебных актов по настоящему делу данное обстоятельство не оценили, указав на наличие эффективного (фактического) извещения заявителя и отметив, что предприниматель знал о проходящем с его процессуальным участием иностранном судебном разбирательстве, поскольку направлял отзыв в иностранный суд.

Баланс прав участников отношений, подобных рассматриваемым в настоящем деле, и запрет приоритета формального подхода над существом отношений при защите их прав обеспечиваются за счет права добросовестной стороны доказать тот факт, что вторая сторона знала о судебном процессе в иностранном государстве, имела возможность представлять свои доводы иностранному суду, однако, действуя недобросовестно, исключительно в целях преодоления исполнения иностранного судебного решения, приводит доводы государственному суду места своего нахождения о не обеспечении требований международного договора об извещении судом места рассмотрения спора. В таком случае государственный суд страны исполнения решения устанавливает обстоятельства фактического извещения стороны, против которой вынесено иностранное судебное решение, о судебном разбирательстве, а также отсутствие злоупотреблений со стороны всех участников таких отношений.

С учетом того, что участвующие в деле лица должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 2 ст. 41

АПК РФ), факт отсутствия доказательств получения судебных извещений, направленных в порядке, предусмотренном нормами соответствующего международного договора или федерального закона, сам по себе не может являться основанием для безусловной отмены судебного акта, если сторона приняла участие в иностранном судебном процессе или имеются иные доказательства того, что сторона знала об иностранном судебном процессе и могла представить в иностранный суд свои объяснения (п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ; п. 36 постановления Пленума № 23).

Вместе с тем суды при рассмотрении настоящего дела не дали оценку тому обстоятельству, что предприниматель в иностранном судебном процессе участия не принимал, равно как и доводам предпринимателя о том, что об иностранном судебном процессе он не знал, отзыв в иностранный суд он не представлял, подпись и печать, которые присутствовали на представленном предприятием в настоящее разбирательство отзыве предпринимателя в иностранный суд, не соответствуют подписи и печати заявителя. Каких-либо иных доказательств эффективного (фактического) извещения предпринимателя о судебном процессе предприятие, как следует из судебных актов, не представило.

Таким образом, в данном случае суды не установили факт надлежащего официального извещения предпринимателя о судебном процессе, а доводы предпринимателя об отсутствии эффективного (фактического) извещения о судебном разбирательстве в иностранной юрисдикции не получили мотивированной оценки судов, основанной на нормах применимого права.

Вместе с тем признание и приведение в исполнение на территории Российской Федерации решения иностранного суда, вынесенного без надлежащего уведомления стороны спора о процессе, противоречат как публичному порядку Российской Федерации, так и нормам международного права и законодательства Российской Федерации, поскольку лишают одну из сторон процесса права на справедливое судебное разбирательство.

Определение № 310-ЭС19-450

56. Прекращение производства по делу исключительно в целях соблюдения правил о компетенции государственных судов недопустимо, когда таким актом создается значительный негативный эффект для участников процесса и возникают объективные сложности в реализации права на справедливое судебное разбирательство.

В связи с возбуждением уголовного дела дознавателем отдела дознания таможенного органа на время следственных действий были переданы на ответственное хранение обществу контейнеры с грузом, являющиеся вещественными доказательствами по делу.

Впоследствии уголовное дело было прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Общество направило в таможенный орган претензию с требованием оплатить услуги по хранению, однако таможенный орган указанные требования не исполнил.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о взыскании задолженности и судебных расходов по уплате государственной пошлины с таможенного органа.

Настоящее дело рассматривалось арбитражными судами Российской Федерации в течение четырех лет. При этом трижды судебные акты по существу спора сторон вступали в законную силу, и дважды кассационный суд направлял дело на новое рассмотрение. В результате третьего рассмотрения судом кассационной инстанции настоящего дела производство по делу было прекращено в связи с тем, что данный спор не относится к категории споров, подведомственных арбитражным судам, поскольку заявитель исполнял публично-правовую обязанность, возложенную на него в силу закона органом дознания, расходы, связанные с хранением контейнеров в период производства по делу, являются процессуальными издержками в понимании норм УПК РФ, а вопросы о порядке их возмещения относятся к ведению судов общей юрисдикции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила третье постановление суда кассационной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Согласно ст. 46, 47 Конституции Российской Федерации, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.; далее – Конвенция) каждому гарантируется право на судебную защиту в справедливом и публичном разбирательстве, в разумный срок посредством независимого и беспристрастного суда, компетенция которого установлена законом.

Неправильное толкование норм, определяющих подведомственность тех или иных споров, означает, по общему правилу, нарушение гарантированного лицу п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 46 Конституции Российской Федерации права на судебную защиту его прав и свобод, так как лишает такое лицо возможности рассмотрения дела компетентным судом.

В целях защиты указанного права п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ установлено одно из оснований для прекращения арбитражными судами производства по делу – дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Вместе с тем необходимость обеспечения такого элемента права на суд, как рассмотрение дела компетентным судом, должна оцениваться в совокупности с иными элементами такого права (в том числе на разбирательство в разумный срок и установление правовой определенности), а также с учетом фундаментальных принципов права (среди которых запрет приоритета формального над существом (запрет пуризма), исходя из

фактических обстоятельств конкретных правоотношений как процессуальных, так и по существу спора, в целях того, чтобы формальное обеспечение какого-либо элемента права на суд не приводило к иллюзорности такого права и нарушению баланса интересов сторон.

Прекращение судами производства по делу недопустимо в тех случаях, когда суды, формально соблюдая процессуальное законодательство, могут создать своим актом такие правовые последствия для участников процесса, которые будут иметь для них значительный негативный эффект, приведут к возникновению объективных сложностей в реализации права на справедливое судебное разбирательство, сделают его чрезмерно длительным или невозможным. При этом формальное обеспечение требований подведомственности не может быть единственной целью отмены судебных актов в ущерб материальным интересам сторон по существу спора (постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Сутяжник против Российской Федерации» от 23 июля 2009 г.). Такие интересы по существу спора могут быть выражены как в наличии вступившего в законную силу судебного акта, так и в длительном разбирательстве по существу спора, концентрации в рамках разбирательства большого круга доказательств, представленных сторонами, приложении сторонами существенных процессуальных усилий в конкретном разбирательстве до его прекращения и т.п.

Кроме того, прекращение производства по делу было осуществлено судом на стадии нового (третьего) рассмотрения дела, при этом стороны процесса соответствующих ходатайств не заявляли. Судами был собран и оценен существенный круг доказательств, трижды выносились судебные акты по существу спора, устанавливающие баланс интересов сторон и правовую определенность в спорных отношениях. При этом также важно учитывать, что принципы (в том числе разумности и соразмерности) и правила взыскания судебных расходов и компенсации убытков в рамках экономических споров, опытом рассмотрения которых обладают арбитражные суды, во многом идентичны принципам и правилам, применимым в рамках уголовного процесса при компенсации расходов за хранение вещественных доказательств. Правовые подходы судебной практики по взысканию судебных расходов в рамках уголовных дел обобщены и сформулированы Верховным Судом Российской Федерации, доступны сторонам для формулирования своей позиции по настоящему делу и судам в целях вынесения справедливого и законного решения, учитывающего баланс интересов сторон по существу спора.

Следовательно, в данном случае прекращение судом кассационной инстанции производства по делу по причине неподведомственности спора не является мерой, направленной на реализацию принципа справедливого судебного разбирательства, не способствует установлению правовой определенности в спорных правоотношениях в разумные сроки, а значит - не обеспечивает право на суд.

Европейский Суд по правам человека неоднократно (например, в постановлениях от 31 октября 2013 г. «Дело Поповски (Popovski) против Македонии», от 13 декабря 2016 г. «Дело Снятовский (Snyatovskiy) против Российской Федерации») указывал на то, что не оправданная серьезными факторами чрезмерная длительность судебного разбирательства приводит к нарушению п. 1 ст. 6 Конвенции.

С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела суд округа не должен был отменять судебные акты и прекращать производство по делу исключительно в целях соблюдения правила о подведомственности (правовой пурим), а не для устранения существенной судебной ошибки. Такие обстоятельства свидетельствуют о нарушении судом кассационной инстанции п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 46 Конституции Российской Федерации, являются основаниями для отмены постановления суда округа и направления дела на новое рассмотрение на основании п. 2 ч. 1 ст. 291¹⁴ АПК РФ.

Определение № 308-ЭС16-6887

57. Сам по себе факт наличия инвестиционной программы по предмету исполнения договора, содержащего третейскую оговорку, не может свидетельствовать о расходовании в рамках исполнения этого договора бюджетных средств и, следовательно, противоречить публичному порядку Российской Федерации до тех пор, пока не доказано расходование средств инвестиционной программы для исполнения обязательств по данному договору.

На основании решения третейского суда с организации в пользу общества взысканы задолженность и неустойка по договору подряда для государственных и муниципальных нужд, а также расходы по оплате арбитражного сбора.

Учитывая, что указанное решение организацией добровольно не исполнено, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения арбитражным судом округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суды указали, что спор, по результатам которого вынесено решение третейского суда, не мог быть предметом третейского разбирательства, а решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права, поскольку договор заключен сторонами в целях реализации инвестиционной программы для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Порядок рассмотрения заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда закреплен в ст. 238 АПК РФ.

При рассмотрении дела арбитражный суд в судебном заседании устанавливает наличие или отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, предусмотренных ст. 239 АПК РФ, путем исследования представленных в суд доказательств обоснования заявленных требований и возражений, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (ч. 4 ст. 238 АПК РФ).

В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может быть отказано в случае, если приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Таким образом, противоречие решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации является безусловным основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Указанное основание подлежит проверке судом по собственной инициативе на любой стадии рассмотрения дела независимо от доводов и возражений сторон.

Вместе с тем участники спора вправе приводить доводы, свидетельствующие о наличии указанных оснований отказа в исполнении третейского решения (п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Информационное письмо от 26 февраля 2013 г. № 156).

Организация реализовала указанное право и приводила доводы о возможном нарушении исполнением решения третейского суда публичного порядка, в соответствии с которыми договор между обществом и организацией был заключен за счет средств бюджета и направлен на удовлетворение публичных нужд посредством расходования бюджетных средств в рамках инвестиционной программы.

Наличие инвестиционной программы по проектированию, строительству и реконструкции объекта строительства, обозначенного в договоре, а также факт реализации указанной программы, в том числе и за счет бюджетных инвестиций, подтверждаются постановлением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2010 г. № 842 «О бюджетных инвестициях в проектирование, строительство и реконструкцию объектов капитального строительства федерального государственного автономного образовательного

учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (опубликовано в издании «Собрание законодательства Российской Федерации», 25 октября 2010 г., № 43).

Между тем при рассмотрении настоящего дела в судах, общество указывало на то, что организация не представила доказательств, подтверждающих ее правовую позицию, в том числе доказательств того, что в рамках исполнения договора сторон расходовались средства указанной инвестиционной программы. Суды не исследовали, каким образом стороны спора участвовали в реализации указанной инвестиционной программы, являлись ли они получателями бюджетных средств.

При этом общество утверждало, что спорный договор, с учетом характера правоотношений, сложившихся между обществом и организацией, а также правовой природы договора не предполагает использование бюджетных средств, а факт наличия инвестиционной программы сам по себе не может свидетельствовать о том, что при реализации договора были использованы средства бюджета.

Определение № 305-ЭС19-1212

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

58. Характер действий осужденного, использование ножа и нанесение им ранений потерпевшим, в том числе в область жизненно важных органов, свидетельствуют об умысле осужденного на убийство, которое не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам.

Материалами уголовного дела установлено, что в процессе совместного распития спиртного между осужденным В. и потерпевшими возник конфликт, в ходе которого В. стал наносить удары ножом К., О., С. и Г. Так, осужденный нанес К. в область груди и живота не менее двух ударов, С. – семь, а О. и Г. – по три удара. Во время причинения потерпевшим ножевых ранений находившаяся в квартире А. вызвала полицию. В дальнейшем осужденный напал на прибывших сотрудников полиции Б. и Ч., которым нанес каждому не менее двух ударов ножом в область головы.

Указанные действия В. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 и ст. 317 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденный оспаривал вывод суда о наличии у него умысла на убийство потерпевших и просил переквалифицировать его действия на ч. 3 ст. 111 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Так, сам осужденный признал факт нанесения ножевых ранений своим знакомым К., О., Г. и С. после совместного распития спиртных напитков.

Из показаний потерпевшей К. следует, что осужденный неожиданно для нее нанес ей два удара ножом, от чего она потеряла сознание.

Об обстоятельствах нанесения осужденным ножевых ранений пояснили и остальные потерпевшие, а также очевидец происшедшего – свидетель А.

Данные показания согласуются с протоколом осмотра места происшествия, заключениями судебно-медицинских экспертов.

Вопреки доводам апелляционной жалобы об отсутствии у осужденного умысла на убийство потерпевших Судебная коллегия признала вывод суда о том, что осужденным было совершено покушение на убийство четырех лиц, обоснованным.

Характер действий В., использование ножа, нанесение им ранений потерпевшим, в том числе в область жизненно важных органов, свидетельствуют об умысле осужденного на убийство, которое не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку противоправные действия осужденного были пресечены прибывшими по вызову сотрудниками полиции.

Таким образом, действия осужденного правильно квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 и ст. 317 УК РФ.

Определение № 5-АПУ19-43

Процессуальные вопросы

59. Нарушение права на защиту, выразившееся в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции в отсутствие осужденного, а также неразъяснение ему права на участие в судебном заседании повлекло отмену постановления суда кассационной инстанции.

По приговору суда (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) М. осужден по ч.1 ст. 139, ч. 1 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 132 и п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Башкортостан приговор и апелляционное определение изменены: постановлено освободить осужденного от назначенного наказания по ч.1 ст. 139 УК РФ на основании п. «а» ч. 1 ст.78 УК РФ в связи с истечением срока давности.

В кассационной жалобе осужденный просил об отмене судебных решений, обращая внимание на то, что суд кассационной инстанции, несмотря на его ходатайство, рассмотрел дело в его отсутствие, чем было нарушено его право на защиту.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе, представлению осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе принимать участие в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления им ходатайства об этом, которое может быть заявлено таким лицом в кассационной жалобе либо в течение трех суток со дня получения ими извещения о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции.

Аналогичное право обвиняемого на участие в судебном разбирательстве уголовного дела, в частности, в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций закреплено и в п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

При этом исходя из положений ст. 11 УПК РФ права обвиняемого и осужденного в судебном заседании, в том числе предусмотренные п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, должны быть ему судом разъяснены.

Между тем, как следует из материалов уголовного дела, ни судом апелляционной инстанции при разъяснении осужденному порядка обжалования вынесенного апелляционного определения, ни судом кассационной инстанции при принятии к рассмотрению его кассационной жалобы осужденному не были разъяснены его право на участие в судебном заседании суда кассационной инстанции и порядок заявления ходатайства об этом.

Как видно из протокола судебного заседания президиума, судом не обсужден вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела по кассационной жалобе осужденного в его отсутствие.

Определение № 49-УД19-8

60. Несоблюдение положений ст. 54 и 268 УПК РФ, регламентирующих права гражданского ответчика, повлекло отмену приговора в части гражданского иска.

По приговору суда Т.С. и Т.О. признаны виновными в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего и осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Постановлено взыскать с осужденных в солидарном порядке в пользу потерпевшей в счет компенсации морального вреда 500 тыс. рублей.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

Постановлением президиума областного суда приговор в отношении осужденного Т.С. изменен: исключено указание об учете мнения потерпевшей о назначении осужденному строгого наказания.

В кассационной жалобе осужденный Т. оспаривал приговор в части гражданского иска, указав, что суд не признал потерпевшую гражданским истцом, а его – гражданским ответчиком и не разъяснил его права.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу Т.С. и проверив в соответствии с ч. 2 ст. 401¹⁶ УПК РФ уголовное дело в отношении Т.О., отменила приговор и состоявшиеся по делу судебные решения в части гражданского иска и дело передала на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. О привлечении физического или юридического лица в качестве гражданского ответчика дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд - определение.

Вместе с тем, как усматривается из материалов данного уголовного дела, ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании осужденные не были признаны гражданскими ответчиками, соответствующих постановлений об этом не выносилось.

Вопреки требованиям ч. 1 ст. 268 УПК РФ права гражданского ответчика подсудимым судом не разъяснялись, в том числе право возражать против предъявленного гражданского иска, а также давать объяснения и показания по существу предъявленного иска. Суд также не выяснил вопрос об отношении подсудимых к заявленному потерпевшей в судебном заседании гражданскому иску.

Кроме того, решая вопрос о гражданском иске, заявленном потерпевшей, суд определил солидарный порядок взыскания денежной компенсации морального вреда с осужденных. Однако, принимая указанное решение, суд не учел, что такой порядок предусмотрен ст. 1080 ГК РФ только при ответственности за совместно причиненный материальный вред.

По смыслу закона, решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суду следует исходить из положений ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости. Между тем, в случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке.

Определение № 50-УД19-2

61. Суд кассационной инстанции, отменяя апелляционный приговор, не вправе давать указания, предрешающие выводы суда нижестоящей инстанции о виновности лица (ч. 7 ст. 401¹⁶ УПК РФ).

По приговору суда от 20 декабря 2017 г. Ж. осуждена за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции указанный приговор отменил и вынес новый апелляционный приговор от 22 марта 2018 г., по которому Ж. оправдана по обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, за отсутствием состава преступления с признанием за ней права на реабилитацию на основании ст. 134 УПК РФ.

Постановлением президиума суда от 7 декабря 2018 г. апелляционный приговор отменен и уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Апелляционным определением от 31 января 2019 г. приговор от 20 декабря 2017 г. в отношении Ж. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов Ж. просил об отмене постановления президиума ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума и оставила апелляционный приговор от 22 марта 2018 г. без изменения.

Согласно положениям ст. 401¹⁶ УПК РФ вмешательство в деятельность судов при отправлении правосудия, в том числе и со стороны вышестоящих судебных инстанций, является недопустимым, в связи с чем суд кассационной инстанции, отменяя судебное решение и направляя уголовное дело на новое судебное разбирательство, не вправе давать указания, предрешающие выводы суда нижестоящей инстанции, который при повторном рассмотрении дела обязан решить вопросы о виновности или невиновности подсудимого, о применении уголовного закона и о назначении наказания, исходя из оценки доказательств в соответствии с требованиями ст. 17 и 88 УПК РФ.

Как видно из материалов уголовного дела, суд апелляционной инстанции, отменяя обвинительный приговор, пришел к выводу о том, что хотя и имел место факт перечисления денежных средств из бюджета муниципального предприятия с целью оплаты административных штрафов, наложенных на Ж. как на должностное лицо, однако возмещение осужденной ущерба из личных средств в полном объеме, небольшой объем причиненного материального ущерба, отсутствие от ее действий каких-либо негативных экономических последствий свидетельствуют о том, что ее действия хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, но в силу малозначительности общественной опасности не представляют.

Суд кассационной инстанции, удовлетворяя кассационное представление, отменил оправдательный апелляционный приговор, указав на наличие у Ж. корыстного умысла при совершении инкриминируемых ей деяний, на факт использования ею при совершении преступления своих служебных полномочий, на отсутствие у суда апелляционной инстанции оснований для признания ущерба, причиненного действиями Ж., малозначительным.

Таким образом, суд кассационной инстанции в нарушение требований ч. 7 ст. 401¹⁶ УПК РФ вышел за пределы своих полномочий и, передавая дело на новое рассмотрение, не только дал оценку имеющимся в материалах дела

доказательствам, но и предрешил вопрос о виновности Ж., поскольку сделал выводы, которые могли быть сделаны судом только при рассмотрении данного уголовного дела по существу.

В то же время в постановлении суда кассационной инстанции не указано, какие именно нарушения закона, допущенные судом апелляционной инстанции, являлись существенными, повлиявшими на исход дела, искажающими суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Определение № 69-УД19-6

62. В случае отмены приговора суд кассационной инстанции не может предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществе одних доказательств перед другими.

По приговору суда от 28 мая 2018 г. (с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений) Щ. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, с признанием за ним права на реабилитацию.

Постановлением президиума областного суда от 12 ноября 2018 г. оправдательный приговор и апелляционное определение отменены, уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов Щ. просил отменить постановление президиума, указывая, что основанием отмены оправдательного приговора явилось несогласие президиума областного суда с оценкой судами первой и апелляционной инстанций представленных доказательств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума и оставила без изменения оправдательный приговор, указав следующее.

Оправдывая Щ., суд первой инстанции на основании исследованных в судебном заседании доказательств пришел к выводу об отсутствии в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, поскольку последний издавал приказы о ежемесячном премировании всех работников предприятия, а не лично себя. Начисление и выплата Щ., наряду с другими работниками, премии как части заработной платы, правомочность и размер которой были подтверждены администрацией сельского поселения, в том числе путем издания распоряжения от 28 июля 2017 г., не может квалифицироваться как совершение им присвоения. Совершение Щ. каких-либо обманных действий, направленных на незаконное получение заработной платы, в ходе предварительного расследования не установлено.

Президиум областного суда признал оценку доказательств судом первой инстанции необоснованной и отменил оправдательный приговор и апелляционное определение. При этом, президиум указал, что оставлены без внимания распоряжение администрации сельского поселения от 17 августа 2015 г. о приеме Щ. на работу, приказ (распоряжение) муниципального унитарного предприятия (далее – предприятие) от 17 августа 2015 г. о приеме работника на работу и иные документы, содержащие идентичные сведения о размере оклада директора предприятия, составляющего 20 тыс. рублей, которые какой-либо оценки в приговоре не получили.

Также президиум отметил, что, оставив без внимания вышеуказанные документы, суд счел достоверными показания потерпевших и свидетеля Г. о том, что Щ. был принят на должность директора предприятия с должностным окладом 28 тыс. рублей, а в первичных документах была допущена техническая ошибка в определении размера должностного оклада.

Далее президиум в своем постановлении обратил внимание на то, что распоряжение администрации сельского поселения от 28 июля 2017 г. в судебном заседании не оглашалось и не исследовалось, что противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства.

Между тем из материалов уголовного дела усматривается, что суд, после изложения существа предъявленного Щ. обвинения, исследования представленных сторонами доказательств, мотивированная оценка которым дана в приговоре, пришел к выводу об отсутствии в действиях Щ. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Вышеуказанное распоряжение администрации сельского поселения от 28 июля 2017 г. действительно не оглашалось в судебном заседании, однако факт его вынесения и подписания подтвердила в судебном заседании допрошенная в качестве свидетеля Г., являвшаяся главой администрации сельского поселения, а также представители потерпевшего, раскрывшие в своих показаниях содержание названного распоряжения.

Судебная коллегия отменила постановление президиума и оставила без изменения оправдательный приговор суда первой инстанции и апелляционное определение.

Определение № 35-УД19-5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

63. При отсутствии вины должника в неисполнении требований исполнительного документа постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора нельзя признать законным.

Вступившим в законную силу решением суда было удовлетворено исковое заявление прокурора в интересах А. к органу местного самоуправления и уполномоченному органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации (далее – министерство) о финансировании и предоставлении жилого помещения по договору найма специализированных жилых помещений; на министерство возложена обязанность произвести финансирование для приобретения жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения для А., включенной в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями.

На основании указанного решения суда постановлением судебного пристава-исполнителя возбуждено исполнительное производство, копия постановления направлена в адрес должника (министерства) и получена им в июне 2015 г.

В октябре 2016 г. судебным приставом-исполнителем в адрес должника было направлено требование об исполнении решения суда; в ответ на данное требования министерством был направлен ответ о том, что решение суда фактически исполнено.

В ноябре 2016 г. в адрес должника повторно было направлено постановление судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства и требование об исполнении решения суда.

В связи с неисполнением требований исполнительного документа и непредставлением доказательств, подтверждающих уважительность причин такого неисполнения, в январе 2018 г. судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление о взыскании с министерства исполнительского сбора в размере 50 000 руб.

Не согласившись с указанным постановлением, министерство оспорило его в суде, ссылаясь на то, что требования исполнительного документа были исполнены посредством перечисления органу местного самоуправления денежных средств, выделяемых за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации и федерального бюджета для приобретения жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» определено, что исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им

исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства. Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет (ч. 1). Исполнительский сбор устанавливается судебным приставом-исполнителем по истечении срока, указанного в ч. 1 названной статьи, если должник не представил судебному приставу-исполнителю доказательств того, что исполнение было невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (ч. 2).

Согласно положению о министерстве оно в рамках предоставленных ему полномочий обеспечивает предоставление субвенций из бюджета субъекта Российской Федерации бюджетам муниципальных образований, реализующим переданные государственные полномочия в области опеки и попечительства, организации отдыха и оздоровления детей, социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В силу ст. 171, ч. 3 ст. 184¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации составление проектов бюджетов относится к компетенции соответственно Правительства Российской Федерации, высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местных администраций муниципальных образований. Законом (решением) о бюджете утверждается ведомственная структура расходов бюджета на очередной финансовый год.

Министерство является главным распорядителем бюджетных средств, распределяющим выделенные бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств, исполняющими бюджетные обязательства от имени публично-правового образования за счет средств субъекта Российской Федерации.

Судами первой и апелляционной инстанций не было учтено, что министерство исполнило возложенную на него обязанность по предоставлению субвенций из бюджета субъекта Российской Федерации бюджетам муниципальных образований, в том числе предоставило средства бюджета субъекта Российской Федерации на осуществление отдельных государственных полномочий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

То обстоятельство, что орган местного самоуправления не приобрел на выделенные денежные средства жилое помещение для А., не свидетельствует о наличии вины министерства в неисполнении требований исполнительного документа и не может являться основанием для взыскания с министерства исполнительского сбора.

Исполнительский сбор обладает свойствами административной штрафной санкции, при применении которой на должника возлагается обязанность произвести определенную дополнительную выплату в качестве

меры его публично-правовой ответственности, возникшей в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства.

Учитывая отсутствие вины министерства в неисполнении требований исполнительного документа, выводы судов о законности оспариваемого постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора нельзя признать законными.

Определение № 18-КА19-47

64. В случае, если предметом исполнения решения суда является предоставление одного жилого помещения нескольким взыскателям, являющимся членами одной семьи, неоднократное взыскание с должника исполнительского сбора за неисполнение указанного решения суда не может быть признано законным, поскольку противоречит принципу недопустимости повторного привлечения к ответственности за совершение одного и того же правонарушения, учитывая, что исполнительский сбор является мерой публично-правовой ответственности.

Орган местного самоуправления (далее также – администрация) обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании постановлений судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, освобождении от уплаты исполнительского сбора.

В обоснование заявленных требований указал, что вступившим в законную силу решением суда на него возложена обязанность предоставить нескольким истцам (членам одной семьи) благоустроенное жилое помещение по договору социального найма взамен аварийного. В связи с неисполнением указанного решения в установленный судом срок по заявлениям взыскателей в отношении администрации судебным приставом-исполнителем возбуждены четыре исполнительных производства; впоследствии судебным приставом-исполнителем в рамках каждого исполнительного производства были вынесены постановления о взыскании с администрации исполнительского сбора в размере 50 000 руб. на общую сумму 200 000 руб.

Данные постановления администрация считала незаконными, поскольку предметом исполнения является предоставление одного жилого помещения на всех взыскателей. Кроме того, судебный пристав-исполнитель не принял во внимание отсутствие реальной возможности предоставления жилого помещения в пятидневный срок ввиду значительных временных затрат на процедуру его приобретения, установленную законом.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования администрации о признании незаконными постановлений судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора оставлены без удовлетворения, однако исполнительский сбор уменьшен до 37 500 руб. по каждому постановлению.

При этом суд исходил из того, что оспариваемые постановления приняты в соответствии с требованиями закона, который позволяет объединять исполнительные производства в сводное исполнительное производство лишь по требованиям имущественного характера и не запрещает взыскивать исполнительский сбор по каждому исполнительному производству, если их предметом является одно требование неимущественного характера. Оснований для освобождения должника от взыскания исполнительского сбора суд не установил.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 7 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» при отсутствии установленных Гражданским кодексом Российской Федерации оснований ответственности за нарушение обязательства суд вправе освободить должника от взыскания исполнительского сбора.

Согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 30 июля 2001 г. № 13-П, в качестве штрафной санкции административного характера исполнительский сбор должен отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям, предъявляемым к такого рода мерам юридической ответственности, одним из принципов которой является наличие вины как элемента субъективной стороны правонарушения.

Приведенная правовая позиция получила свое развитие в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П, в котором отмечено, что исполнительский сбор является административной санкцией, к которой в полной мере применимы требования соразмерности (пропорциональности) и справедливости.

Вместе с тем, судом не было принято во внимание то обстоятельство, что на момент получения органом местного самоуправления постановлений о возбуждении исполнительных производств жилое помещение, удовлетворяющее параметрам, указанным в подлежащем исполнению судебном решении, в муниципальной собственности отсутствовало. Органом местного самоуправления были предприняты соответствующие меры, в том числе разработан и утвержден план мероприятий по исполнению решения суда.

Таким образом, выводы суда о наличии вины органа местного самоуправления в неисполнении в установленный срок требований исполнительного документа признаны Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации необоснованными.

Кроме того, Судебная коллегия указала, что судом оставлены без внимания и надлежащей правовой оценки доводы органа местного самоуправления о том, что исполнительский сбор является мерой публично-правовой ответственности, неоднократное применение которой к должнику за неисполнение одного судебного решения о предоставлении жилого помещения на всех взыскателей, являющихся членами одной семьи, противоречит принципам юридической ответственности.

Основополагающим принципом как международного, так и российского права является недопустимость повторного привлечения к ответственности за совершение одного и того же правонарушения.

Вместе с тем, оспариваемыми постановлениями судебного пристава-исполнителя орган местного самоуправления был четырежды привлечен к ответственности за неисполнение одного судебного решения.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные акты, которыми оспариваемые постановления судебного пристава-исполнителя признаны законными, подлежат отмене, поскольку допущенные судами при рассмотрении административного дела нарушения норм материального права являются существенными, повлиявшими на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов административного истца.

Определение № 51-КА19-10

65. Для целей ст. 12 Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» под подлежащей списанию задолженностью граждан, образовавшейся по состоянию на 1 января 2015 г., следует понимать недоимки по налогам, а также пени и штрафы, информация о которых имелаась у налогового органа и которые подлежали взысканию на указанный период времени, но не были погашены полностью или в соответствующей части в течение 2015–2017 гг.

П. в период с сентября 2004 г. по апрель 2015 г. являлся индивидуальным предпринимателем. В связи с непредставлением П. в установленном законом порядке отчетности налоговым органом в декабре 2015 г. было принято решение о проведении выездной налоговой проверки по вопросу правильности

исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) всех налогов и сборов в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации за период с января 2012 г. по апрель 2015 г. По результатам проведенной проверки был составлен акт и вынесено решение о привлечении П. к ответственности за совершение налоговых правонарушений, с П. взыскана задолженность по налогам, пени, штрафы.

Данный акт и решение налогового органа П. не обжаловались, определенная к взысканию сумма в добровольном порядке уплачена не была, в том числе и после направления на основании ст. 69 и 70 НК РФ заказными письмами соответствующих требований в ноябре 2016 г.

Поскольку в установленный срок задолженность П. погашена не была, в мае 2017 г. налоговым органом было подано заявление о вынесении судебного приказа. В июне 2017 г. мировым судьей был вынесен судебный приказ о взыскании с П. задолженности по обязательным платежам и санкциям. Впоследствии данный судебный приказ был отменен в связи с поступившими от должника возражениями, после чего налоговый орган обратился в суд с административным иском о взыскании с П. обязательных платежей и санкций.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что установленные налоговой проверкой и отраженные в решении налогового органа обстоятельства подтверждаются представленными доказательствами и П. не опровергнуты. Административным ответчиком не были представлены доказательства, опровергающие наличие у него задолженности по налоговым обязательствам. Также суд установил, что срок обращения в суд с названным административным иском налоговым органом пропущен не был.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение, которым административное исковое заявление удовлетворил частично.

Так, судебная коллегия указала на обоснованность доводов административного ответчика о необходимости применения положений ст. 12 Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 436-ФЗ). Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что вся выявленная налоговым органом недоимка по налогам, за исключением недоимки по НДС за 2014 г. и недоимки по НДС за 4 квартал 2014 г., образовалась до 1 января 2015 г., в связи с чем эта задолженность подлежит признанию безнадежной и не подлежащей взысканию, как и начисленные на данную недоимку пени и штрафы.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Обязанность по уплате конкретного налога возлагается на налогоплательщика с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога, и по общему правилу прекращается с уплатой налога (пп. 2 и 3 ст. 44 НК РФ).

Статьей 59 НК РФ определены в подп. 1–4³ п. 1 конкретные случаи признания задолженности по налогам (пени, штрафам), числящейся за отдельными налогоплательщиками, безнадежной к взысканию, а также указано на возможность принятия такого решения в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (подп. 5).

По смыслу п. 1 названной статьи, решение о признании налоговой задолженности безнадежной к взысканию налоговым органом принимается при установлении перечисленных в этом пункте обстоятельств, являющихся юридическим или фактическим препятствием к реальному исполнению обязанности по уплате налогов (пени, штрафов), то есть списание задолженности как безнадежной означает, что применение мер, направленных на принудительное исполнение налоговой обязанности, является невозможным, в связи с чем задолженность исключается из лицевого счета налогоплательщика и более не может выступать предметом взыскания.

Таким образом, для целей ст. 12 Закона № 436-ФЗ под подлежащей списанию задолженностью граждан, образовавшейся по состоянию на 1 января 2015 г., следует понимать недоимки по налогам, а также пени и штрафы, известные налоговым органам и подлежащие взысканию на указанный момент времени, но не погашенные полностью или в соответствующей части в течение 2015–2017 гг.

В этой связи положения ст. 12 Закона № 436-ФЗ, вступившего в силу 29 декабря 2017 г., подлежат применению в том случае, когда речь идет о налоговой задолженности, задекларированной налогоплательщиком либо установленной налоговым органом на 1 января 2015 г., не погашенной в течение трех лет.

Распространение предписаний названной статьи на задолженность по налогам, исчисленную за налоговые периоды до 1 января 2015 г., но выявленную по результатам налоговых проверок в 2015–2017 гг., означало бы, что налогоплательщики, уклонявшиеся от исполнения обязанности по уплате налогов, ставятся в привилегированное положение по сравнению с гражданами, уплатившими налоги в полном объеме и в установленный срок, что не отвечает принципу равенства всех перед законом.

Принимая во внимание, что административный ответчик не представлял в налоговый орган отчетность по результатам своей деятельности и названному органу до проведения налоговой проверки не было известно о наличии недоимки, размер которой был установлен в июле 2016 г., суд первой инстанции при разрешении заявленных налоговым органом требований

правильно не применил к возникшим правоотношениям положения ст. 12 Закона № 436-ФЗ.

Определение № 81-КА19-2

66. Произвольное установление ставок арендной платы за пользование земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, является недопустимым.

Общество, являющееся арендатором земельного участка, предоставленного для завершения строительства торгового комплекса, обратилось в суд с административным иском о признании недействующим отдельных положений Порядка расчета арендной платы за земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности города и предоставленные в аренду без торгов (далее – Порядок).

Согласно оспариваемым положениям в случае заключения договора аренды земельного участка, предоставленного для завершения строительства расположенных на данном земельном участке объектов незавершенного строительства, за исключением многоквартирных домов, размер годовой арендной платы за такой земельный участок устанавливается в пятикратном размере годовой арендной платы, рассчитанной в соответствии с данным Порядком, если иное не установлено земельным законодательством.

Административный истец полагал, что приведенное правовое регулирование противоречит п. 1 ст. 39⁷ ЗК РФ и принципу экономической обоснованности, закрепленному в постановлении Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» (далее также – Постановление № 582).

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено, оспариваемые положения признаны недействующими со дня вступления решения суда в законную силу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции оставила без изменения, указав следующее.

Согласно подп. 3 п. 3 ст. 39⁷ ЗК РФ, порядок определения размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные в аренду без торгов, устанавливается органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Согласно п. 1 ст. 39⁷ ЗК РФ размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности,

определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством Российской Федерации.

Правительством Российской Федерации принято Постановление № 582, которое является общеобязательным при использовании всех земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в случаях, когда в соответствии с законом размер платы подлежит установлению соответствующими компетентными органами.

Одним из принципов определения арендной платы названное постановление указывает принцип экономической обоснованности, в соответствии с которым арендная плата устанавливается в размере, соответствующем доходности земельного участка с учетом категории земель, к которой отнесен такой земельный участок, и его разрешенного использования, а также с учетом государственного регулирования тарифов на товары (работы, услуги) организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность на таком земельном участке, и субсидий, предоставляемых организациям, осуществляющим деятельность на таком земельном участке.

Таким образом, ставки арендной платы, коэффициенты и их значения должны устанавливаться в целях определения экономически обоснованной платы за аренду земельных участков, соответствующей определенному уровню коммерческой привлекательности, потребительскому спросу на землю, развитию инфраструктуры, и призваны обеспечить максимальное поступление в бюджет арендных платежей при одновременном соблюдении экономически справедливого баланса интересов арендодателя и арендаторов земельных участков.

В этой связи при принятии нормативного правового акта помимо оценки местоположения и градостроительной ценности тех или иных участков земли должны проводиться анализ и оценка экономических факторов, влияющих на уровень их доходности.

Соблюдение принципа экономической обоснованности компетентным государственным или муниципальным органом должно быть доказано путем представления соответствующих расчетов (показывающих доходность земельных участков), а также документов, содержащих многофакторный анализ оценочных характеристик земельных участков.

Вместе с тем, судом при рассмотрении административного дела было установлено отсутствие экономического обоснования для установления оспариваемым в части Порядком пятикратного повышения размера годовой арендной платы в случае предоставления земельного участка в аренду для завершения строительства расположенных на нем объектов незавершенного строительства.

При этом само по себе использование земельного участка для завершения строительства расположенных на нем объектов незавершенного строительства не может рассматриваться как основание для повышения арендной платы за такой земельный участок.

В этой связи суд первой инстанции пришел к правильному выводу, что установление пятикратного увеличения размера арендной платы является произвольным, не связанным с многофакторным анализом доходности земельного участка, что противоречит основным принципам определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Определение № 16-АПА19-10

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По уголовным делам

67. Содействие лица участнику незаконного вооруженного формирования советами, предоставлением информации, средств совершения преступления и устранением препятствий подлежит квалификации по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ, а не по специальной норме, предусматривающей ответственность за содействие террористической деятельности.

Действия лица, пропагандирующего терроризм, направлены на лиц, у которых идеология терроризма и убежденность в ее привлекательности не сформированы.

По приговору Московского окружного военного суда от 4 апреля 2019 г. Х. осужден по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ за пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205 и ч. 1 ст. 208 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 205² УК РФ за пропаганду терроризма, совершенную с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Согласно приговору Х. предоставил участнику незаконного вооруженного формирования А. информацию о возможностях скрытного использования средств мобильной связи в условиях применения российской группировкой войск аппаратуры радиоэлектронной борьбы и современных зенитно-ракетных комплексов, а также возможность доступа к созданным им при помощи оформленных на посторонних лиц сим-карт учетным записям в интернет-мессенджерах, социальных сетях и электронных сервисах.

Кроме того, Х. распространил среди знакомых ему, в том числе А., с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», материалы и информацию, направленные на формирование у них идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: переквалифицировала действия Х. с ч. 3 ст. 205¹ УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ и исключила из приговора осуждение Х. по ч. 2 ст. 205² УК РФ за пропаганду терроризма, совершенную с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в отношении А., смягчив наказание за каждое преступление и по их совокупности.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие основания.

Обосновывая вывод о пособничестве Х. участнику незаконного вооруженного формирования А. в ведении террористической деятельности, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, суд в приговоре указал, что осужденный содействовал руководству и участникам незаконных вооруженных формирований, принимавших участие в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики (далее – Сирия) на стороне запрещенной международной террористической организации «Исламское государство Ирана и Леванта» (далее – «ИГИЛ»), в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Между тем такой вывод суда не подтверждается доказательствами, рассмотренными в судебном заседании.

В приговоре суд указал, что из показаний, данных Х. в ходе предварительного следствия, усматривается, что последний понимал, что переданные им сведения будут использоваться как самим А., так и иными членами террористической организации, в том числе руководителями незаконных вооруженных формирований, действующих на территории Сирии против правительственных сил и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, и для ведения иной террористической деятельности.

Однако в ходе предварительного и судебного следствия Х. давал иные показания, суть которых сводилась к тому, что переданные им сведения и аккаунты могли использоваться в интересах противоправной деятельности. При этом о конкретных действиях, которые может совершить А. с использованием предоставленной им информации, он не знал и последний ему не сообщал, что планирует совершить он или руководство незаконного вооруженного формирования террористические акты, захваты заложников или иные противоправные действия.

При таких данных из показаний Х. следует, что тот не был достоверно осведомлен об использовании А. и руководителями незаконных вооруженных формирований переданных им аккаунтов и информации не только для совершения конкретных террористических актов или создания, руководства и финансирования незаконного вооруженного формирования, но и для ведения иной террористической деятельности.

Эти обстоятельства подтверждены исследованными в судебном заседании иными доказательствами, в том числе протоколом осмотра

переписки между осужденным и А., из которой усматривается, что А. не сообщал о подготовке им к совершению какого-либо конкретного террористического акта и не просил Х. оказать помощь в его совершении. Не содержатся в данной переписке и просьбы А. об оказании осужденным помощи в создании незаконного вооруженного формирования, руководстве таким формированием или его финансировании.

Содержание переписки свидетельствует лишь о том, что Х. был осведомлен об участии А. в незаконном вооруженном формировании на территории Сирии и путем предоставления доступа к учетным записям в интернет-мессенджерах, социальных сетях и электронных сервисах оказывал А. и его супруге помощь в общении с родственниками, а также выполнял просьбы А. о налаживании связи с их родственниками.

Как следует также из переписки, Х. предоставил А. информацию о возможностях скрытного использования средств мобильной связи в условиях применения российской группировкой войск аппаратуры радиоэлектронной борьбы и современных зенитно-ракетных комплексов.

Допрошенный органами предварительного следствия и судом свидетель Ш. показал, что, хотя данная информация изложена Х. с обывательской точки зрения, в целом он правильно указывает, что на вооружении в Российской Федерации имеется военная техника, способная перехватить данные, передаваемые мобильными устройствами.

Согласно заключению эксперта в материалах переписки между Х. и А. со стороны последнего содержатся признаки побуждения к определенной деятельности: выполнить действия, необходимые для коммуникации посредством социальных сетей, интернет-мессенджеров и по установлению контактов с родственниками; выполнить действия, связанные с получением информации о технических возможностях российских разведывательных самолетов; к желательным для адресата действиям: напасть на воинскую часть (при этом способ их осуществления (план, этапы подготовки) не указан), прочитать книгу, приносить покаяния.

Таким образом, исследованные в суде доказательства не подтверждают пособничество Х. лицу, обвинявшемуся в участии в незаконном вооруженном формировании, в совершении конкретных преступлений, предусмотренных ст. 205 и ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

В соответствии с ч. 3 ст. 205¹ УК РФ содействием террористической деятельности является пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Содержание названной нормы уголовного закона указывает на то, что лицо, которому оказывается такое пособничество, должно приготовляться, покушаться или совершать конкретные преступления, предусмотренные ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, а пособник – содействовать приготовлению, покушению на совершение этих особо тяжких преступлений

либо их совершению советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий.

Поскольку в деле отсутствуют данные о совершении (приготовлении, покушении) А. указанных преступлений, а Х. не содействовал ему либо другому лицу в совершении (приготовлении, покушении) какого-либо конкретного террористического акта и не оказывал помощь в создании, руководстве и финансировании незаконного вооруженного формирования, то оснований для осуждения его по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ не имеется.

Что касается осознания Х. того, что переданная им информация может быть использована для совершения преступлений террористической направленности, то данного обстоятельства недостаточно для осуждения по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ.

Побуждение А. к нападению осужденным на воинскую часть также не свидетельствует о том, что А. является исполнителем данного деяния.

Вместе с тем действия Х., выразившиеся в содействии А. в участии в незаконном вооруженном формировании советами, предоставлением информации, средств совершения преступления и устранением препятствий, что выразилось в предоставлении ему при обстоятельствах, установленных судом по результатам исследования названных выше доказательств, информации о возможностях скрытного использования средств мобильной связи в условиях применения российской группировкой войск аппаратуры радиоэлектронной борьбы и современных зенитно-ракетных комплексов, а также возможности доступа к созданным им при помощи сим-карт учетным записям в интернет-мессенджерах, социальных сетях и электронных сервисах, указывают на пособничество в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ.

В связи с тем, что названные действия осужденного фактически вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает его положения и не нарушает права на защиту, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу о необходимости квалификации содеянного Х. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ как пособничество А. в участии в незаконном вооруженном формировании.

Признавая Х. виновным в пропаганде терроризма с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», суд исходил из того, что осужденный распространял среди четырех лиц, в том числе А., материалы и информацию, направленные на формирование у названных лиц идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Виновность осужденного в инкриминируемом ему деянии суд обосновал показаниями свидетелей о том, что Х. в ходе переписки с ними посредством электронных сетей направлял им различные материалы и информацию о

привлекательности идей радикального ислама, необходимости поддержки лиц, принимавших участие в боевых действиях в Сирии на стороне международной террористической организации «ИГИЛ».

Достоверность показаний названных лиц подтверждена исследованными в судебном заседании протоколами осмотра изъятого у Х. телефона сотовой связи и содержащейся в нем информации, а также заключениями экспертов, в соответствии с выводами которых осужденный побуждал их к изменению точки зрения относительно идеологии терроризма и укреплению их позиции относительно правильности этой идеологии.

Согласно заключениям экспертов осужденный, кроме того, оставлял положительные и одобрительные отзывы и комментарии к направленным материалам; высказывал собственное мнение о правильности и целесообразности деятельности участников и руководства незаконных вооруженных формирований и запрещенных в Российской Федерации международных террористических организаций; демонстрировал собственный интерес к деятельности международных террористических организаций и лиц, осуществлявших и осуществляющих террористические акты и вооруженную религиозную борьбу; выражал свою приверженность идеологии запрещенной международной террористической организации «ИГИЛ», а также свое желание и готовность совершить джихад.

Оценив названные доказательства, суд пришел к правильному выводу о том, что Х. пропагандировал среди своих знакомых, за исключением А., терроризм.

При этом суд правомерно исходил из того, что под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, как это изложено в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ.

Содержание данного примечания указывает на то, что пропаганда терроризма не требует установления публичности, в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, входящих в объективную сторону преступления. Следовательно, уголовная ответственность за пропаганду терроризма может иметь место и в том случае, если указанные действия направлены на формирование идеологии терроризма и соответствующие мировоззренческие установки даже у одного человека.

При этом согласно примечанию 1¹ к ст. 205² УК РФ действия лица, пропагандирующего терроризм, направлены на лиц, у которых идеология терроризма и убежденность в ее привлекательности не сформированы, а представление о допустимости осуществления террористической деятельности отсутствует. Именно в возможности изменения мировоззрения лиц, на которых направлена пропаганда терроризма, заключается общественная опасность данного преступления.

В свою очередь, лица, у которых названная идеология сформирована, убеждены в ее привлекательности и допускают осуществление террористической деятельности, не могут являться участниками данных правоотношений, поскольку эта система взглядов и идей сформирована не субъектом данного конкретного преступления и до него.

Между тем из исследованных в судебном заседании протоколов допросов осужденного в ходе предварительного следствия, процессуальных документов в отношении А., протокола осмотра переписки, заключения эксперта и других фактических данных следует, что на момент начала переписки Х. с А. последний имел ярко выраженную систему взглядов и идей террористической направленности.

Так, из показаний Х. в ходе предварительного следствия, которые положены судом первой инстанции в основу приговора, усматривается, что, общаясь с А. и под его воздействием, он внутренне для себя стал принимать пропагандируемую им идеологию радикального ислама, после чего согласился помогать ему. Также под воздействием убеждений А. он намеревался убить в Сирию или Исламскую Республику Афганистан и принять участие в деятельности международных террористических организаций.

О том, что именно А. побуждал Х. к желательным для него действиям, следует из заключения эксперта по результатам исследования переписки между осужденным и А.

При таких данных вывод суда о пропаганде Х. терроризма в отношении А. не подтверждается доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, в связи с чем приговор в части осуждения Х. по ч. 2 ст. 205² УК РФ (эпизод в отношении А.) нельзя признать законным, приговор в этой части подлежит изменению, а указанное обвинение исключению.

Изменения в объеме обвинения Х. и квалификации его действий повлекло изменение в назначении ему наказания в сторону смягчения.

Апелляционное № 201-АПУ19-36

68. Действия, связанные с предоставлением лицом за денежное вознаграждение материальных средств с умыслом, направленным на содействие деятельности террористических организаций, правильно квалифицированы судом как финансирование терроризма.

По приговору Московского окружного военного суда от 22 апреля 2019 г. З. осужден по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма, выразившееся в предоставлении за денежное вознаграждение представителям международных террористических организаций «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» оптических приборов и комплектующих к ним, предназначенных для использования в качестве дополнительного навесного

оборудования с ручным огнестрельным оружием с единым умыслом, направленным на содействие террористической деятельности террористических организаций.

В апелляционной жалобе защитник осужденного, указывал в том числе на то обстоятельство, что предоставление З. оптических приборов за денежное вознаграждение не может быть расценено как финансирование терроризма.

Судебная коллегия по делам военнослужащих апелляционную жалобу оставила без удовлетворения по следующим основаниям.

Судом установлено, что З. в январе и сентябре 2015 г. соответственно установил связь и договорился с представителями международных террористических организаций «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» за денежное вознаграждение снабжать приобретенными на территории Российской Федерации оптическими приборами и комплектующими к ним с целью использования их в качестве дополнительного навесного оборудования с ручным огнестрельным оружием.

Во исполнение договоренности З. в период с 30 января 2015 г. по ноябрь 2016 г. приобрел указанное оборудование на общую сумму 163 256 031 руб., которое перевез в том числе с соблюдением мер конспирации и с привлечением иных лиц, в Турецкую Республику где за денежное вознаграждение передал представителям международных террористических организаций.

29 марта 2018 г. З. был задержан сотрудниками правоохранительных органов, а приобретенное им оборудование на сумму 11 333 050 руб. обнаружено и изъято.

По смыслу ст. 205¹ УК РФ финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств, но и материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Таким образом, действия З. правильно квалифицированы судом по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ как содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма.

То обстоятельство, что осужденный получал денежное вознаграждение за предоставляемые оптические приборы и комплектующие к ним, не имеет правового значения для квалификации содеянного, поскольку юридически значимыми обстоятельствами по данному делу являются установленные факты предоставления З. материальных средств с целью обеспечения международных террористических организаций.

С учетом обстоятельств содеянного, которые объективно свидетельствуют о наличии у виновного единого умысла на совершение тождественных преступных действий по финансированию терроризма, суд правильно квалифицировал его действия как единое продолжаемое преступление в редакции уголовного закона, действовавшего на момент его пресечения, то есть на 29 марта 2018 г.

Апелляционное определение № 201-АПУ19-44

69. Назначение судом осужденным максимально возможного наказания в виде лишения свободы без учета данных об их личности повлекло изменение приговора.

По приговору Московского окружного военного суда от 6 декабря 2018 г. Г. и М. осуждены к лишению свободы, в том числе за незаконное изготовление организованной группой взрывчатого вещества и взрывных устройств, то есть за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 223¹ УК РФ, на срок 8 лет каждый.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам защитников осужденного Г., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор подлежащим изменению в части назначенного Г. и М. наказанию по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Санкция ч. 3 ст. 223¹ УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 3 лет.

Две трети от 12 лет составляют 8 лет лишения свободы.

Таким образом, суд назначил осужденным по ч. 3 ст. 223¹ УК РФ максимально возможное наказание в виде лишения свободы.

При этом суд оставил без внимания положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которым при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В качестве смягчающего обстоятельства суд учел активное содействие осужденных раскрытию и расследованию преступлений, а также принял во внимание положительные данные об их личностях до

совершения преступлений, состояние здоровья осужденных и членов их семей, отсутствие судимостей в прошлом, что Г. является единственным ребенком в семье, с 4 месяцев рос и воспитывался в неполной семье, а М. воспитывался в многодетной семье. Отягчающие наказание обстоятельства по делу отсутствовали.

Из изложенного следует, что суд при назначении наказания за совершение данного преступления фактически не учел иные положительные данные о личности виновных, а также влияние назначенного наказания на их исправление и на условия жизни их семей, то есть назначил наказание без учета положений ч. 3 ст. 60 УК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих смягчила назначенное Г. и М. наказание как по ч. 3 ст. 223¹ УК РФ, так и окончательное наказание, назначенное им по совокупности преступлений.

Апелляционное определение № 201-АПУ19-14

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком порядке определяется начальная продажная цена недвижимого имущества, переданного в залог, в деле о банкротстве?

ОТВЕТ. По общему правилу, в рамках дела о банкротстве должника – юридического лица начальная продажная цена недвижимого имущества, переданного в залог, определяется конкурсным кредитором, требования которого обеспечены залогом реализуемого имущества, либо, при наличии разногласий, арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, в размере, равном восьмидесяти процентам рыночной стоимости такого имущества, определенной в отчете оценщика (абзац третий п. 5, п. 6 ст. 18¹, абзац второй п. 2 ст. 131, абзац второй п. 4 ст. 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», подп. 4 п. 2 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

В деле о банкротстве гражданина начальная продажная цена заложенного недвижимого имущества, по общему правилу, определяется конкурсным кредитором, требования которого обеспечены залогом исходя из стоимости предмета залога, определенной в договоре об ипотеке. В случае разногласий относительно начальной продажной цены она определяется арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, в размере восьмидесяти процентов рыночной стоимости этого имущества, определенной по результатам оценки (ст. 213²⁶ Закона о банкротстве, п. 4 ст. 14 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей

несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подп. 4 п. 2 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

ВОПРОС 2. В каком порядке в рамках дела о банкротстве осуществляется реализация объектов коммунальной инфраструктуры, относящихся к системам жизнеобеспечения, в том числе объектов водо-, тепло-, энергоснабжения и водоотведения?

ОТВЕТ. Согласно ст. 131 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) объекты коммунальной инфраструктуры, принадлежащие должнику, включаются в конкурсную массу. Отчуждение этих объектов происходит в особом порядке с возложением на покупателей обязанности надлежащим образом содержать и использовать объекты в соответствии с их целевым назначением, а также исполнять иные устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательства (п. 4 ст. 132 Закона о банкротстве).

Подобное ограничение по использованию имущества обусловлено в первую очередь публичным интересом, связанным с необходимостью сохранения статуса объектов для удовлетворения общественных потребностей.

В силу пп. 4¹ и 4² ст. 132 Закона о банкротстве гарантией последующего сохранения такого статуса служит обязанность участников торгов заключить с органами местного самоуправления соглашение об исполнении условий, указанных в п. 4 этой статьи. В связи с этим права и обязанности по договору купли-продажи названных объектов, заключенному по итогам торгов, возникают после подписания данного соглашения.

Нарушение условий соглашения со стороны покупателя влечет расторжение договора купли-продажи и связанного с ним соглашения с возвратом объектов в собственность муниципального образования (абзац второй п. 4² ст. 132 Закона о банкротстве).

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон) отчуждение в частную собственность объектов централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не допускается.

Закон является специальным по отношению к Закону о банкротстве, поэтому поименованные в нем объекты не подлежат реализации в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, и возвращаются в собственность соответствующего публично-правового образования не обремененными правом хозяйственного ведения.

При этом возврат этих объектов свободными от прав третьих лиц не должен осуществляться без компенсации со стороны их собственника, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов. Заинтересованные лица, в частности арбитражный управляющий, вправе обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, с требованием к собственнику имущества о компенсации уменьшения конкурсной массы в связи с прекращением права хозяйственного ведения с учетом того, что социальное предназначение данных объектов является таким обременением, которое снижает их рыночную стоимость (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 г. № 8-П).

Споры о возврате названных объектов в публичную собственность и (или) споры, связанные с выплатой компенсации за такой возврат, рассматриваются арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника.